

NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№44/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
 - Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
 - Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
 - Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
 - Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
 - Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
 - Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
 - Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
 - Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
 - Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
 - Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
 - Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
 - Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
 - Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
 - Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
 - Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
 - Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
 - Chan Jiang (Peking University, China)
- and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

Astakhin A.

ANALYSIS OF MOBILIZATION POSSIBILITIES OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS OF HIGH SENSITIVITY (USING THE EXAMPLE OF REGIONS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION) 3

Kvasniy O.

DEVELOPMENT OF UNITED TERRITORIAL COMMUNITIES IN CONDITIONS OF TAX DECENTRALIZATION: CONCEPTUAL PRINCIPLES 10

Kyfor M.

ANALYSIS OF TOURIST FLOWS IN THE CARPATHIAN REGION 14

Leontyev R.

CHARGED BY THE OPPONENT FALSE EVALUATION OF NOVELTY OF PROVISIONS AND CONCLUSIONS RESEARCH ABOUT MVL AIRPORTS 19

JURISPRUDENCE

Elizarova O.

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE HEAD OF STATE OF THE SWISS CONFEDERATION UNDER THE CONSTITUTION OF 1999 26

Krokhina Y.

FINANCIAL POLICY AND LAW 28

Mammadov R.

DETERMINING FACTORS OF CRIME OF MIGRANTS IN KAZAKHSTAN 36

Pravdyuk A.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO STRIKE IN UKRAINE 40

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gorbunova A.

THEMATIC SESSIONS AS A FORM OF THE ORGANIZATION OF THE INDIVIDUAL LEARNING PATH OF GIFTED TEENAGERS 49

Kolesov V.

THE IMPORTANCE OF THE SELF-REALIZATION IN THE FORMATION OF SOCIAL COMPETENCES IN THE MODERN SOCIUM 52

Chaika O.

GAMIFICATION OF EDUCATION: FORMAL AND INFORMAL SPASE 55

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kakvaeva S.

CONSTRUCTIONS WITH MODAL VERBS CHCHAN, AND KHAN 58

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Turova O., Gonokhova T.

USE OF MEDIATIVE APPROACH AS A METHOD OF PROVIDING FREE LEGAL ASSISTANCE AND PRE-JUDICIAL RESOLUTION OF CONFLICTS IN STUDENT ENVIRONMENT 59

SOCIAL SCIENCES

Krul A.S.

HEALTHY LIFESTYLE IN MODERN RUSSIA: INSTITUTIONAL ANALYSIS 63

ECONOMIC SCIENCES

ANALYSIS OF MOBILIZATION POSSIBILITIES OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS OF HIGH SENSITIVITY (USING THE EXAMPLE OF REGIONS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Astakhin A.

*The Belgorodsky State National Research University,
Russia*

Abstract

The article proposes a methodology for analyzing the mobilization capabilities of high sensitivity systems. The methodology includes a comparative analysis and a process of modeling a synthesized model of socio-economic systems of a number of regions of the Central Federal District, taking into account the mutual influence of social, economic, technological, political and other regional subsystems in order to solve the problems of preserving basic vital values in the conditions of changing national macroeconomic parameters and institutional conditions. Properties of systems previously undescribed in the scientific literature have been investigated, such as: trigger behavioral effect, unity and continuity of economic relations, network emergence. The principle of "perseveration of sustainable development" is proposed.

Keywords. Regional economy, sustainable development, assessment methodology, vital activity, characteristics of regional socio-economic systems.

The relevance of the topic of the article is due to the following circumstances.

Firstly, at a new stage in the development of industrial society in Russia, the tendency to accelerate the pace of technological change becomes of fundamental importance. "Accelerating acceleration" is becoming the main trend in the socio-economic development of Russian society in the near future. At the same time, since the beginning of the 21st century, there has been an unprecedented technological breakthrough in the world, also due to the introduction of the so-called "digital economy." Its distinctive properties, as a system, are the presence of potential and tools with increased sensitivity to changes.

Secondly, the new second-generation industrial society (НПО.2) is a society based on a new round of development of industrial material production, characterized by increased knowledge, an accelerated transition to the production of a knowledge-intensive product, an accelerated pace of response to technological changes and a transition to the continuity of the flow of innovation, the completion of integration processes of production, science and education, uniting a complex at the micro and macro levels of continuously complicated systems [1].

Thirdly, a sharp acceleration of the rhythm of life and an increase in the instability of the development of the socio-economic sphere of regions (territories) [2] contribute to an increase in the vulnerability of the population in everyday life [3].

Fourthly, in order to adequately respond to the current challenges of reducing threats to the viability of the population to an acceptable level, it is necessary to

increase the mobility, sensitivity of life systems and livelihood support of the regions, for which, on the one hand, it is necessary to use the existing potential to improve the life system of the population, on the other hand, to begin the development of additional measures related to the quick response to macroeconomic and institutional changes [4].

Fifthly, there is now a situation where traditional economic science does not have sufficient knowledge of how to manage complex systems [5]. The definition of a modern "complex system" is an important element of knowledge. Complexity is not synonymous with a large number of nodes and links. The number of objects and connections is just one of the factors of difficulty, even from the standpoint of classical science. Here we have a more serious challenge to science.

Sixth, the scientific interest lies in finding new approaches to managing complex regional systems in the face of rapid change, uncertainty, lack or excess of information, as well as a variety of structures and events, novelty and various surprises. We believe that adaptability to change should be combined with high sensitivity to current situations and the ability to respond to unpredictable unexpected events of any complexity, which means a greater awareness of events and situations, their high autonomy and responsibility at all levels and levels, and effective mechanisms for coordinating actors, processes, events and situations, that is, we believe that such communities should be characterized by a number of characteristic features: *self-organization, decentralization, emergence, the concepts of which are summarized in tab.1.*

Tab. 1

Self-organization	Self-organization is the process of ordering in the system due to internal factors, without external specific influence. More clearly reveals the essence of the concept of the definition of German physicist Hermann Haken. "Self-organization is the spontaneous formation of highly ordered structures from embryos or even from chaos, the spontaneous transition from a disordered state to an ordered one through the joint, cooperative (synchronous) action of many subsystems." The process during which the organization of a complex dynamic system is created, reproduced or improved. The network community first emerges, that is, a new holistic system emerges from some set of individual elements. Then the community begins to "reproduce." Processes are taking place in it, thanks to which the system supports a certain level of organization. The system is being improved and developed. We believe that in order for the system to become capable of self-organizing ordered structures from the chaotic, unorganized behavior of elements, it must satisfy the following conditions: 1) the system shall be open, i.e. exchange of substance, energy and/or information with the environment. In closed systems (which are the idealization of reality), disorganization processes increase, and they come to a state with the greatest entropy. 2) the system should be unambiguously non-equilibrium. Equilibrium systems removed from the equilibrium state return to the initial equilibrium state, obeying the mechanism of homeostasis, the emergence of a new one in them is difficult. 3) the system must be non-linear. The behavior of the linear system is predictable and, as a rule, deterministic. A nonlinear system passes through instability states (bifurcation points) when small events, parameter deviations, fluctuations, iterations determine the path of its further development. A nonlinear system changes the pace of its development, is subject to various modes of operation, is sensitive to fluctuations in states of instability, especially at points of bifurcation, which contributes to the development of emergent phenomena, and new complex structures may arise.
Decentralization	Decentralization is the process of redistribution, dissipation of functions, forces, power, people or things from the central location or the governing body. Within the framework of a systemic approach, decentralization should be understood as a reorganization of ongoing intra-system processes, in which a large part of them are transferred to a lower level of the hierarchy.
Emergence	Emergence (English emergence - emergence, emergence of a new one) in the theory of systems - the presence of special properties in any system that are not inherent in its subsystems and blocks, as well as the sum of elements that are not connected by special system-forming connections; irrelevance of system properties to sum of properties of its components; synonym - "system effect." The concept of emergence occurred in cybernetics. The word "cybernetics" [6] originated in ancient Greece. It was first spoken long before our era by the philosopher Plato, producing it from the Greek word "cybernus," which meant "feeding." The stern controls the ship. By "ship" we can mean organization, system. Knowledge of the principle of emergence allows you to optimize the control system. Since emergence means that the goal of the organization (system) does not match the goals of its parts. In the ability to smooth, level, remove stresses between the differences of the whole (system) and its parts, and is the art of control. The network community is a collective decentralized self-organization of independent elements. Each element in it is individuality, with its own culture, values, goals and motives. Self-organization is realized through self-training, self-education and self-control. And this is a high degree of consciousness, responsibility and clear internal motivation. In this case, decentralization is of particular importance when certain management functions are transferred to other members of the community, that is, the terms of reference are expanded. Then, in the hierarchy, part of the authority of higher managers is transferred to children. Which gives great freedom, but also great responsibility.

But this is not enough. Deep fundamental knowledge is needed.

Currently, in the description and explanation of the dynamics of complex systems, new approaches are emerging in the theory of control and prediction. We believe that today there is a general understanding of the insufficiency of the theory of rational choice (action), which so far remains the dominant paradigm in macro-, microeconomics, political science and sociology - is seriously criticized. There is a conceptual shift from the theory of purely rational choice to the theory of bounded rationality, which takes into account the intuitive, impulsive, extra-rational factors of decision-making, the personal experience of the subject of economic action, his implicit knowledge. We also believe

that understanding macroeconomic trends is impossible without a detailed microeconomic analysis, and the theory of complex systems can explain the patterns of functioning of the system as a whole, the general patterns of the birth of order from a mess. In microeconomics, a cognitive approach is gaining value. When making decisions, the subject of economic law is obliged to take into account multidirectional value and information vectors, risk factors, use his intuition and heuristics, developed on the basis of accumulated experience.

The theoretical and methodological basis for the study of economic dynamics in the context of socio-economic development was studied in accordance with the works of L. Abalkin, A. Bogdanov, A. Granberg, G.

Kleiner, V. Chekmarev, V. Solopov and others. Issues of sensitivity of the system were considered in the context of the works of F. Hayek, J. Clark, F. Knight, Vukobratovich M., Tomovich R., Gorodetsky V. I., Moreva O. D., Reshetov A. A., Yusupov R. M. and others.

The peculiarities of the processes associated with solving the sensitivity problems of regional systems were studied in the totality of the works of V.A. Antoshin, V.G. Burlova, V.M. Burenka, A.A. Kosenko, G.G. Malinetsky, V.I. Pirumova, V.A. Shestakova and others. From the point of view of the analysis of dynamic processes of life system management, the works of A.M. Lyapunov, N.E. Zhukovsky, N.G. Chetaev, I.G. Malkin, H.H. Krasovsky, E.A. Barbashin, V.I. Zubov, and others were taken into account.

The scientific direction associated with the study of the problems of sustainable socio-economic development was studied on the basis of the scientific works of Bolotsky E.V., Butakova M.M., Vertakova Yu.V., Dedova L.A., Deitrich A., Kemeni T., Clark K., Blacksmith S., Kuzbozhev E.N., Luzin G.P., McMilan M., Midler E.A., Novikova N.V., Pavlov K.V., Plakhova L.V., Polyana A.V., Dissolutseva S.N., Risina I.E., Rodrika D., Plotnikova V.A., Sepulveda C., Selina

V.S., Siberian E.V., Sirotkina N.V., Stoper M., Treschevsky Yu.I., Tronina I.A., Fedotova G.V., Havlika P., Kharchenko E.V., Chernikova D.A.

Knowledge of the theory of complex systems was investigated in accordance with the works of A. Lyapunov [7], G. Khaken, A. Kolmogorov [8], M. Mesarovich [9], Lotfi Zade [10], R. Kalman [11], A. A. Bagdanov [12], M. I. Setrov.

Today, there is a growing awareness of the need to find new methods and technologies for managing complexity and controlled emergence.

We believe that all methods are usually reduced to reducing complexity by describing the complex behavior of the system in a relatively simple way.

We believe that the main content of sensitivity theory consists of methods and methods for obtaining and using sensitivity functions, which are private derivatives of the appropriate orders in solving problems of ensuring vital activity and reducing the risks of creating challenges and threats to the regional economy.

We agree with this position and propose to consider the socio-economic system of the region as an open continuous non-linear controlled complex system, determined using the rules of the type [18-19], determined by the type:

$$\dot{x}(t) = \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) \{A_i x(t) + B_i u(t)\} \quad h_i(z(t)) = w_i(z(t)) / \sum_{i=1}^m w_i(z(t)) \quad (1)$$

$$w_i(z(t)) = \prod_{j=1}^p M_{ij}(z(t)) \quad \forall t \quad V(x(t)) = \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) \cdot V_k(x(t))$$

$$V_{\text{Are}}(t) = W_4(x(t)) = ((\exists 1(t) + \exists 2(t) + \exists 3(t) + \exists 4(t)) + (C1(t) + C2(t)) + (\Delta 1(t) + \Delta 2(t) + \Delta 3(t)) + (\exists \kappa 1(t) + \exists \kappa 2(t)) + (\Delta \pi 1(t) + \Delta \pi 2(t) + \Delta \pi 3(t)) + (\Pi 1(t) + \Pi 2(t) + \Pi 3(t))) / n(t) \quad (2)$$

The tasks under investigation were reduced to determining the type of sub-integral function in the quality criteria, while the control actions were chosen so that the Lyapunov function known for the system without control could serve as the optimal Lyapunov function for the same system, but with the action of additional control forces on it. The synthetic approach predetermined the construction of a model that ensures the formation of a life system, for which the method of converging integer series in combination with the method of limit equations in combination with the Lyapunov function method was implemented. The synthesis of the proposed model, which takes into account the patterns

of interrelationships of indicators of social, technological, economic, environmental and other systems with increasing the stability of dynamic systems of the object of the economy, is based on. The model uses a fuzzy inference scheme using the Mamdani algorithm on expert fuzzy knowledge bases. The system development process is implemented in the MatLab environment using the Fuzzy Logic Toolbox. Data from quantitative embodiments of the constructed fuzzy system were used to form a multiple regression model, which made it possible to obtain a function linking endogenous and exogenous variables and synthesized the desired model of the species [24]:

$$V(x(t))_{\min} \leq V(x(t)) \leq V(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0$$

$$V'(x(t)) \leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x^*(t) (P_k + S) \quad x(t) + W_2(x, z) + W_3(x, z), \quad \text{при } V'(x(t)) < 0 \quad (3)$$

$$W_4(x(t))_{\min} \leq W_4(x(t)) \leq W_4(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0,$$

$$K(P_{\text{SIST}}(t))_{\min} \leq K(P_{\text{SIST}}(t)) \leq 1, \quad \text{при } K(G_{\text{SIST}}(t)) \rightarrow 0,$$

где $V(x(t))$ – функция Ляпунова;

$V'(x(t))$ – производная ф-ии Ляпунова;

$W_4(x(t))$ – ф-ия показателя жизнедеятельности региональной экономики;

$K(P_{\text{SIST}}(t))$ – ф-ия коэффициента устойчивости, при пограничных состояниях ПС в региональной экономике;

$K(G_{\text{SIST}}(t))$ – ф-ия вероятности наступления ПС в региональной экономике.

The mechanism for assessing the socio-economic system of the region in terms of its sensitivity to external influences includes a theoretical, methodological and practical justification of regulatory processes, including: 1) analysis of the properties, features and trends of the development of the region, taking into account the selection of criteria and factors for assessing stability and vital activity; 2) determination of unity of opposites of the system; 3) assessment of levels and

methods of increasing the region's sustainability and vital activities; 4) development of scientific measures to achieve and implement target guidelines. A feature of the process of forming and achieving target guidelines is the permanent cyclic process of discontinuity-continuity with the simultaneous-sequential application of three approaches: probabilistic-estimation, comparative-coefficient, program-integer.

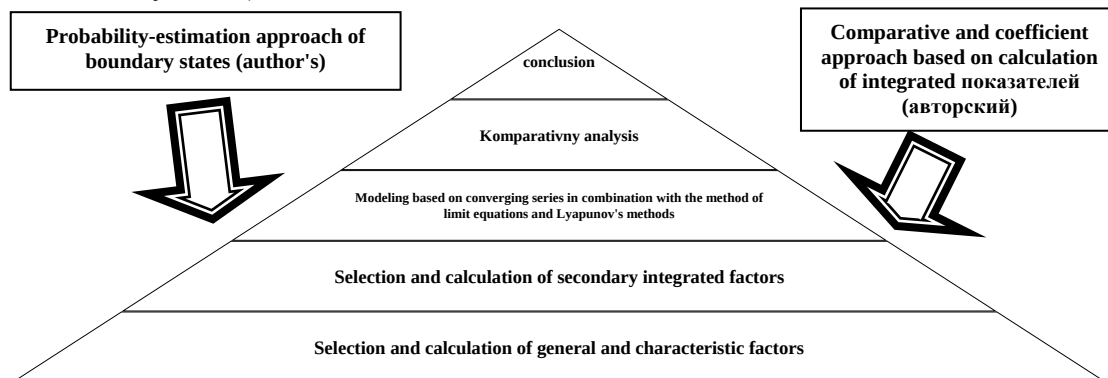

Fig. 1. Methodological tools for assessing the level of stability and vital activity of the socio-economic system of the region, characterized by the properties of increased sensitivity and response of the system

The analysis of the methodology for determining the stability level of the region described in [18-19] was investigated on the basis of a synthesized model of the socio-economic systems of the regions of Central Russia with a function of rapid response to changes in macroeconomic parameters and institutional conditions using the example of Vladimir, Ivanovo, Ryazan regions in separate areas in comparison with threshold values at the level of average values of the corresponding indicators for Russia.

When analyzing the graphs of the functions of the levels of vital activity of the economies of the regions, the principle of "perseveration" should be emphasized (Fig. 2-4), namely, the graphs of the levels of vital activity relatively persevere, in which the schedule of economic activity of the population is located below the schedule of the level of vital activity of the economy, i.e., the level of vital activity of the population is almost always lower than the level of viability of the sectors of the economy and the economy of the region as a whole. When analyzing changes in the dynamics of regional processes, the following is observed:

- with positive changes in the economy of the region (increase in LAE, LSE values) - with a time delay (dt_1), the economic situation of the population improves (increase in GEP (+) reaction delay time of the regional economy system);
- with negative economic dynamics in the region (decrease in LAE, LSE values) - the economic situation of the population deteriorates in advance (decrease in GEP (-) delay time of the reaction of the regional economy (dt_2)), at which the following pattern of the reaction time of the system is revealed: $dt_1 < dt_2$, i.e. the response time of the vital system of the population to positive changes is less than to negative changes in the economy of the region. The reaction of the social system according to the "impact-response" scheme occurs faster with positive changes in the economy than with

negative within 10-30% of the time in terms of the speed of economic changes. In this regard, it is advisable to conclude that the GEP indicator - the level of economic activity of the population is a priority indicator when analyzing and characterizing the quality of the level of management of the region and analyzing economic processes taking place in the region, as well as when making strategic personnel decisions in the region by state authorities of the Russian Federation.

The analysis of the results of the study of the dynamics of the functions of integrated indicators revealed the patterns that lie in the repetitive interrelated nature of the values of the functions of indicators, which, in our opinion, can characterize the dynamics of sustainable development of regions, highlighting three aspects:

- with the relative perseverance of the functions of the integrated indicators (see Figure 1 on the example of the Vladimir region), there is a relatively tight recurrence in time of the values of the functions VARE, LAE, LSE - GEP, relative to GEP - we believe that characterizes the "sustainable development" of the region.
- with a mixed perseveration of the functions of the integrated indicators (see Figure 2 on the example of the Ivanovo region) there is a relatively tight recurrence in time of the values of the functions VARE, LSE, GEP, in the absence of recurrence of the values of the function LAE - the development of the region is relatively stable with the need for permissible tactical adjustments of certain spheres of the socio-economic system of the region.
- in the absence of relative perseveration of functions of integrated indicators (see Figure 3 on the example of the Ryazan region), there is a lack of relatively strict recurrence in time of values of functions VARE, LSE, LAE - GEP, regarding GEP - the development of

the region is unstable, urgent strategic corrective measures are required.

These observations are correlated with the conclusions and conclusions of the Presidential Administration on the nature of the development of the regions of the Central Federal District for the period 2002-18 [1]: Vladimirskaya - stable; Ivanovskaya - adjustment of socio-economic development is required; Ryazan - development is unstable, that is, it is advisable to conclude:

- The perseverance of values of the vital functions of the economy (VARE, LSE, LAE) and the economic activity of the population (GEP) determine the sustainable development of the studied region, in the absence of the perseverance of VARE, LSE, LAE, GEP - the sustainable development of the region is disrupted, therefore:

- The socio-economic system of the region is steadily developing, provided that there is a relative rigid perseverance over time of the values of the functions VARE, LAE, LSE, GEP - the principle of "perseveration of sustainable development."

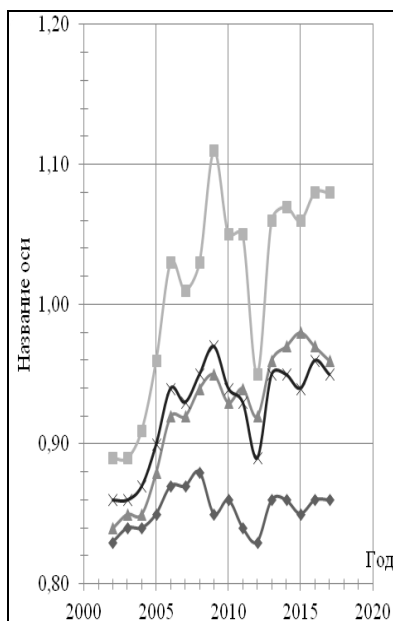

Figure 2. Schedule of activity levels of the economy of the Vladimir region for the period of 2002-18

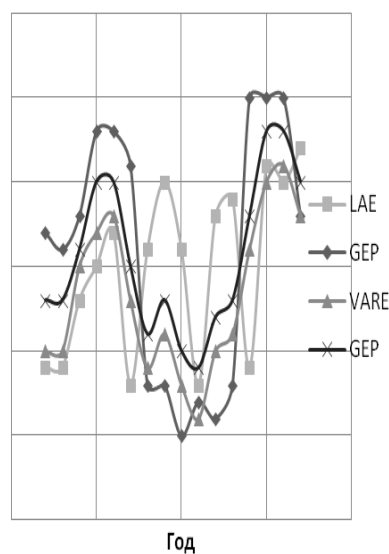

Figure 3. Schedule of levels of economic activity of the Ivanovo region for the period of 2002-18

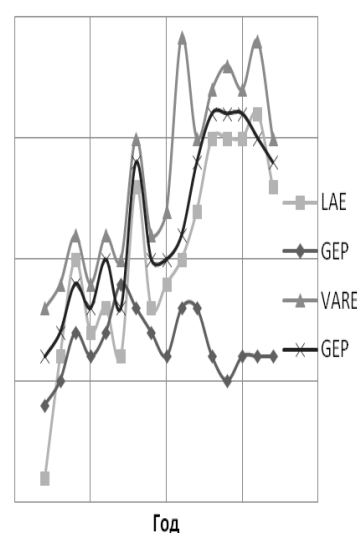

Figure 4. Schedule of levels of activity of the economy of the Ryazan region for the period of 2002-18

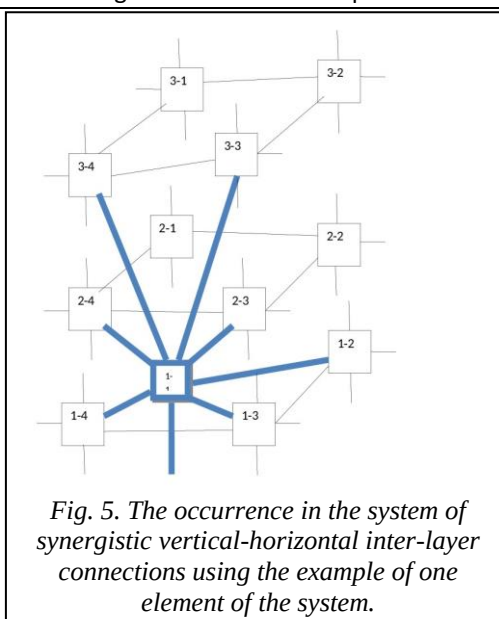
It should also be noted that when studying the mechanism for assessing the socio-economic system together with the analysis of the results of the study of the dynamics of the functions of integrated indicators, it was revealed that socio-economic systems with functions of increased sensitivity should have a number of specific properties previously undescribed in the scientific literature, as:

1. **Trigger behavioral effect** [18] (taking into account external and internal disturbances) appears when the variable exceeds the deterministic limits of the controlled parameters, with parametric target control of the socio-economic system in predetermined intervals of control parameters and output system parameters by introducing into the system a permanent iterative-cyclic process of estimating and controlling system parameters under the condition of minimum time of evaluation cycles and control with inverse negative connections;

higher self-organization, purposefulness, cyclic opening of membranes and reduced fractality and increased homeostasis. In the process of managerial stabilization of controlled parameters, the manifestation of the trigger effect stops.

2. The **characteristic of unity and continuity of economic relations** [19], which connects by unity of origin all developing complex relations that arise in the system when implementing a set of measures to achieve and implement target targets, a deep qualitative and quantitative change in its properties, connections, structure of systems and subsystems.

The triggering behavioral effect and the property of unity and continuity of economic relations were discussed in detail in earlier scientific publications [18]. Let's take a closer look at the Network Emergence property.

3. Network emergence is a property of a self-organizing decentralized system that is not inherent in its elements separately, which occurs when combining these elements into a single, integral system, as a result of the emergence of synergistic vertical-horizontal inter-level connections between the elements of the system, which increase the overall effect of the system to a value maximum greater than the sum of the effects of system elements acting independently.

Based on key conceptual elements of network science based on databases of mathematical models of complex systems, we have an understanding of the phenomenon of complexity of network structures, the so-called Network Science (A. Barabashi [20]), based on the modern theory of adaptive systems (M. Gell-Mann [21], J. Holland and others). Network structures show the property of adaptation, so they belong to the class of complex adaptive systems. The latter are able to learn themselves, that is, adjust their actions depending on the results of previous actions, actively integrate into the environment, adapting to it and changing it during the course of their activity. We have found that network emergence has two key features.

The first feature is the relative fractal multiplicity and entropy of variants of the development of network structures. Currently, a huge number of network emergent systems and technologies are operating [22]. Each of them has many options for future development, presented by new discoveries, business models and inventions.

The second feature is descriptive, describe historical reality. A network emergent system is a system in which the management system comes from the entropy of reality, the power and structure of which is created by a network organization, and not exclusively determined by a hierarchy above. Individual components of any emergent system work on the basis of relatively simple rules, but when interacting with each other in bulk, they develop into complex adaptive structures.

Thus, analyzing the study of network system properties should be noted [23]:

1. Each network system has emergent properties that cannot be explained through the properties of individual parts of it.

2. The source, carrier of emergent properties is the structure of a network system: with different structures, systems formed from the same elements have different properties.

3. Systems have nonemergent properties that are the same as those of its parts. An important aspect is the case when parts of the system have the properties of the system as a whole, is the fractal construction of the network system. At the same time, the principles of structuring parts are the same as those of the system as a whole.

4. Emergence is a characteristic of the integrity of the system, protruding as a whole.

5. Emergence is a form of expressing the law of dialectics on the transition of quantity to quality. It has been established that to transition to a new quality of the system, it is not necessary to "accumulate a critical number of changes." To create a new quality, it is enough to combine an integer boundary number of elements, a minimum of two elements.

The article proposes a mechanism and analysis of the methodology for assessing the formation and mobilization of the capabilities of regional high-sensitivity systems, investigated on the basis of a comparative analysis of a synthesized model of the socio-economic systems of the regions of the Central Federal District, which forms the optimal input parameters of the regional system relative to the given requirements for ensuring the vital activities of the individual, society, and the state with conditions of rapid response to changes in national macroeconomic parameters and institutional conditions. The principle of "*perseveration of sustainable development*" is proposed. Properties of complex systems previously undescribed in the scientific literature have been investigated, such as: *trigger behavioral effect, unity and continuity of economic relations, network emergence*.

REFERENCES:

1. Bodrunov S.D. Integration of production, science and education as the basis for the reindustrialization of the Russian economy//Economic revival of Russia. 2015. №1
2. Khrustalyov E.Yu., Botasheva A.S.-H. Network planning and management of regional development as the most important factor in ensuring the national security of Russia//National interests: priorities and security. 2012. № 4. Page 2-9.
3. Smolin O.N. Human development as the basis for modernization of the 21st century//Economic revival of Russia. 2015. №2.
4. Yaromenko Yu.V. Theory and methodology of the study of multilevel economics. Selected works in three books. Prince. I. M.: Science, 1997. Page 122
5. Romanov V.L. Socio-innovative challenge to public administration. M, 2006. Page 24.
6. Wiener N. Cybernetics, or control and communication in animal and machine/Per. from Eng. 2nd ed. - M.: Soviet Radio, 1968.
7. Lyapunov A. A. The connection between the structure and the origin of control systems. In Book: System Studies. Methodological problems. Yearbook. - M.: "Science," 1973, S. 251 - 257
8. Kolmogorov A.N. Information theory and algorithm theory. - M.: Science, 1987. - 304 p.
9. Mesarovich M. General theory of systems: mathematical foundations/M. Mesarovich, J. Takahara; Lane from English E. L. Nappelbaum; ed. V. S. Emelyanov. - M.: "World," 1978; Mesarovich M. Theory of hierarchical multilevel systems. Lane from the English. Ed. I.F. Shakhnov. Predisl. member correspondent. USSR Academy of Sciences G. S. Pospelov. M.: "World," 1973
10. Zade L. A. Fundamentals of a new approach to the analysis of complex systems and decision-making processes. In book: "Mathematics Today." - M.: "Knowledge," 1974.
11. Kalman, R., Falb, P., Arbib, M. Essays on the mathematical theory of systems. Lane from the English. Nappelbaum, E. L. Under ed. Tsypkina, J. Z. M.: "World," 1971.
12. Bogdanov A.A. Tectology: Universal organizational science. Editorial Board V.V. Popkov (ed. ed.), etc. Comp., preface and comments by G. D. Gloveli. Afterword V.V. Popkov. - M.: "Finance," 2003. ISBN 5-94513-004-4
13. Setrov M.I. General principles of system organization and their methodological significance. L.: "Science," 1971, S. 18. Setrov M.I. Degree and height of system organization. In Book: System Studies. Yearbook. - M.: "Science," 1969, S. 159.
14. Yudin E. G. Systemic approach and principle of activity: methodological problems of modern science. USSR Academy of Sciences, Institute of the History of Natural Sciences and Technology. M.: "Science," 1978.
15. Uyomov A.I. System approach and general system theory. - M.: Thought, 1978. - 272 p.; Uyomov A.I. Systems and system parameters. //Problems of formal analysis of systems. - M., Higher School, 1968. - S. 15-34.; Uyomov A.I. Logical analysis of the systemic approach to objects and its place among other research methods. In Book: System Studies. Yearbook. - M.: "Science," 1969. - 203 p., S. 80-96
16. Laszlo, Ervin. The Systems View of the World: a Holistic Vision for Our Time. Hampton press, Inc., 1996; Laszlo, Ervin. 1996. The Systems View of the World. Hampton Press, NJ.
17. Akof R. L. General theory of systems and the study of systems as opposing concepts of system science. In Book: General theory of systems. Lane from the English V. Ya. Altaev and E. L. Nappelbaum. M.: "World," 1966, S. 66-80
18. L.A. Tretiakova, A.S. Astakhin Features of modeling regional socio-economic systems of high sensitivity and response in order to solve problems of polarization of the economic space [Electronic resource] //Regional economy and management: scientific electronic journal. ISSN 1999-2645. 2020. № 2(62). Page 1-16. Article number: 6211. Date of publication: 2020-05-09. Access Mode: <https://eee-region.ru/article/6211/>
19. Management of economic systems of various levels: theory and practice: [Text] Kol. Authors: Avdeeva I.L., Andrunik A.P., Astakhin A.S., Babich O.V., Bazarnova O.A., Belolipetskaya A.E., Borisov S.A., Golovina T.A., Grinevich A.S., Gurov V.I., Dokukina I.A., Dolgova S.A., Dorodnykh E.E., Kanapukhin P.A., Kiryanov A.E., Korgina O.A., Kuzmina S.V., Kulagina N.A., Kurbanov A.H., Latkin A.P., Levin A.M., Lisova E.V., Lytneva N.A., Masyuk N.N., Noskin S.A., Papina O.N., Parakhina L.V., Polyanin A.V., Prachenko A.A., Rudenko M.N., Tretyakova L.A., Tugacheva L.V., Tychinskaya I.A., Filonova T.N., Kharlamova A.O., Chepikova E.M., Yagunova N.A., Yashin S.N. Scientific monograph/Edited by T.A. Golovina. - Eagle: Publishing House Central Russian Institute of Management - a branch of the RANEPa, 2019. - 272 p. S. 37-71.
20. See, for example: Barabási A.-L. Linked: How Everything is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science and Everyday Life. N.Y., 2003. Barabási A.-L. The Network Takeover // Nature Physics. 2012. Vol. 8. № 1. P. 14
21. Gell-Mann M. Selected Papers. — World Scientific, 2010.
22. Knyazeva E.N. Innovative complexity: methodology for organizing complex adaptive and network structures//Philosophy of science and technology. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-slozhnost-metodologiya-organizatsii-slozhnyh-adaptivnyh-i-setevykh-struktu> (дата обращения: 04.07.2020).
23. Tarasenko F.P. Applied system analysis (science and the art of solving problems): Textbook. - Tomsk; Tomsk University Publishing House, 2004.

DEVELOPMENT OF UNITED TERRITORIAL COMMUNITIES IN CONDITIONS OF TAX DECENTRALIZATION: CONCEPTUAL PRINCIPLES

Kvasniy O.

*Drohobych State Pedagogical University named after Ivan Franko,
Drohobych*

Abstract

Conceptual model of development of united territorial community in conditions of tax decentralization is proposed, its aim is defined as development and realization of a purposeful complex of actions for accumulation of resource potential in the directions which have critical importance for complex development of community in the current and perspective periods. The proposed model is based on the statement that due to current conditions development of territorial communities is ensured through productive management and effective interaction of entities, located in the community, aimed in accumulation of resource potential in areas, that are critical for integrated community progress.

Keywords: united territorial community, local self-government bodies, tax potential, tax decentralization.

The reform of decentralization and territorial organization of power that has been taking place in our country during recent years is characterized by introduction of modernization measures in local self-government, including transfer of powers and resources to the local level, shifting emphasis on territorial development regulation and local self-government. In the context of these changes, the issues of functioning of local self-government bodies in the conditions of tax decentralization in the context of ensuring development of UTC and effective management of community resource potential are at the forefront and become especially relevant.

The study of organizational and economic bases of development of territorial communities in Ukraine allows to state: decentralization, including tax decentralization, sectoral reforms and reform of administrative-territorial structure, which currently resulted in formation of UTC, have provided distribution of responsibility for local development in favor of local governments [1, 2, 3, 4]. This was accompanied by the transfer of relevant resources and powers to the local level. At the same time, such changes have become a catalyst for increasing the problem of inefficient and incomplete use of resources and opportunities by communities. Underestimation of this problem at the state, regional and local self-government levels leads to its systemic nature and increasing differentiation of UTC development, which is a negative factor, as reducing the level of disparities in community development was one of the main tasks of reform. Thus, definition of the conceptual foundations of UTC development is one of the key issues in the functioning of local self-government in Ukraine nowadays.

The analysis of UTC development in Ukraine allows to identify the following main problems that slow down or hinder development of communities and achievement of their capacity: lack of experience at the level of local governments to ensure the development of territorial communities; inefficient mechanisms of transformation of budgetary resources, including tax revenues, into a factor of economic growth of administrative-territorial formation; lack of strategic understanding of development of the territorial community at the level of local governments; incomplete overcoming of the problem of resource dependence of local self-government on the center; inefficient use of community

budget funds; instability of institutional environment of community development, their formation and functioning in the conditions of "turbulence" of the reform and instability of legislative support; lack of balance between the needs of the local community and available resources.

Emphasizing the peculiarities of organizational and institutional definition of conditions of development of local self-government in Ukraine, it is important to determine the conceptual foundations of UTC development, formed on the basis of clearly defined goals, principles and levers. The author's view on the formation of such a model of UTC development in terms of tax decentralization in Ukraine is shown on Fig. 1. Taking into account the identified problems and prerequisites for development of UTC, as well as limiting the study by the impact of tax decentralization on the functioning of local communities as local governments, the aim of development of UTC is identified as formation and implementation of targeted measures to accumulate resource potential in critical areas, important for the integrated development of the community in the current and future periods.

The principles of UTC development in the conditions of tax decentralization, which are the basic principles of ensuring the functioning of territorial communities in the direction of achieving positive qualitative and quantitative changes, in accordance with modern domestic realities are: publicity, subsidiarity, complementarity, public participation, transparency, independence, unity sociality, design, complexity, economy, focus, innovation, manageability.

In this context we rely on the assertion that the sustainability of UTC development depends on the effectiveness of management activities in the community and the amount of resources available to it. As the processes of life and development in the community are characterized by the constant influence of factors of both internal and external environment, this influence can both open opportunities for development and create risks, threats and imbalances in the community. At the same time, it is important to argue that resources or their combination in the context of community development should be organized in an appropriate way [5, 6]. Such relationships need to be determined on the basis of strategic planning and justification of appropriate measures for community development.

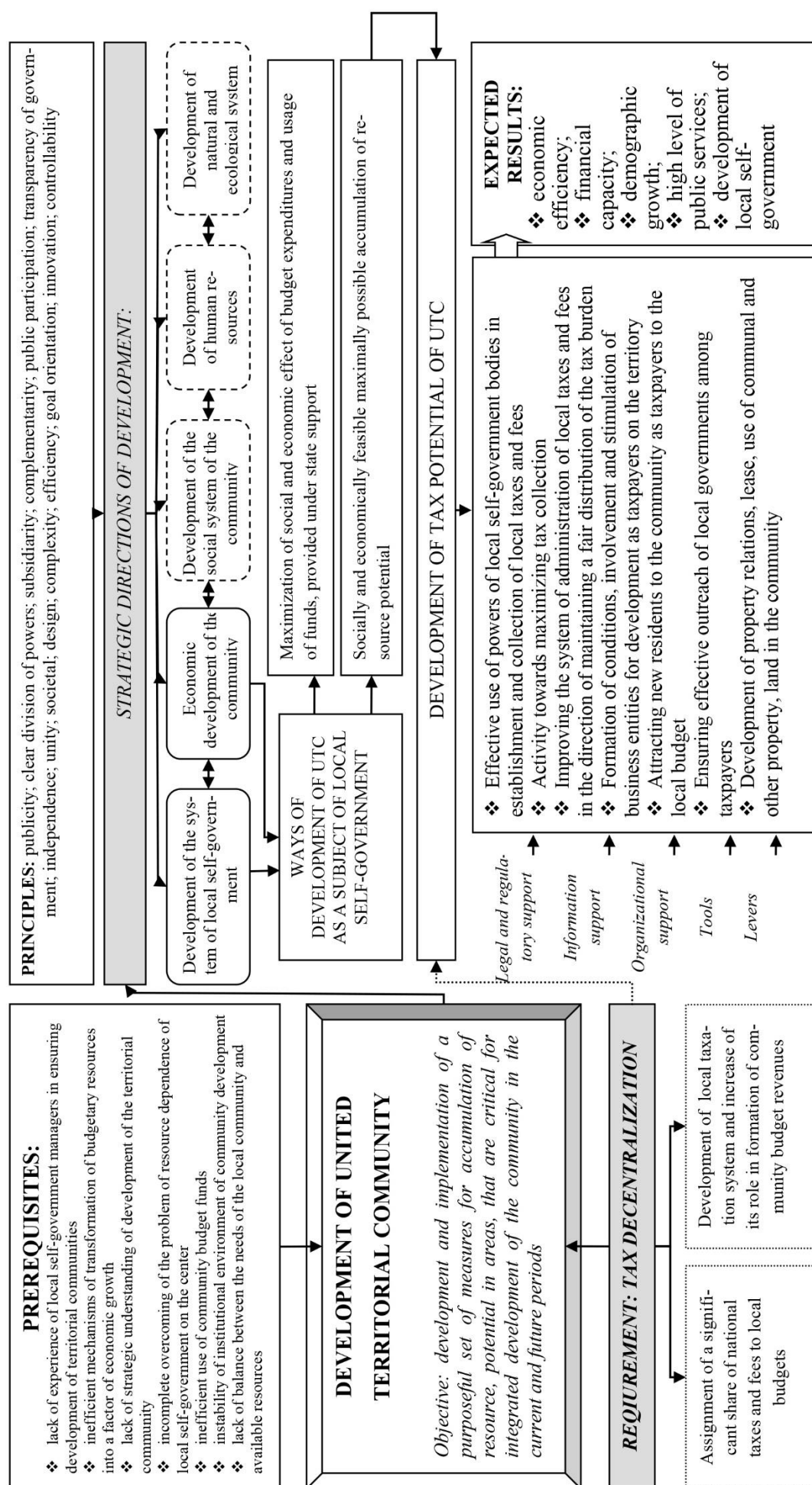

Fig. 1. Conceptual model of development of UTC in conditions of tax decentralization

Source: author's development

Source: author's development The proposed model is based on the statement that in today's conditions development of territorial communities is ensured through productive management activities and effective interaction of entities located in the community to accumulate resource potential in areas that are critical

to integrated community progress (Fig. 2). The following areas are defined as: development of the system of local self-government; development of the community's economic system; development of the social system of the community; development of the human capital system; development of natural and ecological system.

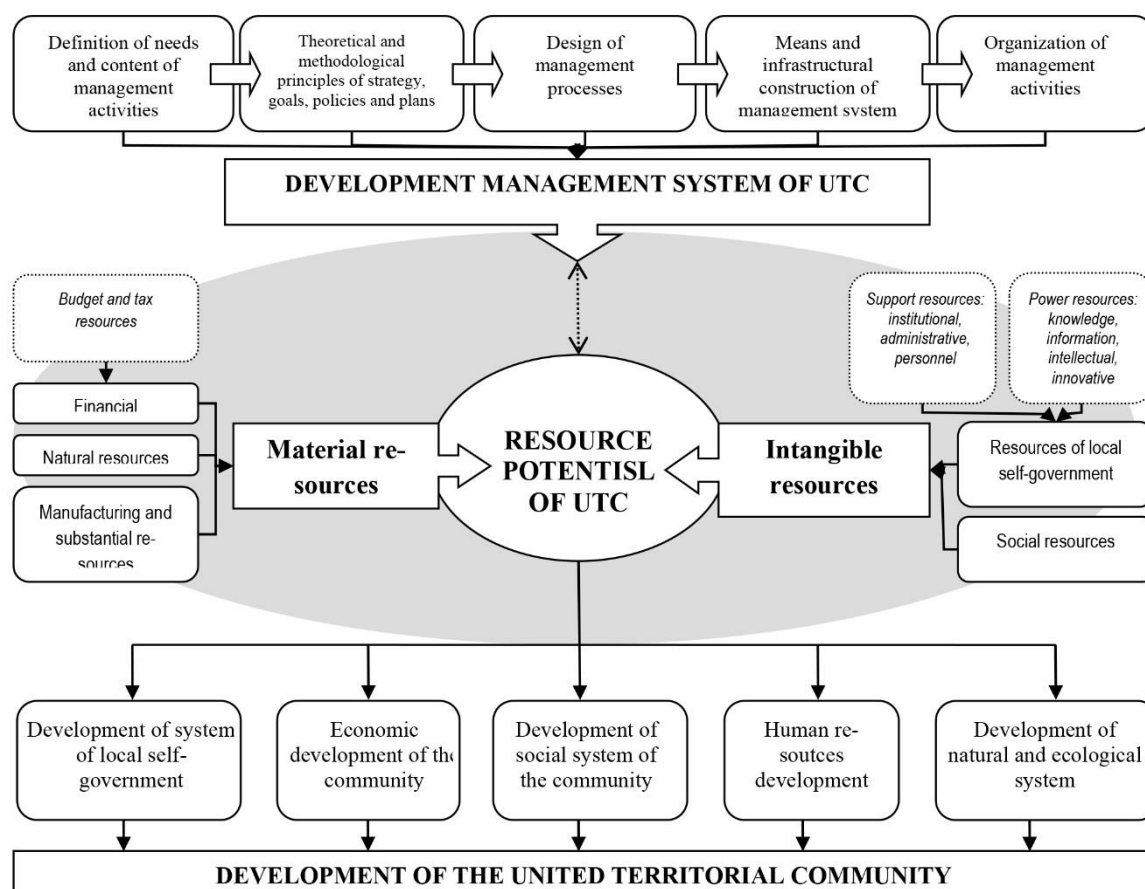

Fig. 2. Resource potential management system of UTC

Source: author's development

These systems are interdependent and are characterized by constant interactions. Therefore, development of one system will cause simultaneous impact on all other systems. For example, development of the economic system in the direction of improving the tax capacity of UTC by effective determination of conditions for local taxes and fees collection (which will increase revenue to the community budget and fair distribution of tax burden between population and businesses) will undoubtedly be the result of effective development of a system of local self-government (because effective management decisions on tax collection are made by local governments) and will have an impact on the development of social and environmental systems of the community (increasing local budget revenues allows to use effectively these funds to improve the quality of public services and environment, as well as allows careful use of available natural resources) and human capital systems (the tax burden is distributed in such a way that the payment of the tax is feasible for its member, a taxpayer does not accept it negatively, fair local taxes

do not hinder development of a human, his entrepreneurial abilities and promote attraction of new members to the community).

As it has been already noted, the proposed conceptual model is limited by the condition of impact of tax decentralization on development of UTC. Therefore, attention is focused on the accumulation of resource potential, extremely possible and appropriate in social and economic context in terms of developing the tax potential of the territorial community as a key factor in ensuring its financial capacity.

Regardless of the sources of tax resources, the mechanism for developing the tax potential of UTC includes three areas:

- physical increase of the amount of accumulated resources - such an increase may be the result of certain objective factors, including economic growth, as well as the result of targeted actions of governments at different levels to increase the tax burden, change the payment administration system, etc.;
- redistribution, change of priorities and directions of use of resources and managerial influences – that is the most widespread approach in the conditions

of achievement of development of tax potential of territorial community which, however, demands acceptance of effective administrative decisions;

- increasing the level of efficiency of usage of available resources and tools - an approach, which is based on formation of such conditions of resource use, which will guarantee their the most effective usage.

Development of tax potential in the context of economic development of UTC and achievement of effective functioning of local governments can be ensured through measures and steps that are characterized by both direct and indirect impact on development of tax potential.

Measures of indirect influence on development of tax potential of UTC by local governments include the following [7,8]:

- formation of conditions, involvement and stimulation of development of business entities as taxpayers at the territory - development of entrepreneurship in the community is one of the main sources of increasing tax revenues to the local budget;

- attraction of new residents to the local budget as taxpayers - includes creation of favorable conditions for community members and encourage residents of other local communities to "vote with their feet" in favor of a separate UTC; such "voting" is possible due to both factors: high level of social services in the community and a better quality of life, as well as the appropriate setting of taxes and other payments that residents pay to the local budget;

- ensuring effective informational and explanatory work of local governments among taxpayers – includes formation and maintenance of relationships between local governments and community economics, development of advisory function of self-government, improving the tax culture of population and educating residents of community development and social responsibility of business entities, development of property relations, lease, use of communal and other property, land in the community - this area is allocated in a separate, despite the fact that it is one of the fundamental in the context of business development in the community; Exactly what conditions will be created by local governments and what policies they will pursue in the community affects directly the attraction of investors, entrepreneurs, and "voting with their feet" by individuals, and formation of the business environment in community. In this case, it can be argued that local self-government of UTC has significant powers in the field of property and land management and can use various mechanisms for their development, which allows to influence the level of community competitiveness and ensure the development of UTC tax potential.

Measures of direct influence on development of UTC's tax potential by local governments include the following:

- usage of powers of local self-government bodies to establish and collect local taxes and fees;
- work to maximize tax collection;
- improving the system of administration of local taxes and fees in the direction of maintaining a fair distribution of the tax burden.

Such measures are carried out by the governing bodies at the level of UTC within the powers, granted to them, and are legally defined by the framework for

collection of each tax payment and include usage of assigned administrative functions for each of the taxes.

So, mobility of the tax base, as well as efficiency, completeness and fairness of taxation are the main criteria of transfer of powers of taxes administration to the level of local governments. As a result of tax decentralization, significant powers of collection of taxes to local budgets, including local taxes and fees, are transferred to local level and authorities have got an opportunity to provide additional revenues to their own budgets, which should have a positive impact on development of communities and implementation of their powers, as well as it should improve the quality of public services to residents.

REFERENCES:

1. Danylyshyn, B. (2015). Kak detsentralyzovat upravlenye v Ukrainy? [How to decentralize governance in Ukraine?]. *Ukrainska Pravda - Ukrainian Truth*. URL: <http://www.epravda.com.ua/rus/columns/2015/07/13/550472>. [in Russian].

2. Supreme Council of Ukraine (2018). Pro vnesennia zmin do Zakonu Ukrainy «Pro dobrovilne obiednannia terytorialnykh hromad» shchodo dobrovilnoho pryednannia terytorialnykh hromad sil, selyshch do terytorialnykh hromad mist respublikanskoho Avtonomnoi Respubliky Krym, oblasnoho znachennia [On amendments to the Law of Ukraine "On voluntary association of territorial communities" concerning the voluntary admission of territorial communities of villages, to territorial public cities of the republican Autonomous Republic of Crimea, of oblast significance]: Law of Ukraine, adopted on 2018, April 3, 2379-VIII. Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrayiny – The Official Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. [in Ukrainian].

3. Supreme Council of Ukraine (2014). Pro vnesennia zmin do Podatkovoho kodeksu Ukrainy ta deiakykh zakonodavchykh aktiv Ukrainy shchodo podatkovoi reformy [On amendments to the Tax Code of Ukraine and some other legislative acts of Ukraine regarding tax reform]. Law of Ukraine, adopted on 2014, December 28, 71-VIII. Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrayiny – The Official Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. [in Ukrainian].

4. Supreme Council of Ukraine (2014). Pro vnesennia zmin do Biudzhethnoho kodeksu Ukrainy shchodo reformy mizhbiudzhethnykh vidnosyn [On Amendments to the Budget Code of Ukraine on the Reform of Intergovernmental Fiscal Relations]. Law of Ukraine, adopted on 2014, December 28, 79-VIII. Vidomosti Verkhovnoyi Rady Ukrayiny – The Official Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. [in Ukrainian].

5. Pasenko, V. M. (2005). Doslidzhennia faktoriv formuvannia podatkovoho potentsialu rehionu [Investigation of the factors of formation of additional potential of the region]. *Naukovi pratsi Kirovohradskoho natsionalnoho tekhnichnoho universytetu. Ekonomichni nauky: zbirnyk naukovykh prats - Scientific works of the Kirovohrad National Technical University. Economic sciences: a collection of scientific works*. Kirovohrad: KNTU, 8, pp. 359-365. [in Ukrainian].

6. Kyrylenko, O., Malyniak, B., Pysmennyi, V., Rusin, V. (2015). Planuvannia ta upravlinnia finansovymy resursamy terytorialnoi hromady [Planning and management of the financial resources of the territorial community]. Asotsiatsiia mist Ukrainy - Association of Ukrainian cities. K., LLC "ENTERPRISE" VI YEN", pp. 396. [in Ukrainian].

7. Pelekhatyi A.O. (2019). Biudzhetna polityka u zabezpechenni rozvytku terytorii: kontseptualni dominanty ta napriamy modernizatsii [Budget policy in en-

surging the development of territories: conceptual dominants and directions of modernization]. Lviv: Lvivskyi natsionalnyi universytet imeni Ivana Franka, 386 p.

8. Pelekhatyi A.O. (2020). Instytutsiino-pravove zabezpechennia formuvannia ta realizatsii biudzhetnoi polityky rozvytku terytorii Ukrainy [Institutional and legal support for the formation and implementation of budget policy for the development of the territories of Ukraine]. Svit finansiv- World of Finance, Vol. 62 (1), pp. 140-151

УДК 338.48

ГРНТИ 06.61.33

ANALYSIS OF TOURIST FLOWS IN THE CARPATHIAN REGION

Kyfor M.

*senior lecturer of the department of theory and methods of teaching,
Ivano-Frankivsk Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education*

АНАЛІЗ ТУРИСТИЧНИХ ПОТОКІВ В КАРПАТСЬКОМУ РЕГІОНІ

Кифор М.В.

*старший викладач кафедри теорії та методики навчання,
Івано-Франківський обласний інститут післядипломної педагогічної освіти*

Abstract

The article analyzes the tourist flows in the Carpathian region: analysis of general indicators of activity of economic agents, concerning service of tourist flows, analysis of stay of tourists in collective accommodation, etc. Problems and prospects of development of tourist services considering modern tendencies are also defined.

Анотація

У статті проведено аналіз туристичних потоків в Карпатському регіоні: аналіз загальних показників діяльності економічних агентів, щодо обслуговування туристичних потоків, аналіз перебування туристів в колективних засобах розміщення тощо. Також визначено проблеми і перспектив розвитку туристичних послуг з врахуванням сучасних тенденцій.

Keywords: tourism, tourist flows, analysis, spheres of tourist services, Carpathian region.

Ключові слова: туризм, туристичні потоки, аналіз, сфера туристичних послуг, Карпатський регіон.

Постановка проблеми. Перспективним фактором розвитку економіки регіону є сфера туристичних послуг, проте це не тільки виключно туристична діяльність, а увесь пов'язаний із нею комплекс галузей та видів праці.

Беручи до уваги різносторонні підходи до розвитку туризму в регіоні, слід відзначити, що з одного боку він розвивається завдяки збільшенню вільного часу, підвищенню якості життя населення, росту сфери послуг у цілому по регіону, а з іншого – стає потужним каталізатором розвитку регіонального комплексу. Розвиток сфери туризму стимулює розвиток регіональної інфраструктури, сприяє росту рівня життя населення регіонів, створенню робочих місць, збільшує доходи в бюджеті регіону, сприяє збереженню та примноженню природної й культурної спадщини регіону.

Саме тому трансформаційні процеси, що відбуваються у сфері національної економіки створюють передумови для запровадження і реалізації регіональними органами виконавчої влади та місцевими територіальними громадами розроблених комплексних програм розвитку економіки. В умовах орієнтації на подальше поглиблення про-

цесів децентралізації зростає актуальність дослідження туристичних потоків Карпатського регіону задля запровадження нових форм і методів управління в туристичній галузі.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідження проблем розвитку туризму вже впродовж кількох десятиліть перебувають у центрі уваги таких зарубіжних науковців, як Г. Харріса, Дж. Боуена, Дж. Рітчі, Н. Реймерса. Серед вітчизняних дослідників вагомий внесок зробили такі вчені, як Бейдик О.О., Безносьок В.Д., Гудзь П.В., Корецький М.Х., Мальська М.П., Любимцева О.О., Кифяк В.Ф. та ін.

Проте, незважаючи на відчутний науковий інтерес зі сторони великої кількості науковців, все ж існує низка актуальних і невирішених завдань, які стримують розвиток вітчизняного регіонального туризму та потребують подальшого осмислення в наукових дослідженнях.

Метою даної статті є дослідження стану та аналіз туристичних потоків Карпатського регіону, а також визначення проблем і перспектив розвитку туристичних послуг з врахуванням сучасних тенденцій.

Виклад основного матеріалу дослідження. Згідно статті 6 Закону України «Про туризм» держава проголошує туризм одним з пріоритетних напрямів розвитку економіки та культури і створює умови для туристичної діяльності [3].

Туристична галузь в Карпатському регіоні, в Україні та й у світі в цілому досить стрімко розвивається. 2017 рік був визнаний генеральною Асамблеєю ООН Міжнародним роком сталого туризму.

Кабінетом Міністрів України 16 березня 2017 р. було прийнято Розпорядження № 168-р «Стратегія розвитку туризму та курортів на період до 2026 року», основною метою якого є формування сприятливих умов для активізації розвитку сфери туризму та курортів відповідно до міжнародних стандартів якості та з врахуванням європейських цінностей, перетворення її на високорентабельну, інтегровану у світовий ринок конкурентоспроможну сферу, що забезпечує прискорення соціально-економічного розвитку регіонів і держави в цілому, сприяє підвищенню якості життя населення, гармонійному розвитку і консолідації суспільства, популяризації України у світі [8].

Різноманітний та колоритний культурний і природний потенціал Карпатського регіону дозволяє йому завоювати серйозні позиції на світовому туристичному ринку при обов'язковій умові проведення активної регіональної політики в регіоні для розвитку туризму.

Управління у сфері туристичних послуг регіону має за мету науково обґрунтовану соціально-економічну оцінку розвитку регіонального туризму, а також оцінку його впливу на економічний розвиток регіону. Для оцінки економічного ефекту туризму у світовій практиці застосовується ряд методів і методик. Такі дослідження суттєво різняться між собою як по якості, так й по точності. А їх практичне застосування дуже ускладнене недоліком достовірних статистичних даних і значним числом необхідних показників. Комплексна оцінка аналізу туристичних потоків регіону для управління у сфері туристичних послуг – актуальний, але слабо досліджений напрямок сучасної наукової діяльності.

Існуюча на даний час в Україні сукупність статистичних даних, що стосуються регіонального туризму, а також підходи до виміру кінцевих результатів туристичної діяльності не дозволяють досить точно оцінити величину туристичного продукту Карпатського регіону.

На сьогоднішній день деякі вчені займаються проблемами оцінки рівня розвитку туризму в регіоні [1, 2, 5, 7, 15]. Однак вже створені методики

дозволяють тією чи іншою мірою оцінити розвиток туристської галузі в регіоні або в країні в цілому. Розроблені методики мають між собою істотні відмінності. Одні з них відрізняють тільки економічні показники, не враховуючи законодавчу базу туризму, людські й туристичні ресурси, інші оцінюють тільки природно-ресурсний потенціал території. Виходячи з оцінки рівня розвитку туризму в регіоні, визначається відповідно її конкурентоспроможність.

В.О. Квартальнов для оцінки рівня розвитку туризму в країні чи регіоні виділяє такі показники: обсяг туристичного потоку; середню величину туристичних витрат у добу; стан і розвиток матеріально-технічної бази; показники фінансово-економічної діяльності туристської фірми тощо [4].

Одним із стратегічних напрямків розвитку туризму у Карпатському регіоні є пріоритетне освоєння його рекреаційного потенціалу. Основними аргументами для підтвердження обґрунтованості цього вибору можна навести, зокрема такі:

- вигідне географічне положення;
- наявність природно-ресурсної бази;
- екологічний феномен території;
- соціально-економічна специфіка гір;
- віддалені наслідки Чорнобильської аварії;
- економічна конкурентоспроможність рекреаційної сфери.

Не зважаючи на переваги рекреаційної орієнтації перспективного розвитку Карпатського регіону, як бачимо, фактично неможливо швидко досягнути бажаних результатів. Необхідні виважені рішення і продумані практичні дії. А відповідно при досягненні певних умов, розвиток рекреації в регіоні створить можливість перебудови господарського комплексу. В недалекій перспективі дана галузь повинна зайняти одне з профілюючих місць в регіональному розвитку.

Загальна кількість населення регіону складає 6056448 жителів. Соціальна ситуація в регіоні має чітку тенденцію до загострення, що є наслідком загальнонаціональної економічної кризи і прорахунків в соціальній політиці попередніх років. Матеріально-технічний стан регіону поступово розвивається, але демографічна ситуація має критичну ситуацію.

При аналізі загальних показників діяльності економічних агентів, щодо обслуговування туристичних потоків (табл. 1-2), важливо проаналізувати їх в розрізі юридичних осіб та фізичних осіб-підприємців.

Таблиця 1

Загальні показники діяльності юридичних осіб, що обслуговують туристичні потоки в Карпатському регіоні у 2014-2018 рр. *

	2014	2015	2016	2017	2018
Кількість суб'єктів туристичної діяльності	275	258	256	262	243
Середньооблікова кількість штатних працівників суб'єктів туристичної діяльності	1436	1272	1300	1265	1175
Дохід від надання туристичних послуг, тис грн.	385712,6	455641,8	619774,2	703910,5	916895,1
Кількість реалізованих путівок туроператорів	114301	98996	148138	210411	259655

* розроблено автором на основі [9-12, 14]

Таблиця 2

Загальні показники діяльності фізичних осіб-підприємців, що обслуговують туристичні потоки в Карпатському регіоні у 2014-2018 рр. *

	2014	2015	2016	2017	2018
Кількість суб'єктів туристичної діяльності	201	178	254	253	395
Середньооблікова кількість штатних працівників суб'єктів туристичної діяльності	166	196	310	311	409
Дохід від надання туристичних послуг, тис грн.	14098,6	21428,1	140799,8	60865,9	106207,7
Кількість реалізованих путівок туроператорів	17086	19535	39571	46694	57174

* розроблено автором на основі [9-12, 14]

Так, протягом 2014-2018 років спостерігалось зменшення кількості юридичних осіб, які обслуговували туристичні потоки на 32 одиниці (18,2 %), за винятком 2017 року, який показав зростання на 6 суб'єктів туристичної діяльності. Це пов'язано з збільшенням фізичних осіб-підприємців в цій сфері діяльності. Якщо в 2014 році їх налічувалося 201 особа, то вже в 2018 році їх було 395 осіб, що майже в два рази більше.

Середня кількість штатних працівників в юридичних осіб протягом 2014-2018 років мала тенденцію до зменшення. Якщо в 2014 році їх налічувалося 1436 осіб, то вже в 2018 році їх чисельність зменшилася на 261 особу і становила 1175 осіб. Велика їх частка перейшла працювати до фізичних осіб-підприємців, або започаткувала власний бізнес. Так, в порівнянні з 2014 роком, в 2018 році їх чисельність в фізичних осіб-підприємців зросла на 243 особи. Загалом зменшення чисельності штатних працівників в даній сфері господарювання було на рівні 18 осіб.

Проаналізувавши дохід від надання туристичних послуг в досліджуваній період можна дійти висновків, що дохід мав сталу тенденцію до зростання. В діяльності юридичних осіб він зріс з 385712,6 тис грн до 916895,1 тис грн (на 237,7 %), що в річному показнику становить 47,5 %, що дає можливість зайняти перше місце по економічному зростанні серед усіх видів економічної діяльності. Ще кращі темпи зростання показав результат доходу від надання туристичних послуг в фізичних осіб-підприємців. Якщо в 2014 році доходи їх від бізнесу становили 14098,6 тис грн, то протягом

п'яти років вони щорічно збільшували свої доходи більш ніж вдвічі.

Кількість реалізованих путівок, як не виняток, також зростала. Так, кількість путівок реалізованих юридичними особами збільшилася на 145354 (2,3 рази), а в фізичних осіб на 40088 (3,35 рази).

Загалом туристична галузь Карпатського регіону розвивається найбільш динамічно порівняно з іншими в посткризовий період, проте загроза Covid-19 не дасть протягом 2019-2020 років зберегти намічені тенденції.

Загальна кількість туристів в Карпатському регіоні, що обслуговувалися туроператорами та турагентами за вказаний період, зменшилася загалом з 197581 до 118091 осіб (на 40 %). Так, кількість іноземних туристів, що відвідали нашу країну протягом даного періоду скоротилася більш ніж втричі і склала 11330 осіб. Це пов'язано із військовим конфліктом на Сході країни та анексії частини території, відтак, боязню іноземних туристів за свою безпеку. Зменшилася і кількість внутрішнього туризму, так якщо в 2000 році в Карпатський регіон завітали з туристичними поїздками 160176 осіб, то вже в 2018 році таких туристів було 106761, що в абсолютному показнику складає 53415 осіб.

Позитивні тенденції зберігалися у Карпатському регіоні упродовж 2000-2018 рр. щодо кількості громадян, які виїжджали за кордон. Їх кількість збільшилася з 140277 до 174855 осіб (на 24,7 %) (табл. 3). Коливання кількості туристів, які перебували в туристичних поїздках закордоном пов'язано з економічними кризами та наданням Україні безвізового режиму з Європейським союзом.

Таблиця 3

Кількість туристів, обслугованих туроператорами та турагентами, за видами туризму в Карпатському регіоні *

Роки	Всього	Туристи іноземці	Виїзні туристи	Внутрішні туристи	Частка регіону в загальній сукупності туристів України
2000	337858	37405	140277	160176	16,78
2005	386009	51215	66670	268124	21,14
2010	323436	26929	145542	150965	14,18
2014	184161	2671	93369	88121	7,59
2015	204675	4500	89005	111170	10,13
2016	292816	11023	107608	174185	11,48
2017	283452	9416	126625	147411	10,10
2018	292946	11330	174855	106761	6,43

* розроблено автором на основі [9-12, 14]

Загальна кількість внутрішніх туристів Карпатського регіону склала у 2018 році 292946 осіб, з них найбільша кількість, 182255 особи, в Львівській області, а найменша, 25348 осіб, – у Закарпатській. Кількість іноземних туристів складає 11330 осіб, із найбільшою кількістю у Львівській області – 7617 осіб, та найменшою, 137 осіб, – в Чернівецькій області. Попередня тенденція зберігається і серед внутрішнього туризму, так

найбільша кількість громадян Карпатського регіону, які здійснювали туристичні поїздки по Україні були у Львівській області – 61881 особа, найменша – з Буковини 5050 осіб. Кількість осіб, які виїжджали за кордон з туристичними поїздками складає 174855 осіб, з найбільшою кількістю екскурсантів з Львівської області 112757 особи, та найменшою – з Івано-Франківської області 18816 осіб (табл. 4).

Таблиця 4

Структура туристичних потоків Карпатського регіону на 2018 р. *

	Туристи іноземці	Виїзdnі туристи	Внутрішні туристи	Всього
Карпатський регіон	11330	174855	106761	292946
Івано-Франківська область	3393	18816	33572	55781
Чернівецька область	137	24375	5050	29562
Закарпатська область	183	18907	6258	25348
Львівська область	7617	112757	61881	182255

* розроблено автором на основі [9-12, 14]

Важливим елементом дослідження туристичних потоків є аналіз перебування туристів в колективних засобах розміщення (табл. 5). Так, в порівнянні з 2014 роком, кількість осіб, що перебували у колективних засобах розміщення в Карпатському регіоні у 2017 році зросла на 551010 од. (45,5 %). Цьому сприяло зростання цього показника в усіх областях Карпатського регіону. Найбільшу

питому вагу в забезпеченні туристичних потоків в Карпатському регіоні колективними засобами розміщення в 2014-2017 років займала Львівська область – більше половини всіх осіб. В межах України Карпатський регіон забезпечує туристичні потоки 26,4 %. Це зумовлено розмаїттям культурно-історичної спадщини та сучасними рекреаційними комплексами.

Таблиця 5

Кількість осіб, що перебували у колективних засобах розміщення в Карпатському регіоні *

	2014	2015	2016	2017
Україна	5423920	5779858	6544759	6661177
Карпатський регіон	1210635	1335154	1580363	1761645
Закарпатська область	220644	230000	269250	313082
Івано-Франківська область	263355	282585	341199	340680
Львівська область	620007	715333	861250	987866
Чернівецька область	106629	107236	108664	120017

* розроблено автором на основі [9-14]

Таблиця 6

Кількість осіб, що перебували в колективних засобах розміщення в Карпатському регіоні в 2013-2017 рр.*

	2013	2014	2015	2016	2017
Кількість осіб, що перебували в колективних засобах розміщення					
Україна	6850637	5423920	5779858	6544759	6661177
Карпатський регіон	1336429	1210635	1335154	1580363	1761645
Питома вага Карпатського регіону	19,51	22,32	23,1	24,15	26,45
Кількість осіб, що перебували у готелях та аналогічних засобах розміщення					
Україна	4863147	3814201	4297190	5037075	5135164
Карпатський регіон	1002123	924187	1110130	1364647	1527852
Питома вага Карпатського регіону	20,61	24,23	25,83	27,09	29,75
Кількість осіб, що перебували у спеціалізованих засобах розміщення					
Україна	1987490	1609719	1482668	1507684	1526013
Карпатський регіон	334306	286448	225024	215716	233793
Питома вага Карпатського регіону	16,82	17,79	15,18	14,31	15,32

* розроблено автором на основі [9-14]

Коли порівнювати кількість осіб, що перебували в колективних засобах розміщення в Карпатському регіоні в 2013-2017 роки з Україною (табл. 6), то можна констатувати, що питома вага їх зросла з 2013 року на 6,94 %. Цьому сприяло збільшення кількості осіб, що перебували у готелях та аналогічних засобах розміщування з 20,61 % до 29,75 % (на 9,14 %). Проте зростання загального показника стримувало зменшення питомої ваги кількості осіб, що перебували у спеціалізованих засобах розміщування з 16,82 % до 15,32 % (на 1,2 %).

Висновки і пропозиції. Аналіз сучасного стану вітчизняного туристичного ринку Карпатського регіону засвідчує те, що його розвиток перебуває на початковій стадії. Збільшення потоків внутрішнього та в'їзного туризму на сьогоднішній день уповільнюється через ряд негативних факторів, до яких зокрема належать: недостатній розвиток туристичної інфраструктури; недоліки у сфері нормативно-правового забезпечення; економічна й політична нестабільність у країні; обмеженість асортименту запропонованих послуг; відсутність комплексного бачення регіону, та й країни в цілому, як перспективної туристичної локації; недосконалість реклами українських туристичних центрів за кордоном.

Розвиток туризму в Карпатському регіоні є багатосторонньою проблемою, яка охоплює різні сторони суспільного життя. На нашу думку, опираючись на сучасні реалії розвитку вітчизняної туристичної індустрії та іноземного туризму в Карпатському регіоні доцільно було б включити в Державну програму соціально-економічного розвитку Карпатського регіону заходи, які б сприяли збільшенню кількості внутрішніх туристів, покращенню туристичної привабливості регіону для іноземних туристів, що, зі свого боку, посилює роль туризму в суспільному розвитку регіону.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Василюх Н.В., Индус К.П., Готько Н.М. Концептуальні засади ефективності функціонування ринку туристичних послуг. Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Економіка». 2017. Вип. 1 (49). Т. 2. С.177-181.

2. Герасименко В.Г. Оцінка туристично-рекреаційного потенціалу регіону: монографія. Одеса: ОНЕУ. 2016. 262 с.

3. Закон України «Про туризм». URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/324/95-вр>

4. Квартальнов В.А. Туризм. М.: Финансы и статистика, 2002. 320 с.

5. Кифяк В.Ф. Розвиток туризму, як один зі сценаріїв покращення соціально-економічного стану Чернівецької області. Туризм. 2015. Випуск II (58). С. 67-81.

6. Машіка Г.В., Маслиган О.О. Основи географічного моделювання регіонального туристичного ринку Карпатського регіону. Міжнародний науковий журнал «ОСВІТА І НАУКА». 2019. Випуск 2(27). URL: <http://msu.edu.ua/>

7. Момонт Т.В. Основні фактори розвитку ринку туристичних послуг. Економіка. Управління. Інновації. 2012. №1 (7). URL:http://tourlib.net/statti_ukr/momont4.htm

8. Розпорядження Кабінету Міністрів України «Про схвалення Стратегії розвитку туризму та курортів на період до 2026 року» від 16 березня 2017 р. № 168-р. – Київ.

9. Статистична інформація. Головне управління статистики в Івано-Франківській області. URL:<http://www.ifstat.gov.ua/>

10. Статистична інформація. Головне управління статистики у Закарпатській області. URL:<http://www.uz.ukrstat.gov.ua/>

11. Статистична інформація. Головне управління статистики у Львівській області. URL:<http://www.lv.ukrstat.gov.ua/>

12. Статистична інформація. Головне управління статистики у Чернівецькій області. URL:<http://www.cv.ukrstat.gov.ua/>

13. Статистичний збірник Колективні засоби розміщування в Україні. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

14. Статистичний збірник Туристична діяльність в Україні. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

15. Химинець В.В. Місце та роль курортно-рекреаційного кластеру в сталому розвитку Карпатського регіону. Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Економіка». 2014. Вип. 1 (42). С. 240-247.

CHARGED BY THE OPPONENT FALSE EVALUATION OF NOVELTY OF PROVISIONS AND CONCLUSIONS RESEARCH ABOUT MVL AIRPORTS**Leontyev R.***Computer center of the Far East office Russian Academy of Sciences
Khabarovsk, Russia***СПИСАННЫЕ ОППОНЕНТОМ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЕ ОЦЕНКИ НОВИЗНЫ ПОЛОЖЕНИЙ И ВЫВОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ АЭРОПОРТАХ МВЛ****Леонтьев Р.Г.***д-р экон. наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ,
главный научный сотрудник ВЦ ДВО РАН,
г. Хабаровск, Российская Федерация***Abstract**

The article analyzes the reviews of the official opponent (professor) written off by him of the assessment of the novelty of the provisions and conclusions of the study of airport management of local airlines. It is proved that these estimates are falsified information intended to give this review the appearance of a highly qualified document of state scientific certification and thereby confuse the entire expert community and other representatives of the scientific community about the relevance considered by the opponent of the dissertation.

Аннотация

В статье подвергнуты анализу представленные в отзыве официального оппонента (профессора) списанные им оценки новизны положений и выводов исследования менеджмента аэропортами местных воздушных линий. Доказано, что эти оценки являются фальсифицированной информацией, предназначенной для придания данному отзыву видимости высококвалифицированного документа государственной научной аттестации и тем самым запутать все экспертное сообщество и других представителей научной общности о релевантности, рассмотренной оппонентом диссертации.

Keywords: Airports, local air lines (MVL), state scientific certification, thesis, official opponent's review, falsified assessment, novelty of the provisions and conclusions of the dissertation.

Ключевые слова: Аэропорты, местные воздушные линии (МВЛ), государственная научная аттестация, диссертация, отзыв официального оппонента, фальсифицированные оценка, новизна положений и выводов диссертации.

Между невежеством и знанием
лежит пропасть.
Японская пословица

Известно, что в соответствии с пунктом 20 (абзац 1) действующего тогда «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), «диссертационные советы назначают официальных оппонентов по диссертации *«из числа компетентных в соответствующей отрасли науки ученых»*.

Однако, «диссертационный совет ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. адм. Г.И. Невельского» по диссертации Милой назначил первым официальным оппонентом д.э.н., профессора, директора института международного бизнеса ВГУЭС Латкина А.П., который ни по образованию, ни по роду научной и преподавательской деятельности и ни по областям его научных интересов никак не связан со сферой транспорта и, особенно, в области гражданской авиации. В 2012 году не были известны его «ваковские» и обычные научные публикации в этой же сфере.

Поэтому профессор Латкин А.П. в 2012 году не являлся «*ученым, компетентным в соответствующей отрасли науки*» (в сфере транспорта). При

этом, забегая вперед, следует отметить, что именно это обстоятельство, не в последнюю очередь, предопределило **отвратительно неприемлемое качество** содержания его (как официального оппонента) отзыва на пресловутое «диссертационное исследование» соискателя ДВГУПС Милой.

Вместе с тем, известно, что согласно пункту 22 (абзац 2) действующего тогда «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), «отзыв подписывается официальным оппонентом и *заверяется печатью организации, работником которой он являлся*». Однако, вопреки данному требованию отзыв официального оппонента Латкина А.П., подписанный им 3 мая 2012 года, не был заверен печатью ВГУЭС, работником которого он являлся, и только поэтому данный отзыв уже оказался де факто недействительным и де юре ничтожным. Налицо – либо головотяпство, допущенное Латкиным А.П. в силу его некомпетентности, либо сознательное нарушение им установленного порядка оформления отзывов, рассчитанное на недостаточную осведомленность руководства «диссертационного совета ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. адм. Г.И. Невельского».

На этом анализ рассматриваемого здесь фальсифицированного отзыва официального оппонента Латкина А.П., уже сам по себе делающего незаконными защиту диссертации Милой и выдачу ей диплома кандидата экономических наук, следовало бы закончить, но, как говорится, «для чистоты эксперимента» представляется необходимым детально рассмотреть содержание этого отзыва, конкретные впечатления о котором могут охарактеризовать приведенные в настоящей монографии ниже негативные обстоятельства.

Для начала следует отметить, что в соответствии с пунктом 22 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), «официальный оппонент на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представляет в диссертационный совет письменный отзыв, в котором оцениваются актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна, а также дается заключение о соответствии диссертации критериям, установленных настоящим Положением».

Итак, в «диссертационный совет ДМ 223.005.02 при Морском государственном университете им. адм. Г.И. Невельского» поступил «Отзыв официального оппонента д.э.н., проф. А.П. Латкина на диссертационную работу Милой Александры Витальевны на тему: «Управление инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов, представленную на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами: транспорт)». Сразу следует констатировать, что уже в названии данного отзыва лично профессором, д.э.н. Латкиным А.П. были сделаны две *грамматические ошибки* (в этом названии следовало бы после слова «оппонента» поставить запятую, а словосочетание с двоеточием «на тему:» убрать вообще).

Указанный отзыв содержит следующие 6 разделов: «1. Актуальность темы исследования»; «2. Соответствие диссертации специальности совета»; «3. Обоснованность, достоверность и новизна научных выводов, положений и рекомендаций диссертации»; «4. Личный вклад и практическая значимость полученных автором результатов»; «5. Дискуссионные моменты и недостатки диссертации»; «7. Общая оценка диссертации». К великому сожалению, и здесь следует констатировать, что директор Института международного бизнеса и экономики ВГУЭС Латкин А.П. непросительно совершил элементарную арифметическую ошибку – не смог правильно подсчитать и обозначить цифрами шесть разделов своего пятистраничного отзыва – и явно халтурно «подмахнул» его не читая.

Проведенный в настоящей работе ниже критический анализ второй части содержания раздела «3. Обоснованность, достоверность и новизна научных выводов, положений и рекомендаций диссертации» («достоверность») отзыва официального оппонента Латкина А.П. позволил выявить следующие негативные обстоятельства.

Если в ракурсе общепринятых требований и представленных здесь рекомендаций из работы [1] подвергнуть анализу абзацы 9 и 10 третьей части («новизны») сформулированного в отзыве официального оппонента Латкина А.П. содержания третьего раздела, то можно обнаружить следующие негативные обстоятельства.

1. Девятый абзац. В данном абзаце третьего раздела своего «отзыва» профессор Латкин А.П. сообщает буквально следующее.

«Новизна научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, состоит в следующем:

- уточнено и расширено содержание понятия «аэропортовая инфраструктура», позволяющее выделить и рассматривать инфраструктуру аэропорта в современных условиях трансформации экономики государства как самостоятельный вид бизнеса (с. 22);

- предложены направления и элементы развития ГЧП в аэропортовой деятельности аэропортов малой интенсивности полетов с учетом приоритетов коммерческого использования их инфраструктуры (с. 142-144);

- разработана система показателей для оценки экономической эффективности управления инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов, а также социально-экономической результативности применения ГУП в практике управления предприятиями этого типа (с. 151-153)».

Анализ содержания девятого абзаца позволяет выявить следующие негативные обстоятельства:

а) относительно изложенного в девятом абзаце третьего раздела «отзыва» Латкина А.П. первого пункта «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой можно выявить следующие негативные обстоятельства:

- во-первых, необходимо отметить, что первый пункт «новизны...» девятого абзаца третьего раздела «отзыва» Латкина А.П. является точной копией первого пункта «научной новизны проведенного исследования», помещенного на стр. 6 автореферата (и на стр. 9 диссертации) и первого «выносимого на защиту основного положения», представленного на стр. 8 автореферата соискателя ДВГУПС Милой. Это всего лишь означает то, что профессор Латкин А.П. решил не «заморачиваться» самостоятельной оценкой первого пункта «новизны научных положений...» Милой и предпочел схалтурить, воспользовавшись ее, как оказалось, безграмотной формулировкой. Это, в свою очередь, означает, что «профессор» в силу своего невежества безалаберно принял на себя все огрехи этой пресловутой оценочной формулировки. А, зря...;

- во-вторых, подробный анализ первого «выносимого на защиту основного положения диссертационного исследования» рассматривался на 58 страницах раздела 2 монографии [2, с. 12-70], в котором, в частности, отмечалось, что уже поверхностное знакомство с формулировкой этого «положения» позволило выявить недопустимые для научных и научно-квалификационных работ случаи тривиальной неграмотности и отсутствия достаточной научной компетенции у Милой, а также необоснованность, неграмотность и неприемлемость использования этим соискателем ДВГУПС в формулировке первого «выносимого на защиту основного положения диссертационного исследования» в качестве понятия таких словосочетаний, как «аэропортовая инфраструктура» и «инфраструктура аэропорта». Все это подтверждают обстоятельства, представленные в работах [3-8];

- в-третьих, так, в подразделе 2.2 монографии [2, с. 44-54] отмечается, что попытка соискателя ДВГУПС Милой сформулировать в автореферате (стр. 11) и в ее диссертации (стр. 22, на которую и сделал ссылку Латкин А.П. в своем «отзыве») «уточненное и расширенное определение понятия «аэропортовая инфраструктура», которое не несет никакой специфики гражданской авиации (воздушного транспорта) и которое она анонсировала в своем автореферате в качестве первого «выносимого на защиту основного положения диссертационного исследования», представляется безмозглым и наглым деянием, являющимся типичным образчиком профанации российской науки;

- в-четвертых, там же [2, с. 44-54] отмечается, что соискатель ДВГУПС Милая со своей детской наивностью, присущей и весьма недалеким взрослым людям, не только не постеснялась попросту украсть из публикаций [7,9] и других работ формулировку «аэропорт ... необходимо рассматривать... как самостоятельный вид предпринимательской деятельности» и жульнически выдать ее за свою. Но и откровенно нагло представила на суд научной общественности практически идентичную формулировку («позволяющее выделить и рассматривать инфраструктуру аэропорта ... как самостоятельный вид бизнеса») в автореферате (стр. 6) и диссертации (стр. 9) в качестве, якобы, предложенного лично ею единственного признака первого элемента «научной новизны проведенного исследования» и, одновременно, как, якобы, первое «выносимое на защиту основное положение диссертационного исследования» (см. стр. 8 автореферата);

- в-пятых, таким образом, излагая в девятом абзаце третьего раздела «отзыва» первый пункт «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой, профессор Латкин А.П. в очередной раз проявил свойственное ему халтурное отношение к своим обязанностям официального оппонента и свое лже-свидетельство, а также собственную постыдную некомпетентность;

б) относительно изложенного в девятом абзаце третьего раздела «отзыва» Латкина А.П. второго

пункта «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой – «предложены направления и элементы развития ГЧП в аэропортовой деятельности аэропортов малой интенсивности полетов с учетом приоритетов коммерческого использования их инфраструктуры (с. 142-144)» - можно выявить следующие негативные обстоятельства:

- во-первых, второй пункт «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой профессор Латкин А.П. решил изложить в своем «отзыве» в собственной редакции, якобы, не согласившись с формулировками Милой второй «научной новизной диссертационного исследования» и второго «выносимого на защиту основного положения». Но лучше бы он этого не делал, поскольку представленная в его «отзыве» редакция второго пункта «новизны научных положений...» оказалась ужасающе безграмотной и крайне постыдной для профессорского звания;

- во-вторых, так, в формулировке второго пункта «новизны...», принадлежащей Латкину А.П., вместо некорректного слова «развития» (поскольку «ГЧП» вообще отсутствовало в названных «аэропортах») следовало бы употребить более корректное слово, например, «применения» или «использования» (как это сделала та же Милая). А вместо некорректного словосочетания «направления и элементы» следовало бы употребить словосочетание «направления и их элементы» или просто слово «направления»;

- в-третьих, примененное Латкиным А.П. в этой формулировке словосочетание – «в аэропортовой деятельности аэропортов» - представляет собой грубейшую тавтологию, совершенно не приемлемую для документов государственной научной аттестации. Поэтому профессору Латкину в этом словосочетании вместо безграмотно примененного слова «аэропортовой» следовало бы употребить более корректное слово, например, «непрофильной» [10] или «неавиационной» (как это сделала та же Милая *путем неправомерного заимствования* из работ [11-13]);

- в-четвертых, затем в формулировке второго пункта «новизны...», принадлежащей Латкину А.П., вместо несвойственного для гражданской авиации квзитета «малой интенсивности полетов» следовало бы употребить аббревиатуру «МВЛ», а вместо некорректных слов «приоритетов» и «инфраструктуры» необходимо применить соответственно слова «факторов» и «зданий и сооружений». И особенно неприглядной ошибкой является неправильно поставленная в конце этой формулировки скобка. Ведь именно последнее в очередной раз (и при этом наиболее ярко) свидетельствует о том, что профессор Латкин А.П. даже не читает свои отпечатанные «отзывы» официального оппонента» и «подмахивает» их не глядя;

- в-пятых, как сообщается в монографии [3, с. 140], сравнение выдержек из третьей части пункта 1.3.3 «Коммерческая деятельность аэропортов, действующих в условиях малой интенсивности поле-

тов» (стр. 91-96) «Программы развития и модернизации аэропортов Николаевск-на-Амуре, Охотск, Аян, Чумикан, Богородское, Херпучи на период до 2029 года» [14], и заимствований, полностью заполнивших все стр. 142-145 диссертации соискателя ДВГУПС Милой (подраздел 3.2 «Разработка эффективной системы управления аэропортовой инфраструктурой»), позволило выявить факты незаконного (без указания библиографических ссылок на документ [14]) заимствования этим псевдоисследователем чужих материалов;

- в-шестых, в монографии [3, с. 140] также сообщается, что, помещенный на стр. 142 диссертации аспиранта ДВГУПС Милой рис. 3.3 «Направления коммерческой деятельности *представляет собой практически копию* представленного на стр. 92 «Программы развития и модернизации аэропортов Николаевск-на-Амуре, Охотск, Аян, Чумикан, Богородское, Херпучи на период до 2029 года» [14] одноименного рисунка 25. И что это является очередным фактом незаконного присвоения (подсудной кражи) Милой графического материала из данного документа Правительства Хабаровского края [14];

- в-седьмых, таким образом, утверждая в формулировке второго пункта «новизны научных положений, выводов и рекомендаций», что, якобы, соискателем «предложены направления и элементы развития ГЧП...», изложенные ею в своей диссертации на «стр. 142-144», профессор Латкин А.П. попытался не только авантюрно узаконить совершенный Милой плагиат (литературное воровство) материалов правительства Хабаровского края [14], но и, более того, преступно и невежественно выдать их содержание за «новизну» ее диссертационного исследования» (чего сама Милая не посмела сделать, поскольку, как говорят в народе, «чуяла кошка, чье мясо съела»);

в) относительно изложенного в девятом абзаце третьего раздела «отзыва» Латкина А.П. третьего пункта «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой – «разработана система показателей для оценки экономической эффективности управления инфраструктурой аэропортов малой интенсивности полетов, а также социально-экономической результативности применения ГУП в практике управления предприятиями этого типа (151-153)» - можно выявить следующие негативные обстоятельства:

- во-первых, и третий пункт «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой профессор Латкин А.П. решил изложить в своем «отзыве» в собственной редакции, якобы, не полностью согласившись с формулировками Милой третьей «научной новизной диссертационного исследования» и третьего «выносимого на защиту основного положения». Но лучше бы он этого не делал, поскольку представленная в третьем пункте «новизны научных положений...» его «отзыва» «система показателей» вызывает большие сомнения в необходимости и обоснованности ее появления в диссертации Милой и

вполне реальные подозрения в личном участии в этой афере профессора Латкина А.П.;

- во-вторых, профессор Латкин А.П. в третьем пункте «новизны» своего «отзыва» пресловутые «аэропорты малой интенсивности полетов» (то есть «аэропорты МВЛ») позорно называет «предприятиями этого типа». Однако, с одной стороны, в соответствии со статьей 61 (часть 1) Воздушного кодекса РФ [15] «под *авиапредприятием* понимается юридическое лицо...», а, с другой стороны, российские убыточные «аэропорты МВЛ» обычно не обладают статусом юридического лица и входят на правах структурных подразделений либо в ГУП (ФГУП, КГУП), либо в федеральные казенные предприятия (ФКП). Кстати, аэропорты МВЛ северных районов Хабаровского края, о которых идет речь в диссертации Милой, она предлагает оставить в составе КГУП «Хабаровские авиалинии», что само по себе является анахронизмом, поскольку во всех развитых странах аэропорты отделены от авиакомпаний и являются самостоятельными хозяйствующими субъектами. Здесь налицо – очередной факт вранья Латкина А.П., вызванный его ужасающей некомпетентностью в сфере воздушного транспорта (гражданской авиации);

- в-третьих, утверждение Латкина А.П. о том, что в диссертации Милой «разработана система показателей», **является недостоверным**. Поскольку, с одной стороны, никакой единой (целостной) «системы показателей» в диссертации Милой нет, хотя бы потому, что в ней представлены две разнородные, невзаимосвязанные и отнюдь не являющиеся системами группы «показателей». И, с другой стороны, по утверждению самой Милой первая группа показателей, всего лишь, «рассмотрена», хотя на самом деле эта группа в ее диссертации даже и не «рассматривалась», а просто «приведена». В то же время, в диссертации Милой вторую группу «показателей» только «предлагалась использовать». То есть обе эти группы, строго говоря, в ней не были «разработаны». Кстати, здесь следует отметить, что в данном пункте «новизны...» девятого абзаца «отзыва» Латкина А.П. **допущена ошибка**: вместо неправильной аббревиатуры «ГУП» следовало бы употребить приемлемую аббревиатуру «ГЧП». Все это означает, что Латкин А.П. не только не читал диссертацию Милой, но и не проверял правильность написания своего «отзыва». Налицо – еще один факт вранья, халтуры и невежества Латкина А.П.;

- в-четвертых, как уже было сообщено в монографиях [2-4], 20 марта 2012 года защита диссертации Милой А.В. в диссертационном совете ДМ 223.005.02 при МГУ им. Г.И. Невельского не состоялась, якобы, по причине «болезни соискателя». Вместе с тем, в автореферате и диссертации Милой в целом, которые должны были представлены для защиты **20 марта 2012 года**, никакие «показатели экономической эффективности управления АМИП и показатели результативности создания ГЧП в АМИП» **не были вообще упомянуты**, не говоря уже о представлении каких-либо соответствующих таблиц и каких-либо комментариев к ним. И об этом

профессор Латкин А.П. **был прекрасно осведомлен** как официальный оппонент по диссертации Милой;

- в-пятых, а уже **13 апреля 2012 года** был разослан новый автореферат диссертации Милой, подписанный в печать **10 апреля 2012 года**. Так вот, в этом автореферате Милой (как в новом варианте ее диссертации), вдруг, появились *«показатели экономической эффективности управления инфраструктурой АМИП»* и *«показатели, характеризующие социально-экономическую эффективность и результативность создания ГЧП в АМИП»*. То есть практически в 20-дневный промежуток времени (с 20 марта по 10 апреля 2012 года) Милая успела «сляпать» весьма сомнительные «показатели», вставить их в не менее сомнительные «таблицы», снабдить их маловразумительными комментариями и гоголотапски разместить все это в автореферате и диссертации. При этом вполне очевидно, что не стоит полностью отрицать непосредственное участие в этой противоправной афере и профессора Латкина А.П.;

- в-шестых, если внимательно приглядеться к большинству перечисленных в таблице 4 автореферата и таблице 3.4 диссертации и, по мнению Милой, «традиционно рассчитываемых для оценки» «показателей экономической эффективности управления инфраструктурой АМИП» (то есть давно известных и тривиальных показателей оценки эффективности любого «управления»), то оказывается, что это большинство на самом деле относится не к обобщенной оценке «экономической эффективности управления» в целом, а к оценке «экономической эффективности» практической реализации «программ по совершенствованию управления инфраструктурой АМИП» (причем, с учетом даже непонятного для рыночной экономики «отраслевого нормативного коэффициента эффективности»). Однако, оппонент не заметил этого. Налицо – еще один факт вранья, халтуры и невежества Латкина А.П.;

- в-седьмых, вообще непонятно, зачем перечисленные в таблицах 4 и 5 автореферата и таблицах 3.4 и 3.5 диссертации Милой «показатели экономической эффективности управления инфраструктурой АМИП» и «показатели, характеризующие социально-экономическую эффективность и результативность создания ГЧП в АМИП» так скоропалительно (в течение 20 дней) были введены в «диссертационное исследование» Милой, если основной проблемой в нем обозначено «необходимость и эффективность применения ГЧП лишь в неавиационной (у Милой - «вспомогательной») деятельности аэропортов МВЛ (у Милой – «АМИП») северных районов Хабаровского края (у Милой – КГУП «Хабаровские авиалинии»)»? Увы, приемлемый ответ на этот вопрос в «диссертационном исследовании» Милой никак не просматривается. Однако, и это оппонент не заметил. Налицо – очередной факт вранья, халтуры и невежества профессора Латкина А.П.;

- в-восьмых, как было установлено в подразделе 4.2 монографии [3, с. 157-209], таблицы 4 и 5

автореферата и таблицы 3.4 и 3.5 диссертации Милой и комментарии к ним наполнены многочисленными глупостями и нелепицами, что относительно северных аэропортов МВЛ Хабаровского края выглядит полнейшей белибердой (абракадаброй). Все это свидетельствует о том, что указанные «показатели» были авантюрно и жульнически вставлены в диссертацию Милой лишь для того, чтобы, как говорят в народе, «заполнить поляну» автореферата «фундаментальными» (на самом деле, тривиальными) инструментами измерения «экономической эффективности управления инфраструктурой «АМИП», придать ему и всей диссертации призрачно-абстрактную видимость научно-практической ценности и, тем самым, нагло «надуть» экспертов и других представителей научной общности.

Таким образом, все изложенные в девятом абзаце третьего раздела «отзыва» Латкина А.П. пункты «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой, оказались образчиками ужасающей безграмотности и некомпетентности, крайне постыдных для профессорского звания и степени доктора экономических наук. Вместе с тем, удивительно и в то же время прискорбно то, что здесь профессор Латкин А.П. в своем невежестве заметно превзошел уровень невежества пресловутого соискателя ДВГУПС Милой.

9. Десятый абзац. В данном абзаце третьего раздела своего «отзыва» профессор Латкин А.П. сообщает буквально следующее.

«В соответствии с вышеизложенным, нам представляется, что основные положения, выводы и рекомендации, содержащиеся в настоящей диссертации А.В. Милой, достаточно обоснованы, вполне достоверны и составляют главные элементы ее научной новизны».

Анализ содержания десятого абзаца позволяет выявить следующие негативные обстоятельства:

- во-первых, в последнем абзаце третьего раздела «отзыва» профессора Латкина А.П. после слова «вышеизложенным» запятую следовало бы убрать;

- во-вторых, в данном абзаце вместо некорректного слова «основные» следовало бы употребить слово «научные» (как это сделано в заголовке третьего раздела «отзыва» Латкина А.П.), поскольку, с одной стороны, «основные положения» могут быть как «научными», так и «практическими», а, с другой стороны, может создаться видимость, что профессор Латкин А.П. ручается за «обоснованность и достоверность» только «основных (научных) выводов и рекомендаций», хотя должен дать оценку «обоснованности и достоверности» всех без исключения «научных положений, выводов и рекомендаций»;

- в-третьих, затем в данном абзаце вместо некорректного слова «содержащиеся» следовало бы (как это сделано в заголовке третьего раздела «отзыва» Латкина А.П.) употребить слово «сформулированные» (кратко и точно выраженные [16]), поскольку, с одной стороны, не все «содержащиеся в

диссертации положения, выводы и рекомендации» могут быть кратко и точно выражены (что крайне затрудняет объективно оценить их «обоснованность и достоверность»), а, с другой стороны, в «диссертации» могут «содержаться» и «положения, выводы и рекомендации, сформулированные» в других библиографических источниках;

- в-четвертых, кроме того в данном абзаце следовало бы либо вместо некорректного слова «настоящей» употребить слово «указанной» или «данной», либо вообще обойтись без слова «настоящей»;

- в-пятых, совершенно непонятно, в каком «страшном сне» (или, как говорят в народе, «с какого бодуна») профессору Латкину А.П., вдруг, «представилось», что абсолютно все «содержащиеся в диссертации Милой» (а не только «сформулированные» именно в ней) «положения, выводы и рекомендации», якобы, «составляют... элементы ее научной новизны» и, более того, не все, а исключительно «главные» такие «элементы»? При этом дополнительно возникает вопрос, а что же именно профессор Латкин А.П. подразумевает под «второстепенными (не «главными») элементами научной новизны диссертации Милой»? И в связи лишь с этими вопросами изложенное в последнем абзаце третьего раздела «отзыва» профессора Латкина А.П. его утверждение следует признать не иначе, как «бредом сивой кобылы»;

- в-шестых, согласно пункту 22 (абзац 1) «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 30 января 2002 года № 74 (в редакции постановления правительства РФ от 20 июня 2011 года № 475), профессор Латкин А.П. в своем «письменном отзыве» сначала должен был «оценить», «степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой, а уже потом «их новизну». То есть «научные положения, выводы и рекомендации» первичны, а «их новизна» вторична. Налицо – факт постыдного незнания или сознательного игнорирования Латкиным А.П. требований основных нормативно-правовых актов государственной научной аттестации;

- в-седьмых, вместе с тем, профессор Латкин А.П. в своем «отзыве» **противоречит сам себе**. Ведь буквально в предыдущем абзаце этого «отзыва» он назвал только **три пункта** «новизны научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации» Милой. Причем признал в качестве такового лишь первый пункт «научной новизны проведенного исследования», помещенный на стр. 6 автореферата (и на стр. 9 диссертации), и первое «выносимое на защиту основного положения», представленное на стр. 8 автореферата Милой, а два других «выносимых на защиту основных положений» отверг и авантюрно представил свои крайне невежественные формулировки пунктов «новизны...», якобы, обнаруженных им в диссертации Милой;

- в-восьмых, кроме того, в третьем разделе своего «отзыва» профессор Латкин А.П. на самом деле

не привел ни одного хоть мало-мальски приемлемого доказательства или факта «*достаточной обоснованности*» и «*полной достоверности*» пресловутых «*научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации*» Милой. И здесь остается лишь констатировать, что и в этом случае профессор Латкин А.П. решил *глуповато и авантюрно соврать либо по своей простоте душевной, либо в силу деликтно-рискового своекорыстия*;

- в-девятых, при знакомстве с формулировкой последнего абзаца третьего раздела «отзыва» профессора Латкина А.П. создается впечатление, что оппонент *вообще не понимает смысл того, о чем он же и пишет*. Возникновению такого постыдного непонимания собственных «каракулей» частично способствует то, что профессор Латкин А.П. *даже не читает свои отпечатанные «отзывы официального оппонента» и «подмахивает» их не глядя*;

Таким образом, изложенное в десятом абзаце третьего раздела «отзыва официального оппонента» Латкина А.П., казалось бы, «фундаментальное» утверждение являет собой *образчик ужасающей безграмотности, фантастического вранья и некомпетентности, крайне постыдных для обладателя профессорского звания и степени доктора экономических наук*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристер Н.И., Резник С.Д. Управление диссертационным советом: практическое пособие / Под общ. ред. проф. Ф.И. Шамхалова. – Пенза: ПГУАС, 2008. – 462 с.
2. Леонтьев Р.Г. Завиральные и невежественные байки из «диссертации» об аэропортах МВЛ: образчики профанации науки (как не надо представлять защищаемые положения диссертации): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 211 с.
3. Леонтьев, Р.Г. Диссертация о малых аэропортах и нелегитимные заимствования из материалов краевого правительства (как не надо писать диссертацию): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 156 с.
4. Леонтьев Р.Г. Диссертация об аэропортах МВЛ: кражи идей, вранье о результатах, невежество утверждений (как не надо представлять общую характеристику диссертации): монография / Р.Г. Леонтьев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 190 с.
5. Леонтьев Р.Г. Невежественная аргументация при анализе «аэропортовой инфраструктуры в условиях малой интенсивности полетов» (как не надо публиковать статью в рецензируемом журнале) // Вестник транспорта. – 2017. - № 2. – С. 34-41.
6. Леонтьев Р.Г. Невежественная аргументация при анализе «аэропортовой инфраструктуры в условиях малой интенсивности полетов» (как не надо публиковать статью в рецензируемом журнале) (окончание) // Вестник транспорта. – 2017. - № 3. – С. 39-43.

7. Леонтьев Р.Г. Супермалая ценность «малой интенсивности полетов» (уроки формулирования и экспертизы актуальности темы диссертации) // Вестник транспорта. – 2014. - № 7. – С. 3-8.
8. Леонтьев Р.Г. Супермалая ценность «малой интенсивности полетов» (уроки формулирования и экспертизы актуальности темы диссертации) (окончание) // Вестник транспорта. – 2014. - № 8. – С. 25-32.
9. Леонтьев Р.Г. Базовое понятие аэропортовой деятельности коммерческой гражданской авиации // Транспорт: наука, техника, управление. – 2017. - № 8. – С. 73-76.
10. Азимов Л. Перспективная модель аэропорта как основа развития бизнеса (Источник: журнал "Аэропорт - партнер"). – Сайт ЗАО ПАКК 2003 – <http://transport.pacc.ru>
11. Роль государственного и частного секторов в инфраструктуре воздушного транспорта (ИВТ) // Семинар: Государственно-частное партнерство (ГЧП) в транспортном секторе России. – Москва, Россия, 3-4 марта 2005 г. – М.: Группа Всемирного банка. Отдел экономики и финансирования инфраструктуры, 2005. – 19 с.
12. Фурщик М.А., Ляшева Н.В. Аэропорты Хабаровского края // Транспорт Российской Федерации. – 2010. - № 4(29). – С. 15-17.
13. Волкова Л.П. Управление деятельностью аэропорта. Часть 2. Организационные основы управления: учебное пособие. – М.: ФГОУ ВПО «МГТУГА», 2007. – 105 с.
14. Программа развития и модернизации аэропортов Николаевск-на-Амуре, Охотск, Аян, Чумикан, Богородское, Херпучи на период до 2029 года. – Хабаровск: Министерство промышленности, транспорта и связи Хабаровского края, 2009. - 162 с.
15. Воздушный кодекс Российской Федерации. – М.: Ось-89, 2007. – 64 с.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО "ИТИ Технологии", 2003. – 944 с.

JURISPRUDENCE

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE HEAD OF STATE OF THE SWISS CONFEDERATION UNDER THE CONSTITUTION OF 1999

Elizarova O.

*Undergraduate Volgo-Vyatka Institute (branch)
University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Kirov*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ПО КОНСТИТУЦИИ 1999 г.

Елизарова О.Ю.

*магистрант Волго-Вятского института (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров*

Abstract

The article deals with the peculiarities of the legal status of the head of state of the Swiss Confederation under the Constitution of 1999. The thesis about the directorial form of the organization of the supreme power is put forward. The author analyzes the powers of the supreme bodies of state power, the interaction between them, as well as the institution of responsibility.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности правового статуса главы государства Швейцарской Конфедерации по Конституции 1999 г. Выдвинут тезис о директоральной форме организации верховной власти. Проанализированы полномочия высших органов государственной власти, взаимодействие между ними, а также институт ответственности.

Keywords: head of state, legal status, directory, authority, Institute of responsibility, Constitution of 1999.

Ключевые слова: глава государства, правовой статус, директория, полномочия, институт ответственности, Конституция 1999 г.

Положение главы государства в системе разделения властей наряду с другими признаками влияет на определение формы правления и вида государственного режима [1, с. 36]. Однако далеко не всегда статус главы государства определяется конституциями государств однозначно.

Например, в Конституции Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. (далее – Конституция) понятие главы государства отсутствует вообще [2]. Из анализа норм данной Конституции можно заключить, что функции главы государства делятся между Союзным Советом и Союзным Президентом.

Согласно ст. 148 Конституции, законодательная власть в Швейцарской Конфедерации принадлежит Союзному Собранию, в состав которого входят две палаты: Совет Кантонов и Национальный Совет, исполнительная власть представлена Союзным Советом, который обладает более обширными полномочиями по сравнению с Союзным Собранием и Союзным Президентом.

Согласно ст. 174 Конституции, Союзный Совет является носителем верховной руководящей и исполнительной власти в Швейцарской Конфедерации. Он вправе направлять в Союзное Собрание проекты союзного законодательства (ст. 181 Конституции). Союзный Совет принимает законодательные положения в форме постановлений и обеспечивает имплементацию законодательства, резолюций Союзного Собрания и решений союзных

судебных органов (ст. 182 Конституции). Данный орган составляет финансовый план и проект бюджета (ст. 183 Конституции). Он подписывает и ратифицирует международные договоры, направляя их затем Союзному Собранию для утверждения, а также, принимает меры по обеспечению внешней и внутренней безопасности Швейцарской Конфедерации.

Согласно ст. 4 Закона «Об организации правительства и администрации» от 21 марта 1997 г., за ненадлежащее исполнение правительственных функций Союзный Совет несет коллегиальную ответственность [3].

Таким образом, Союзный Совет соединяет в своих руках ряд полномочий, осуществляемых обычно главой государства и Правительством.

На первый взгляд, речь идет о признаках президентской формы правления, однако, статус Союзного Совета не позволяет однозначно характеризовать форму правления Швейцарии как парламентскую или президентскую. В научной литературе встречается точка зрения, согласно которой Швейцарская Конфедерация занимает промежуточное место между этими двумя наиболее распространенными типами республиканской формы правления [4, с. 117].

Союзный Совет в Швейцарии не может распустить Парламент.

В отличие от принятого при президентской форме правления порядка, члены Союзного Совета

избираются не народом или коллегией выборщиков, а парламентариями: согласно ст. 174 Конституции, данный орган состоит из семи министров (советников), избираемых на совместном заседании обеих палат Союзного Собрания сроком на четыре года из всех швейцарских граждан, которые могут избираться членами Национального Совета.

По мнению Р. Лавуа, Швейцарская Конфедерация являет собой третий тип республиканской формы правления - директоральную республику [5]. Согласно позиции В.В. Маклакова, в отечественной литературе аналогичным содержанием наделяется термин «правление собрания» [6, с. 340-342].

Первым примером директоральной республики была возникшая после Великой французской революции и просуществовавшая всего четыре года Директория. Это был коллегиальный исполнительный орган, формируемый Парламентом, члены которого, однако, будучи избраны, оставались независимыми перед законодательной властью. Швейцарская директоральная система характеризуется рядом особенностей. Исходя из анализа норм Конституции и фактического положения дел, форма правления Швейцарии строится на принципах отсутствия иерархии и отсутствия ответственности. Первый заключается в наделении равной властью каждого из семи членов Союзного Совета, исключение составляет Президент Швейцарской Конфедерации. На Президента возлагаются, однако, исключительно представительские и церемониальные функции [7, с. 133]. Поэтому среди союзных советников президент считается «первым среди равных».

Согласно ч. 1 ст. 25 Закона «Об организации правительства и администрации» от 21 марта 1997 г. (далее – Закон от 21 марта 1997 г.), Президент руководит Союзным Советом и переизбирается каждый год Союзным Собранием из числа членов Союзного Совета. Столь частое переизбрание Президента проводится с целью предотвратить доминирование одного или нескольких лиц. При выборе кандидата на пост Президента Союзное Собрание руководствуется принципом старшинства: наиболее вероятный претендент тот, кто уже служил под президентством всех. Обычно назначению на должность Президента предшествует год работы в статусе вице-президента. Президент не имеет права давать указания коллегам в Союзном совете. Согласно ст. 25 Закона от 21 марта 1997 г. законодательно за Президентом Швейцарской Конфедерации закреплены следующие функции:

- решение процедурных вопросов (подготовка заседаний Союзного Совета и решение спорных вопросов);

- принятие предупредительных решений в неотложных случаях;

- представительство Союзного Совета внутри страны и за ее пределами;

- поддержание отношений между Союзом и Кантаонами при решении общих вопросов.

Что касается принципа отсутствия ответственности, то Союзное Собрание не располагает правом на отзыв членов Совета или его роспуск, и Союзный Совет независим по отношению к Собранию.

В Швейцарии никогда не было главы государства в его традиционном понимании как единоличного правителя. Таким образом, вопрос о необходимости конституционного закрепления системы сдержек и противовесов никогда остро не стоял для Швейцарского государства. Наконец, в Швейцарии никогда не было постоянного главнокомандующего армией, пост которого обычно также занимает глава государства.

По мнению автора, то обстоятельство, что функции главы государства исполняются коллегиально, может быть причиной отсутствия в Конституции положений на случай чрезвычайных ситуаций. В то же время Конституция не предвидит наступления чрезвычайных ситуаций и, следовательно, не наделяет ни один конкретный орган чрезвычайными полномочиями, в отличие, например, от ст. 16 Конституции Франции от 4 октября 1958 г. [8].

Кроме того, по мнению Д.А. Ковачева, в компетенцию президентов многих европейских стран включены права, которые лишают парламент возможности эффективно влиять на деятельность органов управления по претворению в жизнь законов государства (право назначать и освобождать от должности высших должностных лиц), а также превращают в конституционную иллюзию независимость органов правосудия (право назначать и освобождать от должности членов высших судебных органов), т.е. разрушают обусловленную принципом разделения властей субординацию между законодательной и исполнительной ветвями государственной власти, а также между законодательной и судебной [9, с. 162].

Следует констатировать и такой исключительно важный факт, что Конституция Швейцарской Конфедерации достаточно лаконично говорит об институте юридической ответственности высших органов государственной власти. Согласно ст. 146 Конституции, Союз отвечает за вред, противоправно причиненный его органами при осуществлении официальной деятельности. В соответствии со ст. 162 Конституции, члены Союзного Собрания и Союзного Совета, не могут быть привлечены к юридической ответственности за свои высказывания в Совете.

На основании проведенного анализа правового статуса Союзного Совета и Президента можно прийти к выводу, что важным отличием швейцарской модели государственности является отсутствие института президентства как единоличного главы государства. Считается, что коллегиальный характер правления во многом обусловлен многонациональным и многоязычным составом населения Швейцарии [10]. Верховный руководящий и исполнительный орган власти в Швейцарии, Союзный Совет, является коллегиальным главой государства и полноправно исполняет данные функции

в Швейцарской Конфедерации наряду с Президентом, который выполняет в основном представительские функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Черкасов А.И. Президентизм и парламентаризм в странах современного мира // Государство и право. 2012. № 9. С. 36.
2. Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт правовой библиотеки Конгресса. URL: www.loc.gov/law/help/guide/nations/switzerland.php (дата обращения: 28.04.2020).
3. Об организации правительства и администрации» от 21 марта 1997 г. / *Regierungs- und Verwaltungsorganisationsgesetz vom 21. März 1997* (Stand am 1. April 2012). SR 172.010. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального совета Швейцарии URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19970118/index.html#a61a> (дата обращения: 28.04.2020).
4. Петрова М.А. Органы центральной власти современной Швейцарии: тенденции развития. Дис... канд. юрид. наук. СПб. 2007. С. 117.
5. Lauvaux P. *Les grandes democraties contemporaines*. Paris. PUF. 1990. Fleiner-Gerster T. *Le Conseil federal: Directoire de la Confederation. Pouvoir* 43. 1987. P. 49 - 63.
6. Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть // Wolters Kluwer. 2006. С. 340 - 342.
7. Михайлова Е.М., Пушкарёв С.В. Коллективный глава как форма управления государством // Российский государственный социальный университет. № 3. 2011. С. 133.
8. Конституция Французской Республики от 04.10.1958 г. [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.04.2020).
9. Конституционное право государств Европы: Учеб. пособие для студентов юрид. вузов и фак. / Отв. ред. Д.А. Ковачев. М.: Wolters Kluwer. 2019. С. 216.
10. Schelbert L. *Historical dictionary of Switzerland* // Scarecrow Press. Inc. 2007. P. 53.

FINANCIAL POLICY AND LAW

Krokhina Y.

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Russian Economic University Plekhanov. Head of the Department of Legal Disciplines, Graduate School of State Audit (Faculty), Moscow State University. Member of the Executive Committee of The Russian Union of Taxpayers

Abstract

The article raises the question of the relationship between financial policy and law.

Keywords: financial policy, law.

Finances, being the most important component of the economic development of society, need constant, purposeful management and, in this sense, are significantly different from other relations developing on the commodity market. The latter is usually understood as the sphere of private legal transactions arising from the private interest of producers and consumers of goods, works and services. However, other vertical property relations are also characteristic of the market, mediating state participation in economic turnover - tax, budget, investment, issue, etc. In addition to economic differences, these two types of relations differ significantly from each other in their legal properties, which predetermines various legal modes of their regulation and legal protection.

Being natural, as dictated by the interests of one, two or more self-acting entities, carriers of private economic interest, they are formed by the same entities almost independently of the opinions and interests of other persons not participating in these relations. Public power is also very limited in its capabilities, which at a

high level of its development becomes interested in regulating private law relations in the interests of their participants and in their own interests.

A formidable obstacle for the state or other public authorities is the formal uncertainty of private law relations and their inherent feature - dispositiveness. Nevertheless, the state power, possessing significant potential in influencing the civil turnover and its participants, has moved quite far in regulating private law relations, introducing a public law principle into them. The leader here are political regimes built on statistical principles. The well-known position of V. I. Lenin, who believed that everything in the field of economy is public law, and not private¹. On the contrary, the modern stage of economic construction is characterized mainly as a liberal one, connected with the priority of private-law economic values over public-law ones. But even during periods of sovereignty of the state in the economic sphere, private law relations remain so, although initially in a modified form.

Public authority is not something forever given. It develops and improves as the society that it serves and which forms it develops. Having reached the degree of

¹ V.I. Lenin, Complete works, b.44 p.398

a developed state, it assumes the existence of an appropriate sector of the economy, built on other principles than private law, moreover, denying its fundamental principles and, above all, dispositiveness. Instead of the latter, imperative is used, which requires the utmost formal certainty of property relations by subjective composition, time of occurrence and termination of termination, according to the terms of interaction of participants and measures of coercion to comply with the relevant rules and the consequences of their non-fulfillment. This part of the economic turnover embodies the realization of public interest, which implies, if not denying and not ignoring the interest of the frequent at all, then at least giving the public interest a significant priority over the interest of an individual or collective individual.

And, since the holders of private law interest and the addressees of legal norms of a public nature are the same subjects of law, it becomes natural to assume that public law is nothing more than coercive measures, as instruments to deprive the subject of the right to satisfy privately legal interest.

The category of coercion is sufficiently deeply studied in the science of administrative and financial law. However, the tendency to understand coercion as a legal phenomenon opposing legal freedom and self-determination of the subject is striking. So, M.B. Razgildieva writes, "... the emergence of the status of a forced person should be associated with the official presentation to the offender of the requirement of the authorized person to eliminate the violation²." M.B. Razgildieva is absolutely right, considering the sphere of enforcement a coercion, but the question arises - is it possible to narrow the concept of coercion? Is the requirement to pay a tax or refusal to transfer funds abroad without sufficient justification not yet expressed?

In my opinion, the answer should be positive, not because of the opposition of public interest to private interest, but "only" due to the legal nature of public law, requiring the uniform application of its rules in relation to all their recipients. Coercion, therefore, is an organic quality of public law and should not be understood only as a law enforcement activity of state bodies.

Property relations governed by administrative and financial law are characterized by their coercion, since it involves the alienation or other operational actions with property owned, controlled or in some other form of control of the obligated entity and, as a rule, in favor of the authorized entity. And here we are faced with a fundamental difference between public property relations and private law relations, namely: the mechanism for the emergence and implementation of public law relations does not contain mutual satisfaction as a generic feature of private law relations.

Indeed, the interest of the tax authority is not corresponded to the interest of the taxpayer, nor is the interest of its recipient far from the interests of the inter-governmental transfer in the interest of the participant

issuing it, etc. It is for this reason that property relations, regulated by public law, should not be considered quite traditional, special, or even more precisely artificial, created by the state and for state needs.

In contrast to economic ties, mediating the interests of participants in the civil turnover "horizontally", public property relations are formed between the subjects of "vertical" economic relations - between the state, its bodies and their subjects (state) authorized, on the one hand, and legal and by individuals, on the other hand, regarding the satisfaction of a specific and exhaustively defined public interest

Even though all budget revenues are depersonalized and lose their targeted nature, certainty of payment is ensured by legal means at the stage of spending by approving the corresponding budget in its expenditure part. Regardless of the "bottom-up" or "top-down" scheme, this or that public legal connection arises and is implemented, a specific target certainty is an essential element of a financial or administrative legal relationship.

An important circumstance is the interposition of subjects of public property relations. Traditionally and, it must be admitted, incorrectly, the parties are considered as being in a regime of subordination. This fundamental mistake, wandering from a textbook to a textbook, from a monograph to a monograph, hides from us the true state of things, namely, the parties to financial and administrative property relations bear the same legal obligation to enter into property relations on the terms, conditions and procedures specified by law. The difference is only in who is entrusted with the legal initiative to enter into these relations.

Most of these relationships arise on the initiative of a state body, which, incidentally, looks like an subordination (dependence) of the other side of a legal relationship to a state body. In fact, this is a manifestation of the imperativeness of a legal norm uniting these entities as parties to a legal relationship.

Legal situations in which two (or more) sides of the same legal relationship are carriers of duties in relation to each other are far from so rare that they do not prevent them from simultaneously possessing a subjective right of a procedural or organizational nature. This situation in the literature is called debt and with good reason can be attributed to tax, budget, issue-money relations.

The reciprocity of duties, holding the parties together more than in legal relations of the classical type (legal obligation), gives reason to consider financial legal relations as obligations of a special kind, namely, financial obligations. Although this legal construction has become firmly and thoroughly included in the legislation and judicial practice, there is still doubt in the legal literature about the possibility of its application. The roots of this phenomenon are the reluctance (and possibly the inability) of individual scholars to realize that an obligation as a legal instrument is widely used in many branches of law, and not only in civil law, while there are contractual, tort and other obligations

² M.B. Razgildieva, Financial and legal enforcement, p. 72. 2011

that deny the civil nature and mediating property and other relations of a completely different nature.

Finance, being a product of the development of public authority and the conquest of its sector of economic turnover, exists and develops in the form of an extensive system of financial obligations that develop according to a formal model of obligations that belong to the law as a whole, but originated in the framework of civil law.

According to N.M. Kazantseva "financial obligations in their system contain a constructive denial" of a particular type of civil law obligation, and as such they reproduce the relationship between public and private law and provide harmonized regulation of the circulation of property values³.

Let us emphasize mentally the "creative negation" phrase in order to focus on what is a touchstone in understanding the nature of financial obligations. According to H. M. Kazantseva and a number of other scholars, financial obligations are a dialectical derivative of civil law obligations, their alter-ego and, therefore, their legal support should and can reproduce a civilistic model.

The opposite point of view (which the author of these lines also adheres to) is the understanding of financial obligations as an original phenomenon that arises as finances lose their former content and, on the contrary, gain democratic content. By democratizing finances, society not only prefers civil law regulation over administrative, but creates a new "in principle" legal regime for regulating financial relations, not genetically not historically related to civil law, but also not related to administrative regulation.

Changes in the socio-political regime in our country that took place at the beginning of the 1990s caused radical legislative changes and, in parallel with a change in the scientific and theoretical climate in terms of financial and legal problems, convincingly demonstrate the direct dependence of law on the economic concept of social development. It is logical that in the new conditions, the previous financial legislation crumbled without a trace, giving way to new principles of legal regulation and the corresponding legal structures.

And here we are able to proceed to a direct analysis of the nature of financial policy. Many years ago, the famous Soviet writer Boris Lavrenev, in one of his stories about the First World War, putting politics in the first place, appointed strategy and tactics as his followers. Obviously, this is true not only for military operations, since only a plan, an idea penetrated by political integrity and political power can count on a strategic and tactical embodiment. Financial policy is no exception - it certainly offers the highest degree of conceptuality applied in the course of the dynamic transformation of the socio-economic system. In the final analysis, financial policy is the refraction of the complex of ideas that guide society, as applied to public property relations during the reconstruction of the economic model of society.

Although financial policy is only part of the totality of reforms, it is it that sets the tone for all transformations, affecting the nature of the economic relations between society and the state - the sphere of social relations that is most subjected to reform.

Since, as we tried to justify above, public financial relations are subject to comprehensive legal regulation, their reconstruction also requires a radical change in the previously existing legal regime - in contrast to the sphere of private law, which launches the applicability of the relevant norms and legal structures to new relations. Due to these circumstances, the new financial policy primarily involves the replacement of the entire legal apparatus. carried out as a financial and legal reform of various institutions or the whole system as a whole. Further, we will try to highlight the rapid development of financial legislation and the jurisdictional activity of courts in the field of finance as a deep financial and legal revolution that took place in the nineties of the twentieth century, but needs to be completed at the present time.

One or another financial policy of the state is doomed to receive materialization through legislative, organizational and jurisdictional measures. It is appropriate to cite at least some of the most visible and significant elements of the financial policy of the past 25 years in our country.

1. A reform of the philosophy of state revenues was carried out: instead of the so-called non-tax payments that prevailed throughout the Soviet period, a system of various taxes was introduced, levied strictly on a legislative basis; taxation covers both payments by individuals and legal entities.

2. A fairly perfect legal mechanism has been created to protect taxpayers from excessive collection of state funds not based on the law.

3. Budgetary relations from the predominantly unilateral expressions of the state regarding the allocation of financial resources received predominantly bilateral regulation by providing the regions, municipalities, business entities and citizens with powers comparable with the competence of financial authorities to claim the necessary funds.

4. Budget recipients act as the subject of the responsibilities for the effective targeted and timely use of the allocated appropriations with legal responsibility for deviating from these rules; the introduction of the state order regime for the supply of goods, the performance of work and the provision of services has reformed the sphere of budget financing into legal obligations.

5. A bank loan from a planned, imperative instrument of directive regulation has acquired the character of commercial interaction between banks and enterprises, the allocation of a loan has become an act of individual interest of the parties to the relevant agreement; the sphere of banking and other non-cash payments was de-idealized, which now plays a service role for its participants.

³ N.M. Kazantsev. On the development of the dogma of financial law. Introduction to the monograph Institutes of financial law. M. 2009.p.15

6. The relations between economic entities and the state underwent a radical reform - outside the tax and a number of special obligations, all incomes are distributed and used by commercial structures independently, in fulfillment of on-farm plans and programs; centralization of financial resources within holdings and other large economic structures is no longer in the nature of gratuitous withdrawals.

7. The emergence of the equity sector and the attraction of foreign investment in the national economy required the creation of a securities market and the introduction of securitization in the circle of financial management tools. This, in turn, led to the transformation of the Central Bank of the Russian Federation into a general regulator, providing coordinated control of non-cash, cash circulation of securities and the insurance market.

8. Reforms of the financial mechanism led to the creation of special subjects of economic regulation - commercial banks, combining in their functions banking activities with state powers to exercise control and supervision over the actions of commercial structures. Both in the field of finance and in related fields, such as foreign trade or anti-money laundering.

This incomplete list did not include other, equally significant and profound changes that reflect the essence of the state's financial policy at the present stage. It is important to emphasize that the reform path is wrong and unpredictable, often paradigm shifts or even a fall back to previous positions, for example, in the field of state revenues, where the Russian government introduced many mandatory payments that are not provided for by tax legislation. The purposeful implementation of reforms and other changes makes it a financial policy that any of them, ultimately, is a necessary measure taken to accelerate the process or restore balance in a particular area of the economy, if there is a possibility. In other words, any reform is a realized opportunity, as a rule, in conflicting circumstances.

In the science of financial law, a simplified understanding of improving the financial mechanism is considered, based on a misunderstanding of the omnipotence of the state in the field of national finance. It is argued that the reform process is a planned and uniform process, the state is developing one or another reform, puts it into legal acts and implements it through its administrative and jurisdictional bodies⁴. Such an approach to understanding financial policy has served for many decades as the main justification for the concept - the financial activities of the state as well as some kind of integrating view of finances.

The author of these lines has already had to address the issue of the content of the concept of financial activity of the state and its use in a legal context⁵.

But the problem turned out to be much deeper and required attention to be paid to the correlation of finance and law.

Are finances separate from law, how do such eternal concepts exist - property, an agreement on the alienation of property, family and marriage, other natural legal values? Most likely, finance is a product of the development of the state, its functions, and, therefore, are artificial and arise as tools for the creative activity of the state. Tax, budget, cash flow, bank credit, financial control are nothing but legal instruments that mediate the activities of the state in the field of property relations.

The term "finance" itself implies a state, i.e. legal mediation of relevant public property relations in a certain amount and combination thereof. "The right gives birth to finance" - the epigraph of the yet-existing finance law and its main idea. Moreover, the financial mechanism of any modern state in its development, like a caterpillar vehicle, creates its own way through previously adopted legal acts and decisions.

Any legal value from its inception to material implementation goes through many stages of development that are gradually included. How related are financial and legal norms and legal relations, legal facts, legal consequences of the implementation of these legal norms with financial ideas and their struggle, with the emergence and implementation of a financial plan in law or in some other form, is it single and indivisible, financial and legal regulation? With a positive answer to this question, it would be right to talk about financial law, functioning separately from the national legal system and about the financial activities of the state, not limited to generally accepted legal principles. Practice, with its "individual exceptions" for financial authorities, provides some basis for such conclusions ...

At the same time, the indisputability of the fact that the legal form is uniform, operates according to its own philosophy and applies uniformly to any sphere of legal regulation of social life, determines the inadmissibility of such an approach. Financial legislation, like any other in its application, is based on generally accepted legal instruments and procedures. Therefore, in the true sense, the sphere of financial activity should only recognize the formation of a policy in the field of finance - a financial policy expressed in the statement of the problem, the choice of methods for achieving it, the formation of effective legal structures for legal regulation, monitoring of enforcement with the aim of further regulation during the ongoing financial program. As for the direct legal regulation, it cannot be included either in the financial activity of the state or in financial policy, but is a generally accepted (along with civil, criminal, administrative, labor, environmental, etc.) enforcement, the nature of which is only to a small extent depends on the content, and overwhelmingly - on the legal form of the financial event.

The need for these seemingly elementary and natural statements is connected with the negative tradition of Soviet and Russian law of creating a special, special

⁴ Selyukov A.D. "Principles of financial activity of the state." in the book. Selected proceedings of the Department of Financial Law of the Russian State University of Justice. M. "Prospect" .2018 p.90 and next.

⁵ S.V. Zapolsky. Theory of financial law. ed. RAP, 2010 pp. 74-98

legal regime for regulating financial relations, legitimizing certain subjects of financial law, legal facts, legal relations, legal liability, etc. It is enough to mention here the endless fruitless attempts to formulate your own type of financial and legal responsibility, the existence of which is impossible to identify, as well as the measures of this "type" of responsibility.

The financial activity of the state is a legal concept and, if you look for an acceptable analogue to it, then it can be financial policy as the intellectual component of the unified process of legal regulation of finances in the phase of identifying a new legal need, developing a legal mechanism for the implementation of this need, monitoring enforcement with the aim of additional regulation or correction shortcomings of legislative decisions.

Financial policy continues, as in those days, to be the lot of a narrow circle of senior government officials. She clearly lacks a broad democratic discussion of ways to solve the socio-economic problems of society. So, for example, for many years, contrary to the prevailing views in society, the issue of progressive taxation of the income of individuals is not resolved; a parable in the languages was the lapidarity of the federal budget, which says little, not to mention ordinary citizens; Under a hail of legitimate criticism, national finances annually lose tens of billions of dollars, which are deducted legally, semi-legally and criminally abroad. The painful points of Russian finance can continue for quite some time ...

The Russian Academy of Sciences could do a lot in shaping a financial policy that meets the general tasks of society and the state. Its functions include forecasting socio-economic development and examining national programs and bills that are being prepared for adoption. Although the movement in this direction is noticeable, the complexity of the recommendations of academic science in the field of financial policy has not yet been implemented.

An important initiative was taken by the State Duma of the Russian Federation, which has been acting since 2017 as the customer for the creation of concepts for new legislative acts in the field of finance and their textual design presentation. However, the development of new financial legislation continues to be departmental, and the acts themselves reflect an understanding of the problems, primarily by financial departments. Hence, in particular, the stagnation of the content of the Budget Code of the Russian Federation, which acquires with each addition or change in the properties of the industry instructions for employees involved in the preparation and execution of federal and regional budgets. As a result, the law on the budget for the next year and the three-year planning period, rather than the Budget Code, is the main source of budget and legal regulation in the country.

A similar anti-development is observed in other areas of financial and legal regulation. Moreover, the distortion of the state will, enshrined in the law, occurs not only through the adoption of amendments and additions to previously adopted acts, but also gradually through the attitude in the legislation of various kinds

of international influence (if not dictatorship). An example of the latter can be considered "recommendations" of the world banking community, some of which contradict Russian legislation or even the Constitution of the Russian Federation.

In the financial sector, the closest application of ideas to the essential departmental interests of the government, ministries and departments, regions, political parties and lobbying groups, the scientific understanding of the development of the financial system in order to prevent, on the one hand, the departmental decision-making, is especially important on the other, populism and indulgence in subjective opinions and requests dictated by the current situation.

That is why financial policy acts as one of the directions of state policy, expressed in lawmaking and the formation of other sources of law, i.e. activities located in the immediate legal plane. In addition, financial policy is inseparable from the scientific knowledge of the laws of development of financial and legal matter, free from momentary values, corruption, and false priorities. Ultimately, this determines the place of financial law in the system of legal sciences, the constant increase of its authority and influence on the processes of socio-economic development of a new society.

Financial law is an independent public law branch of law that regulates social relations that take shape in the process of financial activity of a state or local government. Through this branch of law, the state acts on a system of specific homogeneous social relations arising regarding the accumulation, distribution and use of state (municipal) monetary funds, the implementation of financial control, money emission and prosecution for committing financial offenses.

Consequently, financial law is a branch of Russian law, which is a set of legal rules governing property and related non-property relations arising in the process of accumulation, distribution and use of centralized and decentralized funds of funds of the state or municipalities in order to carry out public functions.

Modern financial law as an independent branch of law and the corresponding sphere of Russian legislation is rapidly developing, as a result of which the subject of financial and legal regulation is specified, its sub-sectors and institutions are updated. In particular, after the entry into force of the RF BC and the RF Tax Code, the legal regulation of financial relations was replenished with many new objects, methods, mechanisms, methods, principles, etc.

Like any legal community, financial law is a set of interrelated legal norms that consolidate and regulate a special circle of social relations. Relations and public relations arising between private and public entities in the process of financial activity of the state and local self-government are multifaceted, complex in nature and in terms of their social, political and legal content are initially conflicting. At the same time, financial relations are extremely important for the life of the whole state, therefore they should be comprehensively studied by financial and legal science and regulated by legal norms. At the same time, the systematic organization of these norms, finding its fixation in regulatory financial

and legal acts adopted at the federal and regional levels, forms a system of financial legislation.

Compare these features with the realities of the development of financial and legal science and financial and legal regulation.

1. The branch of law is an internally and externally isolated structural part of the legal system, defined by its subsystem.

Financial law is a set of standards created and protected by the state. All financial and legal norms are coordinated among themselves, as a result of which their interdependent integral system with a certain internal coordination and structure is formed.

Financial law as a branch of law has its own system in which sets of homogeneous norms of financial law that regulate certain groups of public relations that make up its subject are distinguished.

The unity of legal norms that form financial law is determined: firstly, by the unity of the state will expressed in them; secondly, the unity of principles, as well as the ultimate goals and objectives of the financial activities of the state and local government; thirdly, the unity of the mechanism of financial and legal regulation.

The financial law system reflects the interconnectedness and interdependence of legal regulation of issues of state and municipal financial activity as an integral social phenomenon. Therefore, the financial law system has an objective basis: its construction is determined not only by the structure of financial legislation, but also by the needs of the practice of developing financial activities of the state and local self-government, which has a significant impact on the formation of sub-sectors and institutions of financial law, helps to determine their role in the process of accumulation, distribution and the use of state and municipal funds.

After the adoption of the Budget and Tax Codes, opinions began to appear that budget law and tax law had emerged from the composition of financial law as independent industries. Discussions about the location of banking and foreign exchange law in the system of Russian law and financial law, including, are not ceasing.

2. Each branch of law has its own subject — a certain type of kindred social relations, to which regulatory regulation is directed. All branches of law differ among themselves primarily in the subject of legal regulation. Therefore, in order to formulate the concept of financial law, it is necessary to identify the specifics of social relations that make up its subject. The subject of legal regulation is formed, as a rule, in relations characterized by the following features: stability and repeatability, which gives the legislator the ability to accurately record the legal relations of entities; ability to external legal control; being in the legal field, i.e., under the jurisdiction of law⁶.

Clarification of the content of the subject of financial law will make it possible to distinguish it from other branches of Russian law and to determine the centrifugal force that determines the unification of financial relations into an independent type of social relations, objectively requiring financial and legal regulation.

Financial law has certain laws that affect the emergence, functioning or termination of financial relations. Some of these regularities, for example, are the following characteristics of financial relations: property character; imperative imperious character; conditionality with the need for material support of the state;

initial conflict caused by contradictions between private and public forms of ownership; political compromise of legal regulation.

We can distinguish the main distinguishing features of the relations that make up the subject of financial and legal regulation. These relations: are proprietary in nature or are related or determined by the proprietary nature; aimed at the formation, distribution and use of state and municipal financial resources;

their obligatory participant and acting entity is the state or municipality represented by the competent authorities.

The noted signs, as well as the developed and complex set of objective laws inherent in financial law, allow us to consider the subject of financial law as a set of homogeneous property and related non-property social relations that develop between the state (municipality) and other entities regarding the accumulation, distribution and use of state funds cash, financial control and accountability for financial total offense.

Financial law is not an established phenomenon once and for all. It is constantly developing, updating and improving adequately to the changes taking place in the country. Currently, financial control is gaining particular relevance, theoretical and legislative grounds have emerged to talk about financial and legal responsibility, the importance of the procedural form of carrying out financial activities, etc.

At the same time, in legal science there are different views on the spheres of public relations that form the subject of financial law. So, S.S. Alekseev considers budget law as an independent branch of law, separating it from financial law⁷.

One of the urgent problems of determining the content and boundaries of the subject of financial law is the inclusion in it of relations arising in the process of bank lending and banking regulation. Exploring current trends in the development of Russian financial law, D.V. Vinnitsky considers one of the objective processes to be the way out of the financial law system of some institutions and sub-sectors that were previously included in it: first of all, banking, insurance and foreign exchange law, as well as the institution of the legal regulation of settlements⁸.

⁶ A. Vitchenko M. The method of legal regulation of socialist social relations. Saratov, 1974; Theory of State and Law: Lecture Course / Ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. M., 1999. S. 351-352.

⁷ Alekseev S.S. Ascent to the right. Searches and solutions. M., 2002. S. 95.

⁸ Vinnitsky D.V. Russian tax law: problems of theory and practice. St. Petersburg: Publishing House "Legal Center Press", 2003. S. 85.

The most difficult problem of the subject of financial law is the lack of a single regulatory legal act, fixing the range of social relations, which are aimed at financial and legal regulation. It should be noted that all codes and federal laws governing sub-sectors and institutions of financial law determine their scope. However, incorporating these norms is not enough to determine the subject of financial law. It is broader in scope. Thus, at present, not all groups of public relations forming the subject of financial law have a legal fixation. For example, there is no single act regulating financial control, financial and legal liability.

An individual feature of the branch of law is the method of legal regulation - a structured set of methods and methods of legal impact on social relations in a certain way.

The question of the method of financial law is very relevant: the practical implementation by the state (municipal entities) of the right to ownership of centralized and decentralized funds of funds depends on its decision.

It should be borne in mind that in the regulation of financial relations the same legal technique is applied in various sub-sectors and institutions of financial law. Despite this, the structure of the sectoral method of power prescriptions remains unchanged, and individual legal techniques can move from one legal method to another without destroying their structure. Thus, the task of the methodology of financial law is to identify the nature, limits and characteristics of the "refraction" of methods regarding the regulation of financial and legal institutions⁹.

The concept of the method of financial law should in no way be associated only with any one legal feature: it is always a combination of legal techniques, means, methods that reflect the uniqueness of the impact of this branch of law on relations in the financial sphere¹⁰.

The methodology of financial law is due to regulated property and non-property relations associated with them, which, in turn, are brought to life by the need to form state (municipal) property in the form of centralized and decentralized funds of funds - budgets, off-budget funds, company finances, etc.

The holder and manager of funds of funds as a public legal turnover either in the form of bodies - carriers of state sovereignty, or as bodies - legal entities or budget institutions. Therefore, the methods of financial and legal impact on other participants in financial legal relations are different: in the first case imperative is manifested, in the second - relative dispositivity.

Among the general methods used in financial law, the imperative method stands out most clearly. The imperative method of influencing financial relations is a method of imperative prescribing combining norms-prohibitions and binding norms. In financial law, this method is "cross-cutting," inherent in all the constituent parts of a given branch of law, but it may have specific features in individual sub-sectors or institutions.

The imperative (imperious) nature of the financial activities of the state is inherent in it because the state independently establishes the procedure for the formation, distribution and use of centralized and decentralized monetary funds. In the process of financial activity, actual situations are periodically renewed, repeated and modeled, the legal status of subjects of financial law is realized, regulation, protection, stability and change of public relations of the financial sphere are carried out. The volitional nature of financial activity is also determined by the fact that in the process of its implementation there is a comprehension, cognition and assessment of reality, the adoption of a wide variety of rational decisions. The subjects of financial law are aware of the legal meaning of their competence, powers, the goals and objectives assigned to them, the need to observe financial discipline, apply adequate methods of financial and legal regulation, learn the measure of positive and retrospective responsibility for their actions.

The peculiarity of the manifestation of the method of power prescriptions in financial law should be considered the expansion of its external consolidation by binding norms.

The method of imperative regulation is characterized by prescriptions and prohibitions. This is due to the public nature of financial relations, their significance for the normal functioning of the state as a whole. Indeed, the content of a significant part of the rules of financial law constitute power relations. In public relations predefined by financial law, as a rule, there is a certain subordination of the will of the managed entities of financial law to a single governing will, expressed by the Russian state as a whole, the constituent entities of the Russian Federation, municipalities or authorized bodies representing the state or municipal formation and legally endowed by authority. It is the expression of the financial interests of the state in order to implement public interests that determines the imperative ways of influencing other participants in financial relations and justifies the legal inequality of subjects of financial law.

Thus, the imperative method of legal regulation is not just a specific way of influencing public relations related to state (municipal) ownership of centralized and decentralized monetary funds, but serves as an expression of the main features of financial law reflected in the field of property regulation.

Like any other branch of law, financial law has its own specific content, which in the most general terms can include legal norms and non-standard regulatory requirements, sub-sectors, institutions, sub-institutes, and other primary regulatory communities. A financial law system is such a distribution of financial law norms into groups and their construction in a certain sequence that allow you to visually see these groups in their unity. In other words, the system of financial law is a scientifically organized set of legal norms distributed across the sub-sectors and legal institutions that form the industry - financial law.

⁹ Rovinsky E.A. The main issues of the theory of Soviet financial law. M.: Gosyurizdat, 1960. S. 96.

¹⁰ Rovinsky E.A. The main issues of the theory of Soviet financial law. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1960. S. 95.

The subject of financial law implies the objective necessity of dividing public relations regulated by the industry into homogeneous groups, and as a result, it is possible to group financial law into legal institutions and sub-sectors. The subject criterion delimits the norms of financial law into five sub-sectors: issue law; budget law; tax law; banking (public) law; financial control law.

The methodological significance of the issue of the financial law system is that the scientifically sound structure of this system can be the basis for the codification of financial legislation. E.A. Rovinsky rightly emphasized that "the main goal of the study of the problems of the general and special parts of financial law should be the improvement and codification of financial legislation, bringing the rules of financial law in line with those changes that have occurred in recent years in financial relations."

The main problem of the general part of financial law is the lack of a single codified act - the financial code. The general part of financial law needs industry codification, the purpose of which is to streamline all legal requirements in the field of financial activity of the state and municipalities. For the first time, a proposal for the codification of financial legislation was formulated by EA Rovinsky back in 1960. Practical value, according to E.A. Rovinsky, was to raise the question of creating a financial code in which the norms governing relations in the field of financial activity would be concentrated in a consistent logical system.

Alternative options may be proposed respectively by L.V. Brichko and O.N. Gorbunova's fundamental acts - "Fundamentals of financial legislation"¹¹ or the law on finances¹².

At the same time, the prevailing ideas about the subject and system of financial law for a significant number of positions are not compatible with the current system of domestic legislation. Sometimes there is a feeling that financial and legal science and legislation are developing in parallel and independently of each other.

All the noted features of the branch of law, as well as some specific properties and components of the implementation of industry regulatory requirements make it possible to speak of the existence of a mechanism of legal regulation that is peculiar to financial law, which ensures the corresponding legal regime for influencing financial relations in society.

Identified features are simultaneously the main system-forming factors of financial law as a branch of law.

Thus, the existence of an independent subject, an appropriate method of influence and an internal system allows us to argue that financial law is an independent public law branch of Russian law that regulates social relations that take shape in the process of financial activity of a state or local government. Through this branch of law, the state acts on a system of specific homogeneous social relations arising regarding the accumulation, distribution and use of state (municipal) monetary funds, the implementation of financial control, money emission and prosecution for committing financial offenses.

REFERENCES:

1. V.I. Lenin, Complete works, b.44 p.398
2. M.B. Razgildieva, Financial and legal enforcement, p. 72. 2011
3. N.M. Kazantsev. On the development of the dogma of financial law. Introduction to the monograph *Institutes of financial law*. M. 2009.p.15
4. Selyukov A.D. "Principles of financial activity of the state." in the book. *Selected proceedings of the Department of Financial Law of the Russian State University of Justice*. M. "Prospect" .2018 p.90 and next.
5. S.V. Zapolsky. *Theory of financial law*. ed. RAP, 2010 pp. 74-98
6. A.Vitchenko M. The method of legal regulation of socialist social relations. Saratov, 1974; *Theory of State and Law: Lecture Course* / Ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. M., 1999. S. 351-352.
7. Alekseev S.S. *Ascent to the right. Searches and solutions*. M., 2002.S. 95.
8. Vinnitsky D.V. *Russian tax law: problems of theory and practice*. St. Petersburg: Publishing House "Legal Center Press", 2003. S. 85.
9. Rovinsky E.A. *The main issues of the theory of Soviet financial law*. M.: Gosyurizdat, 1960.S. 96.
10. Rovinsky E.A. *The main issues of the theory of Soviet financial law*. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1960. S. 95.
11. *Systematization of Soviet legislation* / Otv. ed. I.S. Samoshchenko. M.: Jurid. lit., 1980.S. 214.
12. Gorbunova O.N. *Financial law and financial monitoring in modern Russia*. M.: Vocational education, 2003.S. 119 - 158.

¹¹ *Systematization of Soviet legislation* / Otv. ed. I.S. Samoshchenko. M.: Jurid. lit., 1980.S. 214.

¹² Gorbunova O.N. *Financial law and financial monitoring in modern Russia*. M.: Vocational education, 2003.S. 119 - 158.

DETERMINING FACTORS OF CRIME OF MIGRANTS IN KAZAKHSTAN

Mammadov R.*Doctoral student of the Al-Farabi
Kazakh National University
(Almaty city, Kazakhstan)*

ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ В КАЗАХСТАНЕ

Маммадов Р.Э.*докторант Казахского национального
университета им. аль-Фараби
(г. Алматы, Казахстан)***Abstract**

The starting point for any forensic investigation is the analysis of the causes of crime. This is of particular relevance for studying the problems of migrant crime, the genesis of which is determined by migration flows - a polymotivic social phenomenon with a complex internal nature.

This article is devoted to the study of the contributing factors to the crime of migrants.

Аннотация

Отправной точкой для любого криминалистического исследования является анализ причин преступности. Особую актуальность это приобретает для изучения проблем преступности мигрантов, генезис которой определяется миграционными потоками – полимотивного общественного явления со сложной внутренней природой.

Настоящая статья посвящена изучению обуславливающих факторов преступности мигрантов.

Keywords: migrants, migrant crime, determinants, illegal migration, crime.

Ключевые слова: мигранты, преступность мигрантов, детерминирующие факторы, незаконная миграция, преступление.

Латинское слово *determinare* означает «определять», соответственно под термином «детерминирующие факторы» будем понимать совокупность определяющих, обуславливающих факторов, причин и условий, которые характеризуют в рассматриваемом контексте преступное поведение.

В криминологической науке данному вопросу закономерно уделялось должное внимание, т.к. это действительно является исходным пунктом для криминологического исследования причин преступности.

В конкретных условиях проявления преступной деятельности определяющим является не просто установление связи какого-то обстоятельства с преступным поведением, но и выявление особенностей этой связи, ее полный анализ: в совокупности с какими иными факторами, в каких конкретных проявлениях, в каких ситуациях то или иное проявление порождает противоправное поведение. Именно с учетом этих обстоятельств можно говорить о прицельных профилактических мерах по предупреждению преступности.

Процесс детерминации преступности мигрантов можно характеризовать как некоторое взаимодействие различных форм связей: функциональных, причинных, статистических и других [1, 274].

Функциональная связь отражает объективную зависимость, как минимум, двух взаимообусловленных факторов. Например, действующее миграционное законодательство в Казахстане определяет правовое положение мигрантов в стране. Совершенствование миграционного законодательства

может привести и к снижению умышленного незаконного пересечения Государственной границы РК (ст. 392 Уголовного кодекса Республики Казахстан) (далее – УК РК), и уменьшению фактов мошенничества (ст. 190 УК РК). Очевидно, что связь между этими преступлениями не причинная, а функциональная, а именно, т.к. оба этих преступления производны, в данном контексте, от характера миграционных процессов.

Если характер изменения одного фактора зависит от характера изменения другого – то речь идет о статистической зависимости. Например, существует однозначно определенная связь между ростом преступности мигрантов и увеличением миграционных потоков. Однако, даже такое очевидное утверждение, в каждом конкретном случае должно изучаться, исследоваться, конкретизироваться. Так, в исследовании группы авторов – Мофры Алгахтаны, Лалиты Кумар, Хасана Хорми [2], подтверждается основная криминологическая теория о том, что в районах с высоким уровнем иммигрантов также наблюдается высокий уровень преступности. В другом исследовании – Брайана Бэлла [3], указанная закономерность между иммиграцией и преступностью не столь очевидна, и, например, легализация статуса иммигрантов, оказывает благоприятное влияние на уровень преступности.

Нами, в составе творческого коллектива, проведено подробное изучение данного вопроса [4]. Проведенное исследование было направлено на изучение потенциальной связи между процессами иммиграции и риском виктимизации. Понимание истинного характера связи между иммиграцией и

преступностью имеет ключевое значение по ряду причин, в том числе связанных с иммиграционной политикой и общественной безопасностью, а также с криминологической теорией. Не менее важно понять, может ли иммиграция быть связана с другими криминогенными и дезадаптивными последствиями, которые выходят за рамки только преступного или правонарушительного поведения. В конце концов, существует множество неблагоприятных последствий, которые могут концентрироваться у иммигрантов и которые могут поставить их в невыгодное положение во многих сферах жизни.

В результате исследования получены положительные результаты, к которым, однако, необходимо относиться с определенной степенью осторожности. В частности, иммигранты сталкиваются с рядом социальных проблем, которые ставят их под угрозу неадаптивных исходов. По какой-то причине они, по-видимому, преодолевают эти препятствия, и существует множество исследований, показывающих, что они не совершают больше уголовных преступлений, чем неиммигранты. Также по результатам исследования указывается, что иммигранты не подвергаются виктимизации на более высоких уровнях, чем неиммигранты. Понимание и выявление культурных факторов и процессов ассимиляции, которые защищают иммигрантов от более высоких уровней преступности и виктимизации, может стать важным средством для изучения возможностей снизить уровень преступности и виктимизации для других групп высокого риска. При таком подходе иммиграция и иммигранты могут получить хотя бы часть ответа о способах снижения уровня преступности и виктимизации, и, одновременно, повышения общественной безопасности. Более подробно об этих вопросах излагается в [4].

Процессы миграции, являясь по сути, полимотивным общественным явлением потребностного характера, имеют сложную внутреннюю природу, формируется на основе переплетения различных социальных, экономических, политических и иных явлений общественной жизни, и предполагают необходимость серьезного анализа для выявления причин и условий порождения противоправного поведения мигрантов. При этом все криминалистически значимые особенности макросреды, важно

учитывать при анализе причин преступности мигрантов.

В нашем анализе причинность рассматривается как одна из форм универсального взаимодействия, как один из видов детерминации, рассматривающий только генетическую, производящую связь. Для нас важно установить истоки, начала возникновения исследуемого явления, выявления условий порождения и меры устойчивости соответствующего процесса.

Выявленная рядом исследователей [5] закономерная связь миграции и преступности оказалась в центре внимания ученых и практиков и обусловила необходимость выделения миграционной преступности как самостоятельного вида

Анализу детерминант преступности мигрантов в Казахстане уделяется недостаточное внимание, не исследуется его специфика, особенности региональных проявлений. Актуальным, на наш взгляд, является акцентирование внимания на пробелы и недостатки действующего миграционного законодательства, слабость проводимой социальной политики в отношении мигрантов, бюрократические проволочки и т.д.

С криминологической точки зрения существенным является интенсивность миграционных процессов, а также их качественный состав. На фоне относительно стабильной политической ситуации в Казахстане, поступательного развития его экономики постоянно увеличивается поток иммиграции в нашу страну. Так, по сведениям Единой информационной системы «Беркут» в 2017 году в Казахстан въехало 5,5 млн. иностранцев, в 2018 г. – 5,9 млн., в 2019 г. – 6,2 млн. человек [6].

Сам массив иммигрантов весьма неоднороден по своему составу, по целям и мотивации приезда, социальным, демографическим, этническим характеристикам, продолжительности пребывания в Казахстане. В результате, и складываемая конкретная, криминологическая ситуация будет отличаться своей уникальностью, неповторимостью.

В следующей **Таблице 1** представлена статистическая информация по ситуации с внешней миграцией за последние три года, составленная по сведениям Комитета миграционной службы МВД Республики Казахстан.

Таблица 1.

Параметры исследования	Данные по годам:		
	2017	2018	2019
1. Зарегистрировано в ОВД (чел.):			
Всего иностранцев:	2516814	1927742	1556138
в т.ч. граждан СНГ	2338310 (92%)	1812438(94 %)	1432345 (94 %)
2. Цель пребывания:			
- по частным делам,	1736832	1276667	1008932
в т.ч. СНГ	1678555	1248376	986574
- на работу	523112	461518	364731
- туризм	163942	96448	76221
- деловые и бизнес-поездки	51398	32226	25468
- учеба	23275	20104	15888
3. Граждане СНГ прибыли из:			
- <i>Узбекистана</i>			2424000
Цели пребывания:			
- по частным делам	1378173	988524	-
- на работу	467953	361986	-
- <i>России</i>			1550000
- частным делам	154526	153169	-
- на работу	25686	24816	-
- <i>Кыргыстана</i>		нет сведений	699000
- по частным делам	128784	-	
- туризм	85425	-	
Дальнее зарубежье			
- <i>КНР</i>	83425	34766	98600
- по частным делам	29790	3316	-
- на работу	19132	15115	-
- <i>Турецкой Республики</i>	12446	нет сведений	59000
- по частным делам	2768	-	-
- на работу	7282	-	-
- <i>ФРГ</i>	-	-	89000
4. Наибольшее количество иностранцев зарегистрировано в следующих регионах РК:			
- <i>Южно-Казахстанская, в т.ч.</i>	793524	нет сведений	-
- граждан стран СНГ	783435	-	
- из дальнего зарубежья	10089	-	
- <i>г. Алматы, в т.ч.</i>	450180	364237	-
- граждан стран СНГ	398805	320340	
- из дальнего зарубежья	51375	43897	
- <i>Алматинская, в т.ч.</i>	368389	244686	-
- граждан стран СНГ	346373	230486	
- из дальнего зарубежья	22016	14200	
- <i>Мангыстауская, в т.ч.</i>	169023	186377	-
- граждан стран СНГ	157186	182950	-
- из дальнего зарубежья	11837	3427	-
- <i>г. Астана, в т.ч.</i>	159944	124694	-
- граждан стран СНГ	119586	101898	-
- из дальнего зарубежья	40358	22796	
5. Привлечено к административной ответственности иностранцев	109872	108493	98000

Приведенные масштабные данные отражают лишь легальную часть миграции извне. Протяженность границ Казахстана, существующая их «прозрачность», необеспеченность эффективной системы иммиграционного контроля и др. предполагает, что объемы незаконной миграции значительно выше. Это непосредственно влияет на реально складывающуюся криминогенную ситуацию.

Неконтролируемые масштабы незаконной миграции приводят к росту правонарушений среди мигрантов, влекут ухудшение криминогенной обстановки как в отдельных регионах, так и в целом по стране. Это может привести к обострению в обществе конфликтов на бытовой или этнической почве, к росту экстремизма, влияет на общественный порядок и безопасность в государстве.

Характерным для преступности мигрантов является и география ее распространения. Так, в большей степени, она тяготеет к крупным городам-мегаполисам, к приграничным регионам.

Также преступности мигрантов присущи свои криминологические особенности. Они отличаются криминальным профессионализмом и организованностью, высокой латентностью. Латентность миграционной преступности оценивается экспертами в соотношении 1:5 и 1:7, т. е. на одно зарегистрированное 5–7 (и более) реально совершенных, но не раскрытых, неучтенных, не заявленных преступлений.

Указанные особенности преступности мигрантов с неизбежностью подводят к выводу о том, что целесообразно разработать систему мониторинга этой проблемы на территории Казахстана. В качестве объектов проводимого мониторинга могут стать состояние миграционной преступности, организация деятельности правоохранительных органов по предупреждению и противодействию преступности мигрантов, нормативно-правовая регламентация миграционного законодательства и осуществления в целом уголовно-правовой политики в этой сфере.

По мнению проф. Джансараевой Р.Е., «преступность мигрантов по своим масштабам и направленности разрушительного воздействия на экономику и безопасность государства стала реальной глобальной угрозой» [7]. Это обстоятельство обуславливает необходимость ее теоретического осмысления и проработки, поиска эффективных путей решения данной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА:

1. Долгова А.И. Криминология. 4 изд., перераб. и доп. НОРМА ИНФРА-М, М., 2019. 1008 с., С. 274.
2. Мофра Алгахтаны, Лалита Кумар, Хасан Хорми. Могут ли иммигранты быть более склонными к преступной деятельности в Саудовской Аравии? //Открытый журнал социальных наук. Университет Новой Англии. Опубликовано: Авторское право © 2016 Авторы и Scientific Research Publishing Inc. Эта работа лицензирована. Международная лицензия Creative Commons Attribution (CC BY). <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/> Издание 04, номер 03 (2016), ID статьи: 64956, 17 стр.
3. Брайан Бэлл. Приводят ли плохие возможности на рынке труда к преступлению мигрантов? //Журнал: King's College London? UK <https://www.kcl.ac.uk/business/people/brian-bell.aspx>. Опубликовано: 2019.
4. Рашад Маммадов, Джансараева Рима, Асель Шарипова, Меруерт Бисенова, Кевин М. Бивер. Иммиграция и виктимизация в подростковом и взрослом возрасте: выводы из национальной репрезентативной выборки. //Журнал «Жертвы и правонарушители» (Victims & Offenders) ID статьи UVAO-2020-0074.
5. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года /Пер. с англ. М. Леоновича; под ред. К. Жвакина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – 120 с., Кашуба Ю.А. О связи незаконной миграции с организованной преступностью /Ю.А. Кашуба //Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность. - М.: ИВЦ «Маркетинг», 2004. – С. 12–21., Собольников В.В. Миграционная преступность: криминологический анализ и предупреждение. /В.В. Собольников. – Новосибирск: Наука, 2004. – 278 с.
6. Единая информационная система «Беркут». Источник: todes.by/kberkutru/
7. Джансараева Р.Е. Взаимосвязь миграции и преступности. //ҚазҰУ хабаршысы. Заң сер. = Вестник КазНУ. Сер. юридическая. - 2016. - №3. - С. 137-142.

Pravdyuk A.*Doctor of Law, Associate Professor of Law,
Vinnitsa National Agrarian University (Vinnitsia)***ПРОБЛЕМИ РЕАЛІЗАЦІЇ КОНСТИТУЦІЙНОГО ПРАВА НА СТРАЙК В УКРАЇНІ****Правдюк А.Л.***кандидат юридичних наук, доцент кафедри права,
Вінницький національний аграрний університет (м.Вінниця)***Abstract**

The article is devoted to topical issues of the constitutional right to strike, considers the main problems of its implementation in accordance with current legislation, analyzes the legal regulation of the strike procedure provided by the draft Law of Ukraine "On strikes and lockouts".

Анотація

Статтю присвячено актуальним питанням конституційного права на страйк, розглянуто основні проблеми його реалізації відповідно до чинного законодавства, здійснено аналіз правового регулювання страйкової процедури, передбаченої проектом Закону України «Про страйки і локаути».

Keywords: strike, collective labor dispute (conflict), conciliation procedures, labor arbitration, lockout.

Ключові слова: страйк, колективний трудовий спір (конфлікт), примирні процедури, трудовий арбітраж, локаут.

Право на страйк є одним з найважливіших соціально-економічних прав в Україні, яке закріплене в Конституції. Сьогодні проблема реалізації права на страйк є доволі актуальною для українського суспільства. У Верховній Раді України на розгляді знаходиться проект Закону України «Про страйки і локаути» [22], яким передбачено кардинальні зміни до законодавства, що регулює процедуру проведення страйків, суттєве розширення прав працівників стосовно проведення страйку, введення низки нових для вітчизняного законодавства понять тощо. Водночас запропоновано прибрати з українського правового поля процедуру колективного трудового спору (конфлікту). Законопроект викликає доволі неоднозначну реакцію суспільства, зокрема, критично сприймається учасниками соціального діалогу, частиною науковців та юристів-практиків, міжнародними експертами. Проблеми реалізації конституційного права на страйк необхідно вирішувати, однак законодавчі зміни щодо страйкової процедури потребують виважених підходів та чіткого дотримання міжнародних норм.

Вивченням питання правового забезпечення та реалізації права на страйк займалися такі вчені як Л.Анісімов, Н. Болотіна, В. Бурак, С. Запара, В. Кондратьєв, В. Лазор, М.Лушнікова, П. Пилипенко, М. Процишен, А. Слюсар, М. Стадник, В. Толкунова, Г. Чанишева, Н. Швець та інші. Однак, у контексті реформування законодавства, що регулює процедуру проведення страйку, проблеми реалізації конституційного права на страйк потребують подальшого детального вивчення.

В Україні право на страйк врегульовано міжнародними нормативними актами, Конституцією України [17] та Законом України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)» [4].

Міжнародними актами право на страйк віднесено до основних колективних трудових прав працівників та закріплене у Загальній декларації прав людини [3], Міжнародному пакті про політичні, економічні та соціальні права [18], Конвенції про захист прав людини та основоположних свобод [13], Європейській соціальній хартії (переглянутій) [2].

Проте для Міжнародної організації праці (далі - МОП) питання права на страйк залишається складним і суперечливим. Серед 182 конвенцій та 190 рекомендацій МОП немає жодної, яка б присвячувалась проблемам врегулювання трудових конфліктів, включаючи страйки і локаути. Це можна пояснити значною різноманітністю національних форм і засобів вирішення трудових конфліктів, і тим, що МОП концентрує увагу роботодавців та працівників на принципах соціального партнерства та орієнтує уникати руйнівних конфліктів та спорів, а у разі їх виникнення – справедливо їх врегульовувати та вирішувати шляхом примирення [14]. МОП пропонує врегульовувати конфлікти шляхом переговорів між сторонами, використовуючи такі процедури як посередництво, примирення та арбітраж.

Слід зазначити, що ефективне здійснення права на свободу об'єднання, права на ведення колективних переговорів та укладення колективних договорів є неможливим в разі заборони страйків. І МОП визнає це право Конвенцією про свободу асоціації та захист права на організацію [15]. Право на страйк визнане рішенням контрольно-наглядових органів МОП – Комітету зі свободи об'єднання Адміністративної ради МОП та Комітету експертів, які виробили ряд принципів, що розкривають зміст цього права. Серед основних питань, з яких Комітет зі свободи об'єднання висловився у своїх рішеннях та доповідях, слід назвати питання про важливість

права на страйк і законність його застосування; мету страйку; сферу застосування і види страйків; попередні умови для їх проведення, обмеження або заборону страйків і гарантії компенсації тощо.

Комітет зі свободи об'єднання вважає, що право на страйк належить до основних прав працівників та їх організацій, і завжди визнавав його одним з основних засобів, за допомогою якого вони можуть захищати свої економічні та соціальні інтереси. Враховуючи, що страйки є неординарною подією для працівників, роботодавців та суспільства в цілому, а часто і проявом глобальних проблем суспільного життя країни та можуть спричиняти негативні наслідки, МОП розглядає їх як крайній спосіб задоволення працівниками своїх вимог. Якщо страйк проходить всупереч законодавству чи судовому рішення, це свідчить про загострення соціально-економічних проблем. Комітет чітко визначився з метою страйку. Вона розглядається крізь призму норм та принципів Конвенції №87. Зі сфери застосування принципів свободи об'єднання виключаються страйки, що мають суто політичний характер, а також страйки, рішення про проведення яких приймаються задовго до проведення переговорів [15].

Для того, щоб страйк був законним, право на нього має бути визнано на національному рівні. Право на страйк закріплене сьогодні майже у всіх розвинених країнах з ринковою економікою. Водночас законодавчо закріплені і положення, які це право обмежують і забороняють.

В Україні на конституційному рівні право на страйк визнане, як одне з найважливіших соціальних прав людини і громадянина. Право на страйк гарантується ст. 44 Конституції України, у якій визначено мету страйку (захист економічних і соціальних інтересів) і принципи реалізації цього права – врахування при здійсненні права на страйк необхідності забезпечення національної безпеки, охорони здоров'я, прав і свобод інших громадян, добровільної участі у страйку, можливості його заборони лише на підставі закону [17].

Закон України «Про вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)» визначає правові засади проведення страйку. Однак, попри те, що право на страйк гарантовано Конституцією, а процедура його проведення регулюється чинним законодавством, в Україні працівники дуже рідко використовують страйк як засіб досягнення своїх законних вимог.

Відповідно до статистичних даних, упродовж 2017 року в Україні було проведено 20 страйків та 101 акцію соціального протесту, у яких взяли участь понад 65,5 тис. найманих працівників.

Найбільші прояви протестної активності мають місце на підприємствах, в установах, організаціях бюджетної сфери (29), з постачання електроенергії (24), машинобудування (18), добувної промисловості та розроблення кар'єрів (17), металургійного виробництва (9), транспорту (8).

У 216 колективних трудових спорах наймані працівники висунули 502 вимоги, з яких: 242 (48,2%) – щодо невиконання вимог законодавства

про працю; 141 (28,1%) – щодо виконання колективного договору, угоди або окремих їх положень; 107 (21,3%) – щодо встановлення нових або зміни існуючих соціально-економічних умов праці та виробничого побуту; 12 (2,4%) – щодо укладення або зміни колективного договору, угоди [9].

У 2018 році зареєстровано 25 страйків та 123 акції соціального протесту у яких взяли участь понад 43,5 тис. найманих працівників.

Найбільше страйків та акцій протесту відбувалося на підприємствах, в установах, організаціях добувної промисловості та розроблення кар'єрів (52), бюджетної сфери (30), постачання електроенергії (13), металургії (12), будівництва (8), машинобудування (7)

У 312 колективних трудових спорах (конфліктах) наймані працівники висунули 660 вимог, з яких: 335 (50,8%) – щодо невиконання вимог законодавства про працю; 195 (29,5%) – щодо виконання колективного договору, угоди або окремих їх положень; 117 (17,7%) – щодо встановлення нових або зміни існуючих соціально-економічних умов праці та виробничого побуту; 13 (2%) – щодо укладення або зміни колективного договору, угоди [10].

Упродовж 2019 року було проведено 18 страйків та 86 акцій соціального протесту, у яких взяли участь майже 43 тис. найманих працівників.

Найбільше страйків відбувалося на підприємствах, в установах, організаціях добувної промисловості і розроблення кар'єрів (43) та бюджетної сфери (30).

У 370 спорах наймані працівники висунули 719 вимог, з яких: 394 (54,8%) – щодо невиконання вимог законодавства про працю; 193 (26,8%) – щодо виконання колективного договору, угоди або окремих їх положень; 114 (15,9%) – щодо встановлення нових або зміни існуючих соціально-економічних умов праці та виробничого побуту; 18 (2,5%) – щодо укладення або зміни колективного договору, угоди [11].

Як бачимо, кількість страйків в Україні є доволі незначною. Водночас відбувається велика кількість акцій соціального протесту найманих працівників на підприємствах, установах, організаціях різних сфер економічної діяльності (збори, мітинги, демонстрації стосовно соціально-економічних питань) [23]. Це свідчить про наявність соціально-економічних проблем на підприємствах, а також про те, що далеко не всі конфліктні ситуації на підприємстві можна врегулювати шляхом переговорів та через процедуру колективного трудового спору (конфлікту).

Основною причиною колективних трудових спорів та страйків, відповідно до статистичних даних, є порушення законодавства про працю через заборгованість із заробітної плати, а найбільше спорів та страйків фіксується у на підприємствах, в установах, організаціях добувної промисловості та розроблення кар'єрів, бюджетної сфери, житлово-комунального господарства, транспорту, машинобудування.

Однією з основних причин відносно невеликої кількості колективних трудових спорів (конфліктів) та страйків, на думку більшості науковців та юристів-практиків, представників профспілок та роботодавців, є недосконалість законодавства, що регулює страйкову процедуру, невідповідність його вимогам сучасного суспільного життя.

Адже колективні трудові спори мають (за винятком колективних трудових спорів, стороною в яких є працівники, на яких відповідно до закону поширюється заборона на проведення страйків), лише позасудовий порядок урегулювання і, фактично, позбавлені можливості розгляду в суді, що робить судову систему недостатньо ефективним інструментом розгляду трудових спорів [26].

Згідно з Законом України «Про вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)» страйк - це тимчасове колективне добровільне припинення роботи працівниками (невихід на роботу, невиконання своїх трудових обов'язків) підприємства, установи, організації (структурного підрозділу) з метою вирішення колективного трудового спору (конфлікту) (ст.17). Тобто страйк може бути проведений лише з метою вирішення колективного трудового спору (конфлікту). Лише після реєстрації колективного трудового спору (конфлікту) та проходження процедури його вирішення, коли всі інші можливості вичерпано, може бути застосовано страйк (як крайній засіб) [4].

Аналіз статистичних даних свідчить, що кількість колективних трудових спорів (конфліктів) є доволі незначною (у 2017 році – 216, у 2018 – 312, у 2019 – 370 колективних трудових спорів (конфліктів)) [23].

Основними причинами небажання вирішувати конфлікти через процедуру колективного трудового спору (конфлікту) є тривала та складна процедура висунення вимог найманих працівників, нечітке визначення моменту виникнення колективного трудового спору (конфлікту), тривалий період розгляду вимог роботодавцем, необов'язковість виконання рішень примирних органів (примирної комісії та трудового арбітражу), відсутність відповідальності за невиконання вимог найманих працівників тощо.

Суб'єктивними причинами є недостатня правова обізнаність найманих працівників із законодавством про вирішення колективних трудових спорів (конфліктів), пасивна роль профспілок, небажання роботодавця іти на зустріч найманим працівникам тощо [23].

Якщо ж колективний трудовий спір (конфлікт) зареєстровано, а учасники колективного трудового спору (конфлікту) дотрималися всіх законних вимог у процесі його вирішення, та не дійшли згоди, для вирішення такого спору може бути застосовано страйк. Страйк є одним із засобів вирішення колективного трудового спору (конфлікту), і право на нього виникає лише після реєстрації колективного трудового спору (конфлікту).

Страйк є крайнім методом вирішення колективного трудового спору (конфлікту), оскільки по-

в'язаний з серйозними наслідками як для роботодавця, так і для працівників. Страйк – ризикований засіб. Але навіть керівники визнають, що інколи він виступає ефективним інструментом впливу на власника, дозволяє відновити рівновагу, соціальну справедливість у суспільстві, особливо у випадках, коли мирні засоби (переговори) не дали позитивного результату [27, с.4]

Чинним законодавством врегульована процедура проведення страйку. Законом «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)» визначено послідовність дій при проведенні страйку, терміни і правила його проведення[4]. Недотримання цієї процедури тягне за собою визнання страйку незаконним.

Законодавство передбачає різний порядок оголошення страйку залежно від рівня колективного трудового спору (конфлікту).

Так, на виробничому рівні рішення про оголошення страйку приймається загальними зборами або конференцією найманих працівників. Подання про розгляд цього питання на зборах чи на конференції вносить профспілковий чи інший орган, який уповноважений представляти інтереси найманих працівників при вирішенні колективного трудового спору (конфлікту). Рішення про оголошення страйку вважається прийнятим, якщо за нього проголосувала більшість найманих працівників підприємства, бо не менше двох третин делегатів конференції. Загальні збори чи конференція самостійно визначають рядок розгляду питання, а також порядок голосування. Рішення про оголошення страйку оформлюється протоколом (ст.19).

Порядок оголошення галузевого, територіального чи національного страйку відбувається у два етапи.

Спочатку приймаються рекомендації про початок страйку відповідним галузевим, територіальним чи всеукраїнським органом, який представляє інтереси найманих працівників чи профспілок, відповідної сторони колективного трудового спору (конфлікту). Рекомендації приймаються в порядку, передбаченому статутом відповідної організації, або іншим актом, який цей порядок регулює.

У рішенні про оголошення страйку вказується: перелік розбіжностей сторін, які стали підставами або для оголошення або для проведення страйку; дата та час початку страйку, його приблизна тривалість, а також передбачувана кількість учасників. Тривалість страйку законодавство не обмежується. Наймані працівники або орган, який здійснює керівництво страйком, можуть визначати часові рамки страйку; орган, який здійснює керівництво страйком, список осіб, які до нього входять; перелік робіт, які будуть виконуватися під час проведення страйку задля забезпечення життєдіяльності підприємства.

Разом з прийняттям рішення про оголошення страйку вирішується питання про орган, який очолюватиме страйк, а також дата його початку. Це може бути представницький орган, який брав участь у вирішенні колективного трудового спору (конфлікту). Орган або особа, яка очолює страйк,

зобов'язані в письмовій формі попередити роботодавця про початок страйку. Термін попередження незалежно від рівня страйку становить 7 календарних днів до початку страйку. Якщо страйк оголошується на безперервно діючому виробництві, роботодавець повинен буди про нього попереджений за 15 календарних днів. Як бачимо, умова про обов'язкове попередження роботодавця про страйк однією з обов'язкових умов порядку оголошення страйку (ст.20).

Орган, який очолює страйк, повідомляє про його початок і Національну службу посередництва і примирення – державний орган, який створений і функціонує для сприяння вирішення колективним трудовим спорам (конфліктам) та запобігання їх виникненню [19].

Під час страйку працівники, орган, який очолює страйк та роботодавець набувають відповідних прав та обов'язків.

Так, наймані працівники, які беруть участь у страйку, мають право особисто вільно висловлювати свою волю щодо оголошення страйку та участі в страйку, особисто обирати членів органу (визначати особу), що очолює страйк, та бути обраним до такого органу; брати участь в утворенні страйкового фонду з добровільних внесків і пожертвувати; отримувати матеріальну допомогу із страйкового фонду в разі його утворення; отримувати від власника або уповноваженого ним органу (представника) компенсацію збитків в розмірі, визначеному судом, в разі, якщо буде доведено, що власник або уповноважений ним орган порушив закони, внаслідок чого склалися умови для страйку, і страйк закінчився повним або частковим задоволенням вимог найманих працівників тощо.

Працівники, які не беруть участь у страйку, мають право на збереження заробітної плати у розмірі не нижче від встановленого законодавством та колективним договором як за час простою не з вини працівника; на допуск на підприємство.

Працівники, які беруть участь у страйку, зобов'язані чітко виконувати вимоги законодавства щодо порядку проведення страйку; додержуватися законності та громадського порядку; дотримуватися вимог щодо забезпечення під час страйку життєдіяльності підприємства, збереження майна, недопущення загрози життю і здоров'ю людей, навколишньому середовищу; порядку страйку незаконним прийняти рішення про припинення або скасування оголошеного страйку і розпочати роботу не пізніше наступної доби після дня вручення копії рішення суду органів (особі), що очолює страйк [20].

Наймані працівники під час страйку не мають права вдаватися до засобів та методів, які суперечать чинному законодавству або цьому Положенню, а саме: порушувати громадський порядок; вчиняти дії, які можуть становити загрозу життю і здоров'ю людей, навколишньому природному середовищу; чинити опір законним діям власника або уповноваженого ним органу щодо забезпечення життєдіяльності та нормального функціонування підприємства; створювати перешкоди для доступу

на підприємство, в установу, організацію управлінського персоналу та працівників, які не беруть участі у страйку; примушувати інших найманих працівників до участі у страйку [20].

Орган, що очолює страйк, отримує відповідні повноваження, зокрема, на проведення переговорів, консультацій від імені страйкуючих з роботодавцем, слідкувати за дотримання громадського порядку, цілісності майна, недопущення заподіяння шкоди життю і здоров'ю людей під час страйку; прийняття рішення про припинення страйку і підписання угоди з роботодавцем; управління страйковим фондом, у випадку його створення; прийняти рішення про припинення або відміну оголошеного страйку; постійно інформувати працівників про хід вирішення колективного трудового спору (конфлікту).

Крім того, орган (особа), що очолює страйк, зобов'язаний під час страйку не лише дотримуватися вимог чинного законодавства в своїх діях та при прийнятті рішень по скеровуванню дій страйкуючих, але й забезпечувати дотримання законодавства з боку учасників страйку [4].

Орган (особа), що очолює страйк, не має права ухилятися від проведення примирних процедур під час страйку; перешкоджати виконанню рішення суду про визнання страйку незаконним; перешкоджати заходам власника або уповноваженого ним органу (представника) по забезпеченню життєдіяльності підприємства та його функціонуванню; закликати страйкуючих на вчинення дій, які можуть загрожувати життю і здоров'ю людей та навколишньому природному середовищу, примушувати працівників до участі у страйку.

Повноваження органу (особи), що очолює страйк, припиняються після підписання угоди про вирішення колективного трудового спору (конфлікту) (ст.20), а також у разі прийняття судом рішення про визнання страйку незаконним [4].

Роботодавець зобов'язаний у найкоротший строк попередити постачальників і споживачів, транспортні організації, а також інші заінтересовані підприємства, установи, організації щодо рішення найманих працівників про оголошення страйку [20].

Роботодавець при наявності визначених чинним законодавством підстав заборонити перебування страйкуючих на території підприємства, установи, організації або проведення акцій протесту під час страйку. Так, норма ст. 24 Закону України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)» забороняє проведення страйку за умов, якщо припинення працівниками роботи створює загрозу життю і здоров'ю людей, довкіллю або перешкоджає запобігання стихійному лиху, аваріям, катастрофам, епідеміям та епізоотіям чи ліквідації їх наслідків.

Закон забороняє проведення страйку працівників органів прокуратури, суду, Збройних Сил України, органів державної влади, безпеки та правопорядку (крім технічного та обслуговуючого персоналу) [4].

Право на страйк може бути обмежене відповідно до Законів України «Про правовий режим надзвичайного стану» [5] та «Про правовий режим воєнного стану» [6].

Проведення страйку за режиму воєнного чи надзвичайного стану може стати підставою для визнання страйку незаконним.

Крім цього, страйк визнається незаконним за таких умов: якщо він оголошений з вимогами про зміну конституційного ладу, державних кордонів та адміністративно-територіального устрою України, з вимогами про порушення прав людини; оголошений без дотримання процедури колективного трудового спору (конфлікту), порядку проведення примирних процедур, а також порядку оголошення страйку та оголошення страйку з недотриманням вимог щодо органу, який здійснює керівництво страйком [4].

Заборона проведення страйку з вимогами про зміну конституційного ладу, державних кордонів та адміністративно-територіального устрою України та вимогами, що порушують права людини, впливає з конституційного положення права на страйк, а також з предмету регулювання Закону України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)». Право визначати конституційний лад, державні кордони, адміністративно-територіальний устрій належить виключно народу України, оскільки він є носієм суверенітету і єдиним джерелом влади в Україні [17].

Що стосується прав людини, то відповідно до ст. 21 Конституції України, права і свободи людини є невідчужуваними та непорушними. Конституція гарантує права і свободи людини і забороняє їх скасування або обмеження, крім випадків, передбачених законом. Крім того, ст. 44 Конституції України право на страйк передбачено виключно для захисту своїх економічних та соціальних інтересів. Це регламентується також Законом України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)». Таким чином, страйки з політичними вимогами, не врегульовано українським законодавством, а тому є незаконними.

Незаконними можуть бути визнані страйки, оголошені з вимогами, що виходять за межі предмету колективного трудового спору (конфлікту).

Законодавство визначає колективний трудовий спір (конфлікт) як розбіжності, що виникли між сторонами соціально-трудова відносин, щодо встановлення нових або зміни існуючих соціально-економічних умов праці та виробничого побуту; укладення чи зміни колективного договору, угоди; виконання колективного договору, угоди або окремих їх положень; невиконання вимог законодавства про працю (ст.2). Отже, страйкувати наймані працівники можуть лише через зазначені у ст. 2 Закону «Про порядок вирішення колективних трудових спорів» розбіжності [4].

Крім того, незаконним може бути визнано страйк, якщо недотриманий порядок формування вимог найманих працівників при виникненні колективного трудового спору (конфлікту), якщо він не розглядався примирною комісією чи трудовим

арбітражем та якщо рішення трудового арбітражу не були виконані (при обов'язковості їх виконання).

Незаконними визнаються також страйки, які розпочаті з порушенням встановленого порядку їх оголошення. Що стосується галузевих, територіальних та національних страйків, то підставою для визнання їх незаконними є менша, від передбаченої законодавством, кількість працівників.

Незаконними можуть визнаватися страйки, які оголошені з порушенням вимог щодо формування чи діяльності органу, який здійснює керівництво страйком. Це стосується порядку затвердження цього органу, порушення своєї компетенції, виконання невласливих йому функцій тощо.

Підставою для визнання страйку незаконним є також те, що він оголошений або проводиться під час здійснення примирних процедур у ході вирішення колективного трудового спору (конфлікту) [4].

Таким чином, розглянувши основні положення законодавства про вирішення колективних трудових спорів (конфліктів) та нормативних актів, що регулюють процедуру проведення страйку в Україні, проаналізувавши статистичні дані Національної служби посередництва і примирення, можна стверджувати, що страйкова процедура, хоча й доволі чітко прописана, проте рідко застосовується на практиці, тому, що є дуже складною та розтягнутою в часі. Крім того, чинне законодавство передбачає дуже багато «можливостей» для визнання страйку незаконним та передбачає досить жорсткі санкції за організацію та участь у незаконному страйку.

Слід зазначити, що значна роль у процедурі вирішення колективного трудового спору (конфлікту) та страйку надається профспілковим організаціям. Однак, сьогодні переважна більшість профспілкових організацій, які перейшли у «спадок» з радянських часів, фактично ігнорують надане їм законодавче право. Така позиція профспілок і стала однією з причин необхідності зміни законодавства стосовно проведення страйку [21].

Розглянемо ключові положення проекту Закону України «Про страйки і локаути», яким пропонується значне спрощення процедури проведення страйку та вводиться нове для українського законодавства поняття – локаут. Крім того, втрачається чинність Закон України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)», а з трудового законодавства зникає поняття колективного трудового спору (конфлікту).

Основним аргументом на користь прийняття окремого закону про страйки є «фактична неможливість здійснити це конституційне право за чинним Законом України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)»»[21].

Законодавець пропонує таке визначення поняття страйку: «страйк – тимчасове колективне повне або часткове припинення виконання роботи працівниками з метою виконання висунутих ними вимог»; та визначає локаут як «тимчасове повне або

часткове припинення роботи підприємства, установи, організації роботодавцем у зв'язку із отриманням роботодавцем вимог страйку» [22]. Крім того, пропонується до трудового законодавства ввести такі поняття як «бойкот», «блокада», «страйк солідарності» та «штрейкбрехер».

У законопроекті виписана нова процедура проведення страйку. Натомість пропонується введення страйкової процедури, що складається з: а) висування вимог; б) переговорів; в) попередження про страйк; г) страйку; г) припинення страйку [22].

Спочатку до роботодавця висуваються вимоги шляхом збору підписів. Вимоги може висунути також профспілка, членами якої є більше половини працівників. Одночасно із висуванням вимог визначається орган, уповноважений на керівництво страйком, його склад та повноваження, адреса для листування.

Орган, уповноважений на керівництво страйком, письмово повідомляє роботодавця про висунуті працівниками вимоги страйку. У повідомленні про висування вимог страйку орган, уповноважений на керівництво страйком, попереджає роботодавця про дату та час початку страйку та пропонує розпочати переговори. Страйк може бути розпочато не раніше ніж через 15 днів після направлення повідомлення про висування вимог страйку роботодавцю (ст.5-6).

Уповноважений орган та роботодавець мають право на ведення переговорів. Роботодавець зобов'язаний створювати належні організаційно-технічні умови для ведення переговорів, зберігати робоче місце та оплату праці за працівниками, що беруть участь у переговорах. За результатами переговорів може бути укладено угоду про виконання вимог страйку. Умови угоди є обов'язковими для роботодавця та органу, уповноваженого на керівництво страйком. Після підписання угода оприлюднюється та доводиться до відома працівників (ст.7).

У випадку, якщо за 5 днів до дати страйку не укладено угоду про виконання вимог страйку та органом, уповноваженим на керівництво страйком не прийнято рішення про скасування або відкладення страйку, уповноважений на керівництво страйком орган направляє попередження про страйк органу держаної влади та органу місцевого самоврядування за місцем, де планується проведення страйку (ст.8).

Орган, уповноважений на керівництво страйком також має право повідомити про запланований страйк засоби масової інформації та контрагентів і клієнтів роботодавця.

В день та час, визначений для початку страйку, працівники можуть повністю або частково припинити виконання роботи. При цьому працівники мають право знаходитись на своїх робочих місцях або покинути їх, брати участь у зборах, мітингах тощо або знаходитись за межами території підприємства, установи, організації.

Під час страйку, а також в разі припинення страйку без укладення угоди про виконання вимог страйку працівники мають право оголосити бойкот

на виконання вимог страйку. Під час страйку працівники також мають право вдаватись до блокади підприємства. І лише суд може зобов'язати працівників обмежити блокаду для забезпечення національної безпеки, охорони здоров'я, прав і свобод інших людей.

Також під час страйку працівникам надається право користуватись правовою допомогою, зокрема адвокатів, які на підставі договору з працівниками або уповноваженим на керівництво страйком органом мають право безперешкодно проходити на робочі місця страйкуючих працівників на підприємстві, в установі, організації та в місці проведення переговорів між працівниками та роботодавцем, брати участь у цих переговорах (ст.10).

У проекті визначено права та обов'язки роботодавця (ст.11). Так, під час страйку роботодавець має право на звільнення від відповідальності за невиконання взятих на себе договірних зобов'язань перед контрагентами; на збереження майна підприємства, установи, організації; на висвітлення своєї позиції щодо страйку у засобах масової інформації; право на звернення до суду із заявами про вжиття розумних та достатніх заходів для забезпечення національної безпеки, охорони здоров'я, прав і свобод інших людей. Такі заяви розглядаються судами протягом одного місяця, а в невідкладних випадках – протягом десяти днів з викликом сторін [22].

Новелою цього законопроекту є введення законодавчої норми, що забороняє роботодавцю залучення штрейкбрехерів під час страйку. У разі порушення цієї заборони страйкуючі працівники мають право на відшкодування завданої залученням штрейкбрехерів шкоди у судовому порядку з роботодавця, штрейкбрехерів та їх роботодавців солідарно, а також на недопущення штрейкбрехерів на робочі місця страйкуючих працівників (ст. 12).

Норма ст. 13 законопроекту забороняє страйк для військовослужбовців, працівників правоохоронних органів та органів цивільного захисту. Розгляд їх колективних вимог щодо економічних і соціальних інтересів здійснюється судом виходячи із вимог справедливості, економічної обґрунтованості, соціальної відповідальності та забезпечення національної безпеки.

Суд може своїм рішенням зобов'язати орган, уповноважений на керівництво страйком, від час страйку вживати заходи для забезпечення національної безпеки, охорони здоров'я, прав і свобод інших людей. Такі заходи не мають нівелювати економічного ефекту від страйку та не повинні бути фактичною заборонаю страйку. В разі невиконання законного рішення суду про зобов'язання вживати заходи для забезпечення національної безпеки, охорони здоров'я, прав і свобод інших людей під час страйку орган, уповноважений на керівництво страйком, несе відповідальність за шкоду, завдану зазначеним охоронюваним законом інтересам. Судові засідання у справах, що стосуються страйків не можуть бути закритими та не можуть проводитись без участі представників працівників.

Також проект передбачає можливість призупинення, припинення та відновлення страйку. З такою ініціативою може виступити орган, уповноважений на керівництво страйком (ст.14-15)

Окремо пропонується врегулювати механізм оплати праці під час та після страйку. Так, якщо на підприємстві повністю припинилась робота, зарплата працівнику не нараховується та не виплачується за всі дні фактичної участі у страйку. У випадках страйку з вимогами про виплату заборгованої зарплати за весь час страйку працівнику нараховується середній заробіток із розрахунку за два останні повні місяці роботи. Якщо ж робота припинена частково, то зарплата нараховується та виплачується пропорційно виконуваний ним роботі. Крім того, умови нарахування та виплати зарплати працівникам, що беруть участь у страйку можуть бути зафіксовані в угоді про виконання вимог страйку [22].

Також у законопроекті виписана процедура відшкодування шкоди роботодавцю, завданої страйком. Зокрема, пропонується покривати шкоду, завдану страйком за рахунок страйкових виплат, якщо відповідні ризики були застраховані. Якщо ж страйк буде визнано незаконним у судовому порядку, то шкоду, завдану таким страйком пропонується покривати за рахунок коштів страйкового фонду (ст.17).

Ще однією новелою законопроекту є правове регулювання процедури локауту. Законодавець пропонує надати право роботодавця захищати свої соціально-економічні інтереси шляхом локауту та визначає процедуру його проведення.

Локаут, за визначенням розробників проекту, - це тимчасове повне або часткове припинення роботи підприємства, установи, організації роботодавцем у зв'язку із отриманням роботодавцем вимог страйку.

Забороняється оголошення та проведення локаутів на підприємствах, які мають заборгованість із виплати заробітної плати, єдиного соціального внеску, податків та обов'язкових платежів до бюджетів всіх рівнів, а також у разі, коли вимоги працівників стосуються виконання роботодавцем умов трудових договорів, колективних договорів (угод), виконання вимог законодавства України, ухилення роботодавця від ведення колективних переговорів (ст.18).

Як бачимо, законопроект передбачає значно простішу процедуру висування вимог, порівняно з колективним трудовим спором (конфліктом) та коротші терміни їх розгляду. Так, висування вимог здійснюється шляхом збору підписів більш як половини працівників підприємства або його підрозділу. Також вимоги може висунути профспілка, що об'єднує більшість працівників підприємства чи його підрозділу. Мінімальний строк від висування вимог до страйку становить 15 днів. Якщо вимоги стосуються виплати заборгованої зарплати та невиконання колективного договору, строк скорочується до 5 днів.

Переговори ведуться у формі, обраній сторонами протягом всієї страйкової процедури. Увесь

час з моменту отримання повідомлення і до моменту початку страйку роботодавець може зупинити роботу підприємства за погодженням з представниками працівників.

З моменту початку страйку працівники мають право не виконувати роботу повністю або частково, не виходити на роботу, в робочий час брати участь у масових заходах, бойкотах та блокаді. В той же час, роботодавець наділений правом через суд обмежити здійснення працівниками права на страйк як в цілому, так і окремо блокування працівниками відвантаження продукції.

Крім того, у разі порушення працівниками встановленої Законом процедури роботодавець отримує право на відшкодування втрат, понесених від незаконного страйку. Якщо ж страйк є законним, він є форс-мажорною обставиною для роботодавця за його зобов'язаннями, а сам роботодавець має право на отримання страхових виплат, у разі, якщо убезпечив свої страйкові ризики. Також роботодавець отримує право на локаут.

Звичайно ж, необхідності удосконалення правового регулювання соціально-трудових відносин пов'язаних з реалізацією конституційного права тих, хто працює, на страйк для захисту своїх економічних і соціальних інтересів (ст.44 Конституції України) визнається багатьма вітчизняними та міжнародними експертами. Однак далеко не всі підтримують його у запропонованій редакції.

На нашу думку, Закон «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)» врегульовує практично всі питання, пов'язані з його проведенням (право на страйк; порядок прийняття рішення про оголошення страйку; керівництво страйком; укладення угоди про вирішення колективного трудового спору (конфлікту), контроль за її виконанням; визнання страйків незаконними; випадки, за яких забороняється проведення страйку; забезпечення життєздатності підприємства на такий період; гарантії для працівників під час його проведення, а також наслідки участі працівників у страйку та ін.).

При цьому встановлюється, що страйк застосовується як крайній засіб (коли всі інші можливості вичерпано) вирішення колективного трудового спору (конфлікту) у зв'язку з відмовою роботодавця задовольнити вимоги найманих працівників (ст. 17 Закону). Тобто, страйк може бути розпочато, якщо примирні процедури не призвели до вирішення колективного трудового спору (конфлікту) або роботодавець ухиляється від примирних процедур або не виконує угоди, досягнутої в ході перемовин тощо. Тобто чинні законодавчі норми повністю відповідають рекомендаціям МОП щодо застосування страйку як крайнього засобу та передбачають першочерговість примирних процедур. У пропонованому законопроекті страйк не розглядається як крайній засіб.

У законопроекті проведення страйку не пов'язується з регулюванням колективно-договірних відносин, що не враховує, зокрема, положень Конвенції МОП про сприяння колективним переговорам від 1981 року № 154[12], відповідно до якої

органи й процедури розв'язання трудових конфліктів мають утворюватися таким чином, щоб сприяти колективним переговорам.

Слід звернути увагу і на те, що законопроект «Про страйки і локаути» суперечить положенням Закону України «Про соціальний діалог в Україні» [7]. Адже сьогодні міжнародним співтовариством реалізація права на страйк все активніше розглядається як елемент соціального партнерства, практика застосування якого, зокрема, в країнах ЄС підтверджує його ефективність. Соціальне партнерство відіграє роль ефективного чинника соціальної стабілізації та стійкості.

Висновки. Законодавство, що врегульовує процедуру проведення страйку (як частину процедури вирішення колективного трудового спору (конфлікту)) є недосконалим та потребує якісних змін. Вирішення колективного трудового спору (конфлікту) та проведення страйку є дуже складними та довготривалими процесами. Законодавство України відстає від законодавства розвинених європейських країн щодо регламентації страйкової процедури. Тому її необхідно реформувати, зробити більш прозорою, зрозумілою, швидшою, та такою, що відповідає міжнародним нормам.

Новий законопроект «Про страйки і локаути» пропонує взагалі прибрати процедуру колективного трудового спору (конфлікту) з українського правового поля. На нашу думку, це невірний підхід, адже опиняється під загрозою захист колективних трудових прав працівників. Вважаємо, що такий підхід, при якому фактично знищується чинний механізм вирішення колективних трудових спорів (конфліктів), суттєво звужує форми взаємодії та узгодження інтересів працівників та роботодавців, залишаючи сторони без можливості застосування будь-яких примирних процедур під час страйку. Такі зміни суперечать Закону України «Про соціальний діалог в Україні». Крім того, в Україні фактично відсутня трудова юстиція, і працівники не можуть звертатися до суду за захистом своїх колективних прав. Отже, захист колективних трудових прав опиниться законодавчо неврегульованим, що суперечить конституційним принципам та міжнародним нормам.

Зазначимо також, що передбачене у проєкті скасування права працівників на страйк на галузевому та територіальному рівні порушує вимогу ст. 22 Конституції України, згідно з якою при прийнятті нових законів не допускається звуження змісту та обсягу існуючих прав і свобод.

Прийняття проєкту у запропонованому вигляді, на наш погляд, несе ризик порушення зобов'язань України за міжнародними договорами, ратифікованими нашою державою: Угодою про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами та відповідними конвенціями МОП.

Отже, вважаємо, що для того, щоб механізм вирішення колективних трудових спорів функціонував належним чином і надійно захищав

права та законні інтереси як працівників, так і роботодавців, він повинен мати комплексний і системний характер, а тому вдосконалення правового механізму реалізації права на страйк (як частини такого механізму) необхідно здійснювати шляхом внесення відповідних змін до Закону України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)».

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Г. Ахмедов, Я.Чуб. Право на страйк в українському законодавстві та у практиці ЄСПЛ. Підприємництво, господарство і право. 2018. №12. С.130-133 (дата звернення: 01. 05. 2020)
2. Європейська соціальна хартія (переглянута) від 1996 р. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_062#Text (дата звернення: 17. 06. 2020)
3. Загальна декларація прав людини від 1948 р. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_015#Text (дата звернення: 12. 06. 2020)
4. Закон України «Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів)» URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/137/98-%D0%B2%D1%80#Text>
5. Закон України «Про правовий режим воєнного стану» URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/389-19#Text> (дата звернення: 05. 06. 2020)
6. Закон України «Про правовий режим надзвичайного стану» URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1550-14#Text> (дата звернення: 05. 06. 2020)
7. Закон України «Про соціальний діалог в Україні» URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2862-17#Text> (дата звернення: 05. 06. 2020)
8. Запара С. І. Проблеми становлення трудових відносин, пов'язаних із вирішенням колективних трудових спорів / С. І. Запара // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. 2001. № Спец. вип.. С. 350-353. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VKhnuvs_2001_Spets.vip._86 (дата звернення: 17. 06. 2020)
9. Інформація про результати діяльності Національної служби посередництва і примирення за 2017 рік URL: <http://www.nspp.gov.ua/home/struktura-nspp-5/8169-informatsiia-pro-rezultaty-diialnosti-natsionalnoi-sluzhby-poserednytstva-i-prymyrennia-za-2017-rik> (дата звернення: 17. 06. 2020)
10. Інформація про результати діяльності Національної служби посередництва і примирення за 2018 рік. URL: <http://www.nspp.gov.ua/home/struktura-nspp-5/10120-informatsiia-pro-rezultaty-diialnosti-natsionalnoi-sluzhby-poserednytstva-i-prymyrennia-za-2018-rik> (дата звернення: 17. 06. 2020)
11. Інформація про результати діяльності Національної служби посередництва і примирення за 2019 рік.

URL:<http://www.nspp.gov.ua/home/struktura-nspp-5/12479-informatsiia-pro-rezultaty-diialnosti-natsionalnoi-sluzhby-poserednytstva-i-prymyrennia-za-2019-rik>(дата звернення: 17. 06. 2020)

12. Конвенція МОП про сприяння колективним переговорам № 154 URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/993_006#Text(дата звернення: 10. 06. 2020)

13. Конвенція про захист прав людини та основоположних свобод від 1950 р. URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_004#Text(дата звернення: 14. 05. 2020)

14. Конвенція про право на об'єднання на території поза метрополією №84 URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/993_423#Text(дата звернення: 01. 05. 2020)

15. Конвенція про свободу асоціації та захист права на організацію №87 URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/993_125#Text(дата звернення: 10. 05. 2020)

16. Конвенція про умови праці на плантаціях №110 URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/993_015#Text(дата звернення: 01. 05. 2020)

17. Конституція України URL:<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text>(дата звернення: 01. 07. 2020)

18. Міжнародний пакт про політичні, економічні та соціальні права від 1966 р. URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_042#Text(дата звернення: 10.06. 05. 2020)

19. Положення про Національну службу посередництва і примирення, затверджене Указом Президента України від 17.11.1998 №1258/98 URL:<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1258/98#Text>(дата звернення: 17. 06. 2020)

20. Положення про порядок проведення страйку як крайнього засобу вирішення колективного трудового спору (конфлікту) та примирних

процедур під час страйку URL:<https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v0131299-08?lang=ru#Text>(дата звернення: 01. 07. 2020)

21. Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про страйки та локаути» URL:http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=67793(дата звернення: 01. 07. 2020)

22. Проект Закону України «Про страйки і локаути» №2682 від 27.12.2019 URL:http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=67793(дата звернення: 01. 07. 2020)

23. Результати діяльності НСПП. URL:<http://nspp.gov.ua/home/struktura-nspp-5>(дата звернення: 17. 06. 2020)

24. Рекомендація МОП щодо добровільного примирення та арбітражу № 92 URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/993_232#Text(дата звернення: 10. 06. 2020)

25. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони URL:https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/984_011#Text(дата звернення: 10. 06. 2020)

26. Шведсько-український проект «Вирішення трудових спорів в Україні». Нова модель вирішення трудових спорів в Україні. URL:<http://www.nspp.gov.ua/home/struktura-nspp-8/struktura-nspp-12/5268-nova-model-vyrishennia-trudovykh-sporiv-v-ukraini>(дата звернення: 15. 06. 2020)

27. Швець Н. М. Право на страйк та умови його реалізації: монографія. Х.: Право, 2009. С. 227. (дата звернення: 10. 05. 2020)

28. Швець Н. М. Право на страйк: особливості застосування та обмеження. Право та інновації. 2017. № 2. С. 30–37. URL:http://nbuv.gov.ua/UJRN/apir_2017_2_6(дата звернення: 05. 05. 2020)

PEDAGOGICAL SCIENCES

THEMATIC SESSIONS AS A FORM OF THE ORGANIZATION OF THE INDIVIDUAL LEARNING PATH OF GIFTED TEENAGERS

Gorbunova A.

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СМЕНЫ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Горбунова А.В.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, г. Тамбов, Российская Федерация,

ул. Интернациональная, 33

Abstract

The analysis of the concept of the individual learning path of gifted teenagers, which is considered as a form and condition of learning, contributing to the enrichment and development of cognitive activity. The characteristic of the main stages of the project of thematic sessions and their relationship with the individual learning path is presented.

Аннотация

Проведен анализ понятия индивидуальной образовательной траектории одаренных подростков, которая рассматривается как форма и условие обучения, способствующая обогащению и развитию познавательной деятельности. Представлена характеристика основных этапов проекта тематических смен и их взаимосвязь с индивидуальной образовательной траекторией.

Keywords: individual learning path, gifted teenagers, thematic sessions.

Ключевые слова: индивидуальная образовательная траектория, одаренные подростки, тематические смены.

Индивидуальная образовательная траектория, как форма и одно из условий получения качественного образования, получила широкое распространение в последние десятилетия в связи с профилизацией обучения в старшей школе (10-11 кл.). Индивидуальная образовательная траектория – обеспечивает развитие и саморазвитие обучающегося, его творческое самовыражение [7].

Если говорить о специальных образовательных условиях для одаренных детей, в федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) указано, что необходимо «разнообразие организационных форм и учет индивидуальных особенностей каждого обучающегося (включая одаренных детей и детей с ограниченными возможностями здоровья), обеспечивающих рост творческого потенциала, познавательных мотивов, обогащение форм взаимодействия со сверстниками и взрослыми в познавательной деятельности» [9].

Само понятие индивидуальной образовательной траектории (ИОТ) является сложным и включает в себя следующие реализационные направления: содержательное (вариативность, определяет ИОТ), деятельностное (педагогические технологии), процессуальное (организационный) [5].

Индивидуализация педагогического процесса затрагивается в психологических и педагогических трудах авторов Ш.А. Амонашвили, А.Г. Асмолова, как указано авторами, непосредственное проявление задатков обучающегося возможно благодаря

применению вариативности к индивидуальным особенностям личности, а само понятие вариативного образования предполагает компетентное саморазвитие личности [2, 3].

По мнению отечественного исследователя А.В. Хуторского, индивидуальная образовательная траектория – это «персональный путь реализации личностного потенциала ученика в образовании, смысл, значение, цель и компоненты каждого последовательного этапа которого осмыслены самостоятельно или в совместной с педагогом деятельности» [цит. по: 5].

Варианты педагогического сопровождения ИОТ обучающихся предложенные Е.А. Александровой разделены на три блока [1]:

1. «Опека, забота, защита» – деятельность педагога в ситуации неумения разработки ИОТ обучающимся;
2. «Наставничество» – педагог создает ситуацию конструктивного творческого взаимодействия, стимулирует процесс общения между педагогом и обучающимся;
3. «Помощь, поддержка» – налаживание и поддержание доверительной атмосферы при межличностном общении, предполагает высокую самостоятельность обучающегося.

Несмотря на то, что многие авторы (Б.С. Гершунский, И.С. Якиманская и т.д.) соотносят ИОТ с нацеленностью на личностные особенности обуча-

ющегося, также существует мнение (О.А. Абдуллина, А.А. Плигин), что ИОТ должна выстраиваться в соответствии с типом мышления обучающегося и способом восприятия учебной информации [Цит. по: 3].

Познавательные стили обучающихся и их влияние на процесс учебно-профессиональной деятельности изучали Л.Н. Макарова, И.А. Шаршов, А.В. Королева. Авторами было выявлено, что степень развития критического мышления связана с характеристиками вида мышления, т.е. восприятие и кодирование полученной информации происходит с опорой на визуальный, аудиальный и кинестетический опыт. Поскольку, критическое мышление находится во взаимообусловленном синтезе развития с творческим мышлением, данные характеристики позволяют утверждать, что в образовательном процессе и выстраивании ИОТ необходима «организация взаимодополнения дуальных качеств и способностей» [8, 6].

По мнению исследователей С.В. Вдовиной, И.М. Кунгуровой, педагог и обучающийся находящиеся в состоянии сотрудничества и сотворчества, являются моделью свободного образования, где реализуется не только ИОТ, но и осуществляется педагогическая поддержка [4].

Подобного взгляда на проблему придерживается П.В. Сысоев, в своей статье он указывает, что эффективной реализации ИОТ возможно достигнуть при равнозначности субъектов образовательного процесса, где обозначены конкретные функции каждого из участников [10].

Также благодаря индивидуальной образовательной траектории становится возможным психологическое сопровождение выбора и подготовки к получению будущей профессии, что обеспечивает непрерывность образования.

Рассмотрим на практическом примере, процесс реализации тематических смен как формы организации ИОТ одаренных подростков.

С 30 сентября по 10 ноября 2019 года на базе оздоровительно-образовательного центра «Молодежный» ТГУ имени Г.Р. Державина в рамках проекта «От школьного образования к цифровой экономике» было проведено три тематических смены для школьников 10-х классов. Тематические смены отвечают приоритетным запросам общества, организованы в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», соответствуют направлениям государственной и национальной программы развития образования в РФ.

Участниками тематических смен стали школьники города Тамбова и Тамбовской области, Рязанской области, а также из Республик Крым и Кабардино-Балкария, Казахстана и Узбекистана. Главный критерий отбора – статус призера или победителя регионального или всероссийского этапа олимпиад по математике и информатике. В каждой из смен среди проектов были выбраны лучшие и премированы ТГУ имени Г.Р. Державина.

Образовательная нагрузка в течение смены была распределена следующим образом:

9:15 – 13:15 Первый образовательный блок (изучение нового материала, поиск необходимой информации и работа над проектами в аудиториях);

15:00 – 17:00 Второй образовательный блок (практические занятия, проектные мастерские, консультации с экспертами);

17:30 – 19:30 Третий образовательный блок (работа на тематических площадках, образовательные игры и квесты).

Подобное распределение образовательного потока позволило равномерно, но в тоже время интенсивно проводить занятия. Взаимодействие между школьниками и преподавателями ВУЗа происходило как классическим, так и внеаудиторным способом, практикоориентированный подход большей части занятий, а также периодическая смена рабочих площадок способствовала поддержанию интереса обучающихся к образовательному процессу на протяжении всей смены.

Уникальность проекта тематических смен состоит в новом формате организации индивидуальной образовательной траектории за пределами школы, практическом подходе к проведению занятий. Так, согласно предложенным Е.А. Александровой, вариантам педагогического сопровождения ИОТ обучающихся, нами был использован блок «Наставничество», где педагог создает ситуацию конструктивного творческого взаимодействия, стимулирует процесс общения между педагогом и обучающимся [1]. Важно отметить, что работа на уровне «преподаватель ВУЗа-школьник» во многом отличается от построения классических школьных уроков, где одаренные дети быстро теряют заинтересованность к обучению среди сверстников, и вынуждены обращаться к услугам репетитора за дополнительным образовательным материалом, в связи с отсутствием необходимой познавательной нагрузки в условиях школьного обучения. В то время как, двухнедельные тематические смены дают возможность более углубленного изучения и прокачивания *hard skills*, а также поддерживают *soft skills* на необходимой отметке.

Построение индивидуальной образовательной траектории происходит с учетом индивидуальных, возрастных, психофизиологических особенностей обучающихся. Наряду с основной образовательной работой и тематическими особенностями смен, проводится системная и целенаправленная работа по следующим направлениям в области психологии и педагогики:

- технологии знакомства, сплочения и командообразования. Направлены на создание и поддержание дружественной атмосферы между ранее не знакомыми обучающимися, позволяют выделить капитанов в каждом отряде, повышают эффективность командной работы;

- технологии межкультурных коммуникаций. Так как участники образовательного процесса являются представителями различных культур, их успешная адаптация во многом зависит от толерантного поведения, интереса к национальным особенностям друг к друга;

– вариативный психолого-педагогический блок. Включает в себя различные формы психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса (профилактика, диагностика, консультирование и коррекционно-развивающая работа). Сюда мы относим вопросы самопознания «Кто Я?», психологическую разгрузку, проектирование своего будущего во временной перспективе 5-10 лет и т.д.;

– всестороннее развитие личности, куда входит нравственно-культурное воспитание. В связи с высокими образовательными требованиями к отдельным профильным дисциплинам (математика, физика, информатика), у обучающихся наблюдается снижение интереса к базовым общеобразовательным дисциплинам (например, история, литература и физическая культура). В распорядок дня обязательно должны быть включены культурно-развлекательные, спортивные мероприятия.

Соответствие программы тематической смены современным ФГОС среднего общего образования [11] позволяет формировать общекультурные компетенции, такие как:

1. Готовность и способность к образованию и самообразованию;
2. Толерантное сознание и поведение, уважение к традиционным ценностям;
3. Принятие и реализация ценностей здорового образа жизни.

Т.е. программа тематической смены отвечает не только ФГОС, но и в полной мере позволяет реализовать индивидуальную образовательную траекторию в сложившихся образовательных условиях.

Также в контексте индивидуального образовательного подхода мы подчеркиваем важность диверсификации уровней психолого-педагогического сопровождения на индивидуальный, групповой и уровень класса и организации. Что позволяет выстраивать образовательную среду не только с учетом потребностей индивида, но и запросами общества.

Таким образом, высокое качество реализации тематических смен мы достигли благодаря насыщенному образовательному блоку, куда входит содержательная сторона и ресурсная обеспеченность (материально-техническая, кадровая), а также качественно организованному психолого-педагогическому пространству.

Рассмотренная нами форма организации индивидуальной образовательной траектории одаренных подростков, реализуемая на базе «Тамбовского

государственного университета имени Г.Р. Державина», создает необходимые условия для получения качественного образования, способствует саморазвитию обучающегося и его творческому самовыражению. Полученные нами данные позволяют сделать выводы о важности и необходимости дальнейшей работы по данному направлению в образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Александрова Е.А. Педагогическое сопровождение старшеклассников в процессе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий: автореф. дис. ... канд. п. н. / Е.А. Александрова. Тюмень, 2006. 40 с.
2. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1995. 496 с.
3. Асмолов А.Г. Стратегия развития вариативного образования: мифы и реальность // Магистр. 1995. №1. С. 23-27.
4. Вдовина С.А., Кунгурова И.М. Сущность и направления реализации индивидуальной образовательной траектории // Вестник евразийской науки. 2013. №6 (19). С. 175.
5. Гончарова Е.В., Чумичева Р.М. Организация индивидуальной образовательной траектории обучения бакалавров // Вестник НВГУ 2012. №2. С. 3-11.
6. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. СПб: Альянс «Дельта», 2003. 284 с.
7. Крылова Н.Б. Проблема индивидуализации ребенка в образовании: преодоленные и не преодоленные барьеры // Новые ценности образования 2007. №1. С.183-198.
8. Макарова Л.Н., Шаршов И.А., Королева А.В. Критическое мышление и познавательные стили студентов // Вестник ТГУ. 2015. №7 (147). С. 13-20.
9. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / сост. Е.С. Савинов. М.: Просвещение, 2011. 454 с.
10. Сысоев П.В. Обучение по индивидуальной траектории // Язык и культура. 2013. №4 (24). С. 121-131.
11. Федеральные государственные образовательные стандарты. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 15.02.2020)
12. Шеманаева М.А. О трактовках термина «индивидуальная образовательная траектория» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S12. С. 43-47.

THE IMPORTANCE OF THE SELF-REALIZATION IN THE FORMATION OF SOCIAL COMPETENCES IN THE MODERN SOCIUM**Kolesov V.**

*Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
Professor, Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Interfaculty Department of Humanities and Natural Sciences,
Luga Institute (branch) of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education Leningrad
State University named after A.S. Pushkin ", St. Petersburg, Russia*

**ЗНАЧЕНИЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В
СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ****Колесов В.И.**

*Заслуженный работник Высшей школы РФ, профессор доктор педагогических наук,
профессор межфакультетской кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин,
Лужский институт (филиал) ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный
университета им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия*

Abstract

The article deals with the essence of self-realization and its role in the formation of the social competence in human's life in the modern society. We describe the factors that challenge today's society and affect the socialization of the individual. The problem of the formation of competencies through the sphere of self-development, which is considered in the mainstream of the development of pedagogical science and the research of subjective factors of mastering specific competencies, is concretized. The importance of such components as communicative, effective-practical, cognitive with regard to individual social groups, the state and society as a whole is taken into account.

Аннотация

В статье рассматривается сущность самореализации и ее роль в формировании социальной компетентности в жизни человека в современном социуме. Описываются факторы, бросающих вызов современному обществу и влияющих на социализацию личности. Конкретизируется проблема формирования компетенций через сферу саморазвития, рассматриваемая в русле развития педагогической науки и исследованиями субъективных факторов освоения конкретных компетенций. Учитывается значимость таких компонентов как коммуникативного, действенно-практического, когнитивного применительно к отдельным социальным группам, государству и обществу в целом.

Keywords: competence, competence, creativity, self-realization, creativity.

Ключевые слова: компетентность, компетенции, креативность, самореализация, творчество.

Самореализация предполагает открытие внутри себя потенциальных возможностей, талантов и перспектив личности. В настоящее время расширяется спектр образцов и моделей построения жизненных стратегий. Свидетельствовать об успешной самореализации могут высокие достижения в профессиональной деятельности, удовлетворенность профессией, участие в общественной деятельности, творчество и т. д. Изначальные цели включения человека в подобные виды деятельности могут быть различными и не всегда связанными с популярным на данный момент духовным развитием: поиска своей самости, ради накопления материальных ценностей, ради творчества и т. п.

Однако на пути самореализации обнаруживается значительное число препятствий. Человек может иметь выдающиеся способности, обладать большими познаниями, но, тем не менее, так никогда и не реализовать свои возможности, причиной чего выступает не в полной мере сформированные социальные компетентности. При этом, социальная некомпетентность зачастую влияет не только на

жизнь отдельного индивида, но тормозит преобразования во многих сферах – экономике, политике, культуре, науке, межнациональных отношениях.

В этом контексте проблема компетентности связана с развитием педагогической науки и исследованиями субъективных факторов освоения конкретных компетенций. В частности, здесь можно выделить значимость таких компонентов как коммуникативного, действенно-практического, когнитивного и других. Однако о социальной компетентности можно говорить применительно не только к отдельной личности, но и к отдельным социальным группам, государству и обществу в целом. При этом, стоит иметь ввиду, что отправной точкой в данных процессах является личность человека, которая становится своего рода кирпичиком в построении иерархических структур.

Данное обстоятельство осложняется тем, что в современном техногенном обществе, как известно, доминируют наука и техника, которые требуют постоянных инноваций. При этом, инновационные потоки неуклонно нарастают, однако многие люди не хотят принимать их. В связи с этим, большое

значение имеет способность человека принимать новшества и включать их в свою жизнь.

Однако ошибочным является представление о том, что уровень социальной компетентности и способность восприятия инновации закладываются в процессе образования. Современное образование ориентировано преимущественно на усвоение определенных фактов. При этом, многие интуитивные моменты обычно отступают на второй план. Это приводит к тому, что человек, который считает себя социально компетентным, в действительности таковым часто не является, ибо он неадекватно оценивает самого себя и ситуации и не способен в полной мере осознать и принять даже научно обоснованные утверждения.

В частности, устоявшаяся картина мира имеет шанс противостоять данным, входящим с ней в резонанс. К примеру, человек, прослушавший курс школьного образования во взрослой жизни может отвергать научные факты: к примеру, по данным NASA на 2017 г. в мире число лиц, верящих, что Земля плоская составляет 40000 людей [1].

Исходя из этого, в новых условиях социальная компетентность требует пластичности мышления человека и носит творческий характер. Механическое использование одного критерия знаний для оценки тех или иных аспектов социальной компетентности часто оказывается недостаточным.

В данном случае, социальная некомпетентность будет проявляться в неспособности человека находить свое место в различных общественных структурах, активно прогнозировать результаты своего включения в них. Ясно, что именно социальная некомпетентность будет лежать в основе дезадаптации человека, неспособности его реализовать свои возможности и задатки.

При этом, социальную некомпетентность следует дифференцировать применительно к различным сферам жизнедеятельности человека. Можно выделить такие ее формы, как экологическая, экономическая, политическая, некомпетентность в сфере социальной организации общества и т. д. При этом в каждой из этих сфер можно говорить о некомпетентности на уровне конкретного человека, отдельных социальных групп и социума в целом. Скажем, экологическая некомпетентность может проявляться, как на уровне конкретного человека (загрязнение им окружающей среды, чрезмерное расходование питьевой воды жителями больших городов, энергоресурсов, неконтролируемая вырубка лесов и т. д.), так и на уровне социальных групп (предприятия, загрязняющие среду, автомобильные компании и пр.), а также на уровне государства (масштабные государственные проекты типа создания искусственных морей, поворота северных рек на юг, кардинального изменения климата и т. д.). Некомпетентность в сфере социальной организации общества также может проявляться на разных уровнях [2].

Также социальная некомпетентность, проявляемая государственной властью, ограничивает самореализацию многих людей и способна в качестве ответных действий порождать различные виды

маргинальности – от политической до социальной. В ответ на ущемление базовых потребностей люди становятся более агрессивными, причем, такая агрессивность часто оказывается неожиданной для властных структур.

Очерчивая круг указанных проблем, отметим, что современная действительность не позволяет их разрешить без высочайшего уровня компетентности. Скажем, обострившаяся экологическая ситуация требует резкого повышения социальной компетентности как отдельного человека, социальных групп, так и общества в целом. Возникают непростые проблемы формирования экологического сознания, выработки нового отношения к природе, совершенствования экологического права, разработки системы мер по профилактике надвигающейся экологической катастрофы и т. д. Нельзя не замечать и глобального потепления климата, участившихся крупномасштабных экологических катастроф с большим числом человеческих жертв. Это можно рассматривать вызов компетентности общества в целом. В этой ситуации сформировались две точки зрения по вопросу об экологическом будущем человечества: оптимистическая и пессимистическая [3].

Помимо этого, значительный вред наносит социальная некомпетентность в сфере трудовой деятельности. Человек может включаться в те сферы труда, к которым ему очень трудно адаптироваться в силу отсутствия соответствующих навыков, физических возможностей, психологических характеристик и пр. Включение же в чуждые для него структуры трудовой деятельности часто нарушает характер имевшихся ранее и отработанных форм деятельности, обесценивает прежние навыки и знания, порождает разочарование в профессии, а часто и в жизни в целом.

Из сказанного нетрудно заключить, что социальная некомпетентность лежит в основе наиболее острых проблем современного российского общества. Между тем существует довольно терпимое отношение к некомпетентности, что открывает широкие возможности для использования различных социальных технологий для достижения эгоистических интересов. Некомпетентность в обществе порождается также отсутствием четкой социальной ответственности за принимаемые решения, несформированностью механизма оперативной обратной связи между населением и властью.

Разрешение данной ситуации невозможно без учета факта того, что, как известно, в условиях перехода от индустриального к информационному обществу в социальной компетентности общества решающую роль начинает играть наука, образование и культура. Однако они остаются невостребованными, что ведет к отставанию в ряде наукоемких отраслей промышленности, «утечке мозгов», падению престижа интеллектуального труда и пр., что говорит об отсутствии стратегии развития общества.

Подчеркнем, что критерии социальной компетентности все более связываются с оценкой процес-

сов в обществе с позиций создания условий для самореализации и удовлетворения потребностей человека. В этой связи, актуальным является обращение к своеобразным «барометрам» социального самочувствия: индексам депривации, удовлетворенности жизнью, индексу развития человеческого потенциала и др. [4].

При этом, в условиях информационного общества повышение социальной компетентности основано на легком доступе к разнообразной информации и наличии соответствующих технических средств для этого. Предполагается, что информационное общество – это общество, производящее знания во все возрастающих масштабах, где социальная значимость человека в условиях насыщенности общества компьютерами, глобальными информационными сетями, вычислительной техникой определяется приобщенностью к соответствующим информационным процессам, степенью участия в производстве знаний.

Отдельно отметим, что некомпетентность в культурной сфере приводит к ослаблению связи людей с мировым культурным пространством, окукливанию на узких, сиюминутных политических интересах, в результате чего страдает способность человека к общению с другими людьми, сочувствию, сопереживанию, не развивается умение понять другого человека. Из многомерной и многоликой сущности человека востребованными оказываются только его первобытные стадные инстинкты. Фактически, речь идет о подмене всего емкого понятия социальной компетентности и возврате к одномерному человеку, хотя и на новом уровне.

Однако истинная самореализация, компетентность обычно достигается на базе творчества. Творец достигает того уровня компетентности, который недоступен обычному человеку. Современные общества находятся, как известно, в состоянии острой конкуренции. Отсутствие достаточного количества творцов проявляется в том, что в современном российском обществе на самых разных уровнях доминируют исполнители. Господство их на всех позициях приводит к тому, что в обществе мало так востребованных социальных инициатив, социального творчества, а человек пассивен и не ориентирован на инновации, что порождает застой. В итоге в обществе доминируют склонность к подчинению, исполнению, отсутствие нестандартности и оригинальности мышления. При этом, именно творцы в современном обществе могут вывести его из того тяжелого состояния, в котором оно находится в настоящее время. Причем ставка на креативность должна быть сделана в системе государственного управления, политике, культуре, экономике, городском хозяйстве [5].

Исходя из рассмотренного выше материала, можно утверждать, что число проблем, которые получили название вызовов обществу, стремительно возрастает в последнее время. Это, как говорилось,

могут быть и вызовы со стороны природы, игнорирование которых ведет к экологической катастрофе. Такие вызовы часто стимулируются и самой внутренней средой социума из-за неудовлетворения основных жизненных потребностей человека, что выражается в виде социальной напряженности, усиливающихся деструктивных тенденций. Некомпетентные решения тех или иных проблем представляют серьезную опасность для общества и порождают негативные тенденции, затрагивающие большое количество людей.

Все сказанное свидетельствует о том, что повышение уровня компетентности общества может происходить через повышение роли самореализации человека, способного преобразовывать общество, позволяя ему подняться на новый уровень в решении самых разнообразных актуальных проблем.

Отдельно подчеркнем, что общество заинтересовано в поиске людей способных раскрыть его потенциалы и найти новые перспективы. Однако для того, чтобы талантливый человек смог занять подобающее ему место в обществе, необходимо, прежде всего, искать и растить творцов через формирование социальных компетенций всего социума, что даст дорогу новым неординарным личностям. Таланты важны для продвижения в различных сферах: образовании, науке, здравоохранении, культуре, политике и пр.

Таким образом, сущность самореализации и ее роль в формировании социальной компетентности в жизни человека в современном социуме определяется наличием конкретных актуальных для данного общества проблем и направлена на оперативный поиск путей преодоления возрастающих рисков, раскрываясь через предоставление возможностей не только поддерживать оптимальную жизнедеятельность, но, прежде всего, всестороннее и многогранное развитие личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Inside-world-flat-Earthers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4682728/Inside-world-flat-Earthers.html>. (дата обращения 8.04.2018).
2. Краевский В.В. Методология педагогики: новый этап: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, Е.В. Бережнова. – М.: Академия, 2009.
3. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии / Г.К. Селевко. – М.: Первое сентября, 2007.
4. Педагогические технологии: учебное пособие для студентов педагогических специальностей / Под общей ред. В.С. Кукушина. – М.: ИКЦ «МарТ», 2008.
5. Актуальные проблемы исследования социального здоровья. Опыт социолого-философского анализа. Часть I / Под ред. Р.А. Зобова, А.А. Козлова. СПб. ХИМИЗДАТ, 2004.

GAMIFICATION OF EDUCATION: FORMAL AND INFORMAL SPASE**Chaika O.***Lecturer, Department of Ukrainian studies
BOGOMOLETS NATIONAL MEDICAL UNIVERSITY
Kyiv, Ukraine***Abstract**

The time of innovative technologies and changes throws us constant challenges, forcing us to look for new forms and methods of teaching. The latest learning technologies include not only a general approach to the education system (for example, the Bologna Process), but also the creation of some modern educational approaches in the issues of: assessment of knowledge, technologies and teaching methods.

Keywords: gamification, gamification of education, aspects, elements, forms, terms of gamification of education.

Introduction

Since the inception of the first universities, education has become one of the most important spheres of human society. In spite of the fact that changes are constantly taking place in the world, the forms and methods of human activity (including in the sphere of education) are changing, the aim of education remains to provide quality education. Unfortunately, changes in the higher education system are not infrequent, since these changes are practically time consuming and there is considerable internal resistance.

As a result, the approaches to training that have been used for a long time become obsolete and lose their relevance. Due to the fact that modern students live in an interactive game environment, they are not interested in learning new information through time-consuming educational programs. Therefore, the introduction of the latest learning technologies to improve the quality and future development of Ukraine's higher education system is a very pressing issue.

The latest learning technologies include not only a general approach to the education system (for example, the Bologna Process), but also the creation of some modern educational approaches in the issues of: assessment of knowledge, technologies and teaching methods. At the present stage of information society development, the following main trends are distinguished: distance and mobile learning, interactive textbooks, video game training, MOOC, augmented reality, cloud LMS, BigData, gamification, personalization.

The purpose of the article. The aim of the article is to investigate the essence of the concept of "gamification", to compare the traditional approach of learning and gamification, to determine its advantages and disadvantages, to investigate the state of gamification in Ukraine, to identify the main trends in the development of gamification of formal and non-formal education.

Presentation of the basic material. Intensive process of development in all spheres of our society enables the change of status of foreign languages in higher professional education, which encourages not only to change teaching methods (transfer from verbatim to the communicative-pragmatic). Today, it is important not to simply absorb information, but to use it as a basis for further self-improvement in their chosen field of activity. Therefore, the objectives and content of teaching foreign languages in institutions of higher education

become focused on a specialty profile and assume a continuous search of ways of increase of efficiency of educational process. One of these forms of learning that meets the needs and demands of the time, was gamification. For most teachers the process of gamification has become a significant supplement and extension of traditional learning, while others saw in it the potential to change the entire educational paradigm, interactive learning system, which provides minimal interference from the teacher, or even its complete absence. Term, methods and the basic principles of gamification have come to us from foreign studies and, above all, concerned business areas [5; 6], but is not limited to it. Fundamental, in particular, were Karl Kapp's researches, which, thanks to gamification changed approaches and methods of the learning process.

The significant potential of using game mechanisms in a non-game context, in particular educational, has become a common practice and an extremely effective learning tool, which has attracted the attention of domestic researchers. In particular, N. Kravets explores the stages of creating a gamified system in the educational process of higher education institutions [1], O. Tkachenko considers the gamification of formal and non-formal education [3].

The use of games in the educational process is not a new phenomenon, as they not only diversify the routine performance of typical exercises and tasks, but also significantly increase motivation, stimulate cognitive activity and satisfy a person's natural inclinations to play. In essence, the game is an ideal learning environment that activates mental activity, encourages non-standard decisions. In the form of a game, a person gains the necessary experience, explores the limits of what is possible and gets the right to make a mistake, because there is always the opportunity to start the game again. The real value of gamification is that the game principle contributes to the creation of a conscious learning experience. Among the many definitions of the term "gamification" we are impressed by the interpretation of K. Kapp, who sees in this process the implementation of the principles of game mechanics, aesthetics and thinking in order to involve students in active educational process, increase motivation and solve certain problems [4]. The game, like the educational process, follows certain "rules".

The purpose of any game is to accomplish the tasks by overcoming various difficulties and obstacles. The educational process is also focused on achieving educational goals by performing certain exercises and tasks of varying difficulty. In the game, it is important to monitor each stage, because the player's next steps depend on the results already achieved. This statement is also true of learning. Successful completion of each stage is a guarantee of the appropriate level of formation of certain skills and abilities. The essence of gamification is that the elements of the game are not used in the game environment, i.e. indirectly related to the acquisition of knowledge and skills.

First of all, we are talking about cognitive interest, interactive interaction and a high level of motivation, which leads to an increase in the level of knowledge and improvement of skills and abilities. The fact that modern youth was born in an era of total computerization, where the Internet, along with all electronic devices and games, is an integral part of life, also speaks in favor of gamification. Therefore, it is logical and appropriate to use this fact in the educational process. Moreover, it should be noted that the scope of application of gaming technology is actually unlimited today. You can gamify any area, complex and routine activities, non-game context, which is usually characterized by low motivation. This process aims not only to interest the individual and make exciting routine activities from driving a car to memorizing a large amount of information, but also to leave a person in the real world, allowing him to improve the skills and abilities he needs.

Due to its peculiarities, the process of gamification becomes a promising innovative means of increasing the foreign language competence of students of higher education institutions both during distance, independent and classroom work. For example, it is no secret that the filling of distance learning courses in a foreign language is dominated by textual and grammatical forms of presentation of educational material, which does not contribute to increasing the already low level of learning motivation and development of foreign language skills. Even those students who have sufficient vocabulary and are well versed in grammar have significant difficulties in communicating. At the same time, remote technologies contain much wider opportunities for the implementation of game mechanisms, allowing you to combine graphics, sound, text, and so on. This, in turn, not only increases the interest in mastering a foreign language, but also in many cases allows students to "immerse" in a foreign language environment and promotes the formation and development of foreign language communication skills. However, it is important to remember that the introduction of game elements in a foreign language class is difficult to call a gamification process.

First of all, the teacher should guide students to achieve a clear goal, and then, if possible, personalize the game content, taking into account its four main components [2, p. 140]: interaction (a wide range of techniques that provide social interaction between users), dynamics (use of an exciting scenario that would attract users and stimulate their response in real time),

mechanics (use of virtual rewards, statuses, points, levels and other elements characteristic of the game process) and aesthetics (creating a general game atmosphere that promotes emotional enthusiasm). The term "gamification" is mostly associated with electronic or video games, but it is not a key condition of the process. Even in the absence of the necessary equipment, you can gamify the process of learning a foreign language. However, this requires careful preparation on the part of the teacher:

1. It is necessary to determine the purpose for which the activities of students are aimed, but it should not be short-term. For example, improving skills in working with professional texts.

2. Achieving this goal should be divided into stages that can be tracked. The advantage is that the teacher can individualize and specify this process according to the level and needs of the group.

3. The next stage is the process of designing and developing the game itself, like a board game with a graphical representation of each of the levels.

4. Each of the students has the opportunity to present themselves. For the convenience of students, you can divide them into subgroups, give them names, or choose an avatar.

5. The teacher needs to think about a system of bonuses and rewards for the correct timely or additional performance of certain tasks, passing stages.

6. Group participation in the gamification process will only help build team spirit and maintain a general playing atmosphere.

As an example of educational gamification during students' independent work, we can single out the use of the Quizlet platform, which combines the possibility of learning a foreign language online. Beginner users translate basic, simple sentences, while experienced ones get more complex tasks. As a result of such "work", each of them develops foreign language skills according to their level. Users first learn vocabulary, then consolidate all the knowledge gained in exercises and tasks such as translation, spelling and reading. By learning the language in this way, students receive points for each lesson or translated content. The site also has statistics on how long it took the user to complete the task. Because the system is adaptive, it tracks all activities - lessons, translations, testing and workshops - to provide feedback to the student and plan further activities. However, the use of educational platforms such as DuoLingo is mostly aimed at the development of language rather than communication skills, and is limited to mostly everyday topics.

In addition, more interesting and challenging tasks are available for a fee. But the most significant disadvantage, in our opinion, is that the teacher is deprived of the opportunity to modify the educational process according to the needs and requests of students, and therefore can use these resources only as additional tools. However, today there are many open platforms that can be easily integrated into the educational process, building an individual trajectory by creating interactive games, quests and quizzes based on them. For example, with the help of Content Generator (<http://contentgenerator.net>), choosing one of 15 templates, the teacher

can create a series of interactive exercises and games in order to learn the vocabulary of the lesson. In practical terms, this is easy to do by placing the appropriate game on the Moodle platform, which is now used by many domestic higher education institutions, or simply open the web page using mobile phones.

Also with the help of a projector, you can display the game on the screen, dividing the participants into teams. Most games are based on multiple choice questions (such as "Who wants to be a millionaire?"), contain various hints (sometimes incorrect) and levels, based on the storyline chosen by the author. The main task of the teacher in this case - to create a larger bank of questions, so that the game was interesting and diverse. Another good example of the process of gamification of a foreign language lesson based on the FlipQuiz platform. According to the topic of the lesson, the teacher prepares five categories of questions of different levels of complexity, which he enters with the help of a template. The group is divided into teams, whose members choose the category and level according to their knowledge. The more points students want to get, the more difficult level they will have to pass.

In the original version of the quiz, the tasks offered to the participants are presented in the form of statements, and the answers to them - in the form of questions. At the request of the teacher and according to the level of the group, this condition can be adapted. Moreover, the site contains more than two million ready-made games on a variety of topics - from general to professionally oriented, which can be modified depending on needs and preferences. As an additional incentive, students can be offered to create a game on their own, which will not only create additional emotional tension, increase their overall motivation, but also promote careful repetition and consolidation of educational material. In general, it should be noted that the

potential for gamification is extremely large and is not limited to education. The time of innovative technologies and changes throws us constant challenges, forcing us to look for new forms and methods of teaching. Many additional resources have become available for teachers, which diversify the cognitive activity of students. However tempting it may seem to completely turn the educational process into an exciting game, it is important to keep in mind its relevance to the content and objectives of learning. Despite the positive aspects of gamification, it is necessary to avoid excessive fascination with gaming technology in favor of only the formal aspects.

REFERENCES:

1. Кравець Н. С. Етапи створення гейміфікованої системи для використання в навчальному процесі ВНЗ / Н. С. Кравець // Вісник Харківської державної академії культури. Серія : Соціальні комунікації. – 2017. – Вип. 50. – С. 198-206.
2. Мазелис А.Л. Геймификация в электронном обучении // Территория новых возможностей. – 2013. – № 3 (21). – С. 139-142.
3. Ткаченко О. Гейміфікація освіти: формальний і неформальний простір / О. Ткаченко // Актуальні питання гуманітарних наук. – 2015. – Вип. 11. – С. 303-309.
4. Kapp K.M. The gamification of learning and instruction: game-based methods and strategies for training and education. John Wiley & Sons, 2012.
5. Werbach K. Gamification // Coursera. URL: <https://class.coursera.org/gamification-002/> lecture. 6. Zichermann G., Linder J. Game-based marketing: inspire customer loyalty through rewards, challenges, and contests. – John Wiley & Sons, 2010.

PHILOLOGICAL SCIENCES

CONSTRUCTIONS WITH MODAL VERBS CHCHAN, AND KHAN

Kakvaeva S.

*Ph.D., doctoral student, Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Dagestan State University, Makhachkala*

КОНСТРУКЦИИ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ ЧЧАН, И ХХАН

Какваева С.Б.

*к.ф.н., докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Дагестанского государственного университета, г. Махачкала*

Abstract

The article discusses the modal verbs chchan 'want' and khan 'seem', which form native constructions with the subject in the dative.

Аннотация

В статье рассматриваются модальные глаголы ччан 'хотеть' и ххан 'казаться', которые образуют дативные конструкции с субъектом в дативе.

Keywords. Modal verbs, dependent infinitive, nominative, sentimental actant, participial construction.

Ключевые слова. Модальные глаголы, зависимый инфинитив, номинатив, сенценциальный актант, причастная конструкция.

Модальные глаголы ччан 'хотеть' и ххан 'казаться' образуют дативные конструкции с субъектом в дативе. При глаголе ччан употребляется зависимый инфинитив при кореферентном субъекте – составное глагольное сказуемое (1). При отсутствии кореферентности предикатов, образуется сложное предложение с зависимым сенценциальным актантом (2):

(1) Ттун (датив) Гъумукун гъан ччай бур 'Мне хочется поехать в Кумух' – составное сказуемое с зависимым инфинитивом (при зависимом инфинитиве связка принимает форму 3 кл.)

(2) [Ттун (датив) [ина (номинатив) шаппа бавц1уну (деепр.)] ччай бур]] 'Мне хочется, чтобы ты осталась дома' – зависимый актант, выраженный деепричастной конструкцией с собственным субъектом).

При глаголе ххан 'казаться' возможен только сенценциальный актант с объектным значением, выраженный обычно причастной конструкцией:

(3) [Ттун (датив) [та (номинатив) Гъумукун лавгсса (прич.)] ххай бур]] (3 кл. 3 л.) 'Мне кажется, что он поехал в Кумух'.

Эти конструкции допускают номинативную трансформацию:

(11) На (1 л., 1 кл.) Гъумукун гъан ччай ура (1 л., 1 кл.) 'Я хочу поехать в Кумух'. Интересно, что в русском языке более употребителен двусоставный вариант конструкции, выражающий активное желание (хочу), а в лакском – дативная конструкция, выражающая пассивное желание (хочется).

Номинативная трансформация возможна и с конструкцией с глаголом ххан 'казаться':

(31) На (номинатив, 1 л., 1 кл.) [та Гъумукун лавгсса] ххай ура (1 кл. 1 л.) 'Я полагаю, что он поехал в Кумух' – Возможно, и в этом варианте представление говорящего является более определённым.

Модальные глаголы буюхъан 'мочь' и хъун 'суметь' в сочетании с инфинитивом основного глагола образуют особую конструкцию, в которой субъект выражается аблативом (показатель –ща):

(4) Ттуца (аблатив) ц1ана вин кумаг бан буюхълай бур (3 кл.) 'Я сейчас могу тебе помочь'. Возможна номинативная трансформация, при которой возможность представляется реально осуществляемой:

(41) На (номинатив1 кл. 1 л.) ц1ана вин кумаг бан буюхълай ура (1 кл. 1 л.) 'Я сейчас способен тебе помочь'.

Этот же падеж употребляется для обозначения субъекта непреднамеренного действия. При этом могут быть сопоставлены три конструкции: номинативная (обозначение события) – эргативная (активное действие) – ненамеренное действие-событие:

(5) Урша гъавгъунни 'Кувшин разбился' – (51) На (1л., 1 кл.) урша гъагъав (1 л.) 'Я разбила кувшин' – Ттуца урша гъавгъунни 'У меня (букв. от меня) разбился кувшин'.

Случай (5), на наш взгляд, тоже находится в поле залоговости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдуллаев И.Х. Лакский язык в историко-сравнительном освещении. – Махачкала, 2010.
2. Абдуллаев И.Х. Обратный словообразовательно-морфемный словарь лакского языка. – Махачкала, 2014.
3. Абдуллаев И.Х. Лакско-русский словарь. – Махачкала, 2018
4. Абдуллаев И.Х., Эльдарова Р.Г. Вопросы лексики и словообразования лакского языка. – Махачкала, 2003.
5. Бурчуладзе Г.Т. Лакский глагол. Тбилиси, 1987 (на груз. яз., резюме на рус.яз.).

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

USE OF MEDIATIVE APPROACH AS A METHOD OF PROVIDING FREE LEGAL ASSISTANCE AND PRE-JUDICIAL RESOLUTION OF CONFLICTS IN STUDENT ENVIRONMENT

Turova O.

*Ministry of labor, social development and employment of the Republic of Altai,
deputy minister, master's student of "Gorno-Altai state university",*

Gorno-Altai

Gonokhova T.

*candidate of biology sciences, Assoc.,
of the "Gorno-Altai state university", Gorno-Altai*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИАТИВНОГО ПОДХОДА, КАК СПОСОБА ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ДОСУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Турова О.В.

*Министерство труда, социального развития и занятости населения Республики Алтай,
заместитель министра, магистрант ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский
государственный университет», г. Горно-Алтайск*

Гонохова Т.А.

*канд. биол. наук, доц., ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский
государственный университет»,
г. Горно-Алтайск*

Abstract

The article discusses the management of conflict situations in the student community and the provision of free legal assistance by mediation services in order to resolve disputes. Attention is focused on the use of mediation technologies that contribute to the constructive resolution of disputes and disagreements among young people, enable conflict participants to feel psychological security, and also form a person's resistance to adverse external and internal environmental influences. The use of mediation for preventive purposes contributes to the constructive resolution of disputes and disagreements among young people.

Аннотация

В статье рассматривается управление конфликтными ситуациями в студенческой среде и оказание бесплатной юридической помощи службами медиации с целью разрешения споров. Акцентируется внимание на использовании медиативных технологий, способствующих конструктивному разрешению возникающих споров и разногласий среди молодежи, дают возможность участникам конфликта почувствовать психологическую защищенность, а также формируют устойчивость человека к неблагоприятным внешним и внутренним воздействиям среды. Применения медиации в профилактических целях способствует конструктивному разрешению возникающих споров и разногласий среди молодежи.

Keywords: free legal aid, mediation approach, mediation, students, conflict situation, mediator.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, медиативный подход, медиация, студенческая молодежь, конфликтная ситуация, медиатор.

Сегодня бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации оказывается в рамках федерального и регионального законодательства. Федеральный закон № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» установил общие рамки для развития государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи на территории Российской Федерации, предоставив достаточно широкие полномочия в рассматриваемой сфере региональным властям. Это проявляется и в том, что, несмотря на определение видов юридической помощи, федеральный законодатель установил не закрытый перечень, а предоставил право оказывать бесплатную юридическую помощь в иных, не запрещенных законодательством Российской Федерации видах [7]. До

принятия Закона «О бесплатной юридической помощи» был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» (процедуре медиации) [8], который дал легальное оформление новому для России явлению — медиации.

Закон о медиации определил условия для интеграции медиации в российскую правовую культуру. Законодатель институализировал процедуру медиации как легитимный способ урегулирования правовых споров, что является основанием для ее дальнейшего применения в различных сферах юридической деятельности» [8].

Под процедурой медиации понимается способ урегулирования конфликтов при содействии медиатора (независимое лицо либо независимые лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в

урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора) на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Цель медиации – содействовать способности участников спора урегулировать свой конфликт самостоятельно, к взаимному удовлетворению и к обоюдной пользе. Эффективность подобного урегулирования достигается благодаря раскрытию в спорящих сторонах способности к кооперации и коммуникации, за счет целенаправленных действий, ориентированных на будущее решение проблемы, которое позволит сэкономить участникам спора время, эмоциональные ресурсы [2].

Закон о медиации позволяет проводить процедуру медиации двум группам медиаторов (осуществляющих деятельность на профессиональной основе и осуществляющих деятельность на непрофессиональной основе), предъявляя к ним разные требования. Медиатором на непрофессиональной основе могут быть лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости (ст. 15 Закона о медиации). Медиаторами, осуществляющими деятельность на профессиональной основе, являются лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов (ст. 16 Закона о медиации) [8].

Включение медиации в разновидности бесплатной юридической помощи создает условия для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечения доступа граждан к правосудию. Кроме того, такой подход будет способствовать распространению медиации как альтернативного способа урегулирования правовых споров.

Критерии, которые установлены для получения бесплатной юридической помощи законом, могут не применяться при включении медиации в разновидности бесплатной юридической помощи на начальных этапах.

Медиация проводится для урегулирования возникшего правового спора. С этой позиции конечная цель медиации — обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан.

Если рассматривать юридическую помощь как действия, направленные на разрешение правовых проблем граждан (в том числе связанных с доступом к правосудию), то медиацию можно включить в число видов юридической помощи. В связи с большим разнообразием видов медиации полагаем возможным отнести к юридической помощи только медиацию, проводимую по правовым спорам, т. е. медиацию, подпадающей под сферу действия Закона о медиации.

Возрастающая сложность, комплексный характер правоотношений, являющихся предметом спора, могут явиться причиной неправильного определения круга участников правового спора, а вследствие этого и участников медиации. Достигнутое в результате такой процедуры соглашение будет противоречить закону в связи с тем, что будут затронуты права и интересы третьих лиц [5].

Поскольку процедура медиации строится на основе принципа добровольности и само медиативное соглашение, достигнутое в ходе проведения медиации, исполняется сторонами добровольно, полагаем важным, чтобы участники медиации отчетливо понимали смысл, правовое значение и последствия заключенного ими соглашения.

Проведение медиации по правовым спорам требует от медиатора, помимо знаний в области коммуникации, конфликт-анализа, переговорных технологий, еще и специальных познаний в области права [2].

Автономные учреждения Республики Алтай «Комплексный центр социального обслуживания населения» (далее – Комплексный центр) является государственным учреждением, подведомственным Министерству труда, социального развития и занятости населения Республики Алтай. Комплексным центром организована работа по досудебному разрешению конфликтов, путем создания служб медиации.

Специалистами Комплексного центра проводятся занятия по медиации для обучающихся и студентов. Основная цель занятий - обучение молодежи конструктивному социальному взаимодействию.

Программа включает тренинговые занятия, которые позволяют молодежи получить не только теоретические, но и практические знания и навыки по конструктивному взаимодействию, по разрешению конфликтных ситуаций, а также помогает развить коммуникативные навыки. В ходе занятий молодежь достигает поставленных целей: приобретает навыки по управлению эмоциями, формированию базовых знаний о медиации, иных альтернативных способах разрешения споров, управлению конфликтом, процедуре медиации, приобретает практические навыки участия в процедуре медиации в качестве медиатора.

По итогам всех занятий проводится зачет в форме ролевой игры, на котором оцениваются полученные знания каждого участника. Участники, успешно справившиеся с заданиями, получают сертификаты о прохождении обучения по программе: «Восстановительный подход разрешения конфликтных ситуаций».

Комплексным центром проводится активная работа по организации оздоровительной кампании детей и молодежи, находящихся в трудной жизненной ситуации, в оздоровительных лагерях и санаторно-курортных учреждениях.

Специалистами учреждения проводится профильная смена «Страна мира» в рамках реализации проекта в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина «Доступная медиация». Смена направлена на распространение применения медиативных технологий в образовательной среде путем обучения молодежи навыкам посреднической деятельности при разрешении конфликта.

Результаты использования практики посредничества в урегулировании конфликтных ситуаций ведут к сокращению проявлений насилия в учебных заведениях, ослаблению агрессивного духа в студенческой среде, сокращению проявлений ван-

дализма, лояльность студентов, повышению успеваемости, сокращению прогулов, полноценному использованию педагогами учебного времени.

Медиатор не является ни следователем, ни адвокатом, ни прокурором, ни судьей, ни учителем, ни советчиком. Медиатор – нейтральный посредник, помогающий урегулировать конфликтующий диалог между сторонами, по поводу возможного разрешения спора и в равной степени поддерживающий их в этом. Медиатор не несет ответственности за примирение сторон или выработку ими решения, поскольку это ответственность сторон.

Медиатором может быть лицо, не имеющее юридического образования. Медиатору, являющемуся юристом, иногда довольно трудно, выслушав историю конфликта спорящих сторон, удержаться от того, чтобы не разъяснить содержание правовых норм по данной проблеме. Медиатор должен создать условия для переговоров и помочь сторонам конфликта осознать их настоящие интересы, а также сформулировать предложения по его урегулированию. В роли медиатора может выступать и преподаватель, который, с одной стороны, следит за соблюдением общих условий ведения процедуры (регламент), выработанных участниками спора в самом начале медиации, и с другой стороны, делает «невысказанные» мотивы сторон осознаваемыми, доступными для понимания, обсуждаемыми. Медиатор отвечает за то, чтобы участники поняли предлагаемый им способ выхода из конфликтующей ситуации и сделали осознанный выбор – воспользоваться им или нет. Медиатор также отвечает за то, чтобы на встрече были созданы максимальные условия для взаимопонимания и примирения.

Медиатор призван обнаружить и сделать прозрачными специфические, постоянно встречающиеся дисфункциональные модели взаимодействия участников. При этом соблюдаются основные принципы проведения медиации:

принцип добровольности (она не осуществляется в результате принудительных и обязывающих действий);

принцип конфиденциальности (медиатор не имеет права разглашать информацию);

принцип открытости (прозрачности);

принцип нейтральности (беспристрастности);

принцип равноправия и равенства сторон [5].

Медиатор активизирует способности людей решать проблемы и выходить из затруднительных ситуаций, налаживает связи между конфликтующими сторонами. И тем самым способствует снижению склонности молодежи к девиантным формам поведения [4].

В Комплексном центре организуются и проводятся курсы повышения квалификации по программе «Медиация в образовании».

Программа курсов повышения квалификации направлена на формирование у слушателей базовых знаний о медиации, иных альтернативных способах разрешения споров, управлении конфликтом, процедуре медиации. В ходе прохождения обучения специалисты получают практические навыки участия в процедуре медиации в качестве медиатора, также навыки по применению медиативного

подхода для предотвращения возникновения и урегулирования конфликтов в образовательной среде. Полученные знания, умения и навыки позволят вести деятельность в качестве медиатора, куратора службы медиации, а также применять в профессиональной деятельности.

Конечный результат медиации – улучшения отношений между конфликтующими сторонами. Из комплекса причин эффективности медиации главным фактором будет желание сторон совместно решить конфликт.

Процесс медиации является результативным разрешением споров и конфликтных ситуаций, преимущество медиации – это уважение к личности, добровольное участие и волеизъявление, свобода выбора и принятия решений, возможности защиты и удовлетворения интересов всех конфликтующих сторон при условии предоставления им равных прав.

Широко практикуется медиация, проводимая службами медиации. В сферу деятельности таких служб входит медиация по уголовным делам, а также по гражданско-правовым спорам, если хотя бы одной из сторон такого спора является физическое лицо. Службы медиации действуют на территории всей страны.

В настоящее время метод медиации широко применяется в решении конфликтов в учебных заведениях. Студенческая служба медиации – это команда студентов и взрослых, которая транслирует в учебных заведениях определённые ценности конструктивного взаимодействия.

Медиация создает условия для разрешения конфликтов, возникающих в учебных заведениях, без посторонней помощи. Она благотворно влияет на становление личности студента, что создает условия для воспитания поколения людей, не просто умеющих цивилизованно себя вести, знать правовые нормы, но и менее подверженных агрессивным формам поведения [1].

Студенчество, являясь частью молодежи, представляет собой особую социальную группу, характеризующуюся специфическими условиями жизни, социальным поведением и образом жизни. Социальное поведение студенческой молодежи в России обусловлено противоречивостью сложившейся ситуации. С одной стороны, оно формируется при серьезном ослаблении влияния государства, расширении прав и гражданских инициатив граждан. В такой обстановке студенчество в целом проявляет себя как социальный слой общества, способный учитывать изменяющиеся обстоятельства современной жизни и в соответствии с этим выбирать тип поведения, стиль жизни, соотнося их со своими интересами, получаемой профессией, жизненным опытом. С другой стороны, на студенческую молодежь оказывают влияние различные факторы, например неравные возможности и положение студентов, острая дифференциация социально-экономических условий жизни и учебы [4].

В силу сложного характера поведенческих реакций молодежи, их предупреждение и предотвращение требует хорошо организованной системы социальных воздействий и внедрение инновационных технологий в работу с молодежью [6]. К числу

таких инновационных технологий можно отнести медиативные технологии.

Развитие института медиации в учебных заведениях связано с оценками ее использования. Оценки использования медиативной практики в учебных заведениях послужат призмой, сквозь которую необходимо смотреть на развитие нового способа разрешения конфликтных ситуаций в образовательной среде.

В ходе медиации могут возникать разные воспитательные эффекты, например:

- студенты начинают строить коммуникацию, слышать себя и другого; студенты начинают понимать и принимать свои чувства и чувства других участников ситуации (такие, как стыд, страх, обида, злость и пр.), высказывать в корректной форме свои чувства, называть их, избавляться от их негативного влияния;

- студенты в ходе медиации учатся принимать на себя ответственность (за исправление всех негативных последствий своего поступка);

- учатся анализу (рефлексии) произошедшего события с разных точек зрения и разных позиций; планирование студентом своего будущего и поиск поддерживающего окружения; студент вступает во взрослые, ответственные отношения с людьми (с родителями, другими участниками конфликта, друзьями);

- студент больше узнаёт о жизни, о других людях (кто что любит, чем интересуется, что для кого представляется значимым и что беспокоит) и часто раскрывается сам, устанавливая неформальные отношения;

- для студента становятся значимыми такие ценности, как уважение и внимание к другому, управление своей жизнью.

Медиативный подход в разрешении конфликтных ситуаций позволяет студентам приобрести:

- социальные знания в области общественных норм и правил поведения в социуме;

- научиться разрешать разнонаправленные конфликты, возникающие в образовательной среде;

- вести просветительскую работу среди студентов (волонтерская деятельность);

- координировать действия по распространению знаний о медиации в студенческой среде;

- предотвращать возникновение конфликтов и их эскалацию;

- самостоятельно использовать медиативный подход в коррекционной и профилактической работе со студентами.

Следовательно, в процессе своей работы медиатор должен учитывать достаточно большое количество факторов, от которых может зависеть эффективность [5].

Воспитательная работа должна вестись постоянно. При этом предполагается, что число обращений к посреднику должно уменьшаться. Увеличение числа таких обращений свидетельствует о том, что конфликты путём переговоров студенты готовы решать чаще [9].

Результат применения технологии медиации среди студентов проявляется в том, что в последу-

ющем участники конфликта готовы проанализировать ситуацию и начать искать конструктивные выходы из неё. В результате такой систематической работы, студентов уже не надо запугивать административной, чтобы он остановился и задумался о совершённом им поступке. Теперь для анализа ситуации и рефлексии ему уже не нужна помощь посредника. Он может сам проанализировать случившееся, подойти к другому, поговорить и уладить проблему.

Медиация выступает развитием коммуникативного потенциала студентов, включающего умения высказывать и отстаивать свою собственную точку зрения, овладение навыками бесконфликтного взаимодействия, способность выстраивать отношения и вести общение в различных социальных контекстах с людьми независимо от возраста, социального статуса, этнического происхождения, ценностных ориентаций и других признаков. Таким образом, медиативный подход выступает как новый подход к разрешению и предотвращению конфликтных ситуаций и одновременно является эффективной методикой разрешения споров и управления конфликтными ситуациями, возникающими в студенческой среде [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аболонин, В.О. Медиация и высшее образование. / Судебная медиация: теория - практика - перспективы Книга 6. / В.О. Аболонин - М., 2014. - 408 с.
2. Загайнова С.К., Тарасов Н.Н. Медиация в практике нотариуса. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
3. Карнышев А.Д. Очерки социальной психологии. Иркутск: Изд-во ИГУ: БГУ, 1998. 325 с.
4. Лаврищев, М.П. Причины девиантного поведения молодежи в современном обществе. Извещения высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. / М.П. Лаврищев, 2010. №3. с. 72-74.
5. Медиация в России: от слов к делу. Материалы второй международной конференции. Медиация. Альтернативные методы разрешения споров, и их значение в совершенствовании деловой и корпоративной этики. - М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования (МЦУПК), 2014.- 134 с.
6. Смоленцева, А.Ю. Социальные конфликты в высшей школе в условиях перехода к рыночной экономике: Диссертация. / А.Ю. Смоленцева, М., 1998. - 180 с.
7. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // «Парламентская газета», № 50, 24.11—01.12.2011.
8. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013), (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // «Собрание законодательства РФ», — 02.08.2010, — № 31, — ст. 4162.
9. Черкасова, Т.В. Социальные конфликты в молодежной среде: Диссертация канд. соц. наук./ Т.В. Черкасова, Уфа, 1997. - 170 с.

SOCIAL SCIENCES

HEALTHY LIFESTYLE IN MODERN RUSSIA: INSTITUTIONAL ANALYSIS

Krul A.S.

*PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of socio-economic sciences and humanities,
Bashkir State Agrarian University, Ufa (Russia)*

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Круль А.С.

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Бакирский государственный аграрный университет,
г. Уфа (Россия)*

Abstract

The article presents the results of a study of the current public health system in Russian society in terms of social practices that are based on an institutional analysis of the healthy lifestyle of Russians. On the one hand, the health care system is represented by formal organizations that are called upon to fulfill social functions and tasks, on the other hand, real social actions and action systems are ignored or not performed by these tasks, thus not achieving the set goals and not fulfilling the required declared functions. For example, about the existing contradiction between the healthcare system, the model of managing the healthcare system and the implementation of social policy institutions in the field of healthcare and the social practices of a healthy lifestyle among the population. The author presents comprehensive sociological studies conducted in the period from 2016 to 2017 (survey, expert survey, analysis of static documents), as well as the results of studies conducted by Levada Center (2014). The research results showed the main components of the healthcare system of modern Russian society, which describe prevention as a form of social policy and implemented as social practices strategies for the behavior of individuals in the healthy lifestyle system, identified, as well as the main components of the healthy lifestyle social institution. The main factors that shape individual behavior strategies within the health care system are determined by the immediate environment - family, educational institutions, and close friends. The formal components of the health system, namely medical organizations and professional workers, play a much smaller role. We can conclude that it is necessary to reorient the healthcare system to other areas of social life - the family, educational organizations, which are real platforms for social healthy lifestyle practices in modern Russia.

Аннотация

В статье представлены результаты исследования сложившейся в российском обществе в настоящей момент системы здравоохранения с точки зрения социальных практик, которые основаны на институциональном анализе здорового образа жизни россиян. С одной стороны система здравоохранения представлена формальными организациями, которые призваны выполнять общественные функции и задачи, с другой реальными социальными действиями и системами действий могут данные задачи игнорировать или не выполнять, не достигая, таким образом, поставленных целей и не выполняя необходимых заявленных функций. Можно говорить к примеру о существующем противоречии между системой здравоохранения, моделью управления системой здравоохранения и реализацией институтов социальной политики в области здравоохранения и социальными практиками здорового образа жизни у населения. В работе представлены авторские комплексные социологические исследования, проведенные в период с 2016 по 2017 гг (опрос, экспертный опрос, анализ статических документов), а также результаты исследований, проведенных ВЦИОМ, «Левада-центр» (2014 г.). Результаты исследований показали основные компоненты системы здравоохранения современного российского общества, которые описывают профилактику как форму социальной политики и реализованные в качестве социальных практик стратегии поведения индивидов в системе ЗОЖ, определены, а также основные компоненты социального института ЗОЖ. Основными факторами, которые формируют стратегии поведения индивидов в рамках системы здравоохранения определяются ближайшим окружением – семьей, образовательными учреждениями, близким кругом друзей. Формальные компоненты системы здравоохранения, а именно медицинские организации и профессиональные работники играют значительно меньшую роль. Можно сделать вывод о необходимости переориентирования системы здравоохранения и на другие сферы социальной жизни – семья, образовательные организации, которые являются реальными площадками для социальных практик ЗОЖ в современной России.

Keywords: social institutions, social policy, healthcare, health, healthy lifestyle, health-saving technologies, healthcare system.

Ключевые слова: социальные институты, социальная политика, здравоохранение, здоровье, здоровый образ жизни, здоровьесберегающие технологии, система здравоохранения.

С точки зрения институционального анализа любые социальные практики оформляются и реализуются в достаточной степени, когда сформирован тот или иной компонент социального института любой социальной подсистемы. Фундаментальные социальные практики определяющие действия индивидов реализуются на базе социальных организаций, специально созданных площадок взаимодействия, которые и определяются институционализацию того или иного социального явления. От формализованности последнего зависят модели и стратегии социальных взаимодействий индивидов и одной из задач настоящей работы является определение степени сформированности некоторых социальных практик профилактики в области здравоохранения и здорового образа жизни.

ЗОЖ как социальный институт включает в себя следующие социальные практики: соблюдение физиологически оптимального режима труда, отдыха, рациональное питание, достаточный уровень физической активности, соблюдение правил личной и общественной гигиены, охрана окружающей среды, полезные для личности формы досуга, соблюдение правил психогигиены. Но это составляющие универсального характера, а наполнение или содержание таких практик может сильно отличаться в разных социальных системах. Определить содержательную составляющую практик здорового образа жизни можно с помощью комплексных социологических исследований, сбора социальной информации и последующего анализа.

Институциональный подход к здравоохране-

нию основывается на идеях классических представителей структурного функционализма Р. Мертон, Т. Парсонса [4;9].

С точки зрения институционального подхода здравоохранение рассматривается как «объединение профессионально подготовленных людей, имеющих преимущественно медицинское образование, созданное с целью укрепления и поддержания общественного здоровья, деятельность которого регулируется социальными нормами» [15].

Следует разделять институты политики в области здравоохранения, к которым будет относиться вся система учреждений, социальных площадок целенаправленно реализующих здоровьесберегающие стратегии и модели поведения субъектов и реализуемые социальные практики здорового образа жизни. Это комплексное явление, которое нельзя в итоге рассматривать отдельно, вместе они составляют институты здоровья в обществе. Но это разные компоненты института ЗОЖ, так как функционирование и природа формирования таких явлений различна. В широком смысле здравоохранение относят к социальным системам, поскольку его основными элементами являются люди, их норма и связи. Иными словами, здравоохранение можно рассматривать, исходя из посыла Т. Парсонса, как «систему социального взаимодействия множества индивидов», а не просто систему оказания профессиональной медико-санитарной помощи [12].

В целом, можно представить компоненты социального института здорового образа жизни следующим образом (таблица 1):

Таблица 1

Структурные компоненты ЗОЖ и здравоохранения как социального института

Социально-коммуникативная подсистема (Т.Парсонс)	Здравоохранения и ЗОЖ как социальный институт: структура	Компоненты ЗОЖ и здравоохранения	Проявление компонентов
Личность, политика	Модели и стратегии поведения в области сохранения здоровья - способы воздействия на окружение, которые позволяют получить необходимый результат	Система здравоохранения	Функционирование сформированной системы учреждений (лечебные учреждения, профилактические учреждения, аптечная сеть, финансирование и др.). Функция: целедостижение
Адаптация, экономика	Ресурсное обеспечение здоровья - способы приспособления к условиям окружающей среды	Окружающая среда	Окружение, экологическая среда (квартира, улицы, транспорт, природа и т.д.). Функция: адаптация
Общество, социальный контроль	Неформальная социальная среда здорового образа жизни – стабилизация и координация действий	Неформальное социальное окружение	Режим жизни (труд и отдых, сон и бодрствование, ритмичность в работе, ближнее социальное окружение) Функция: контроль
Культура, идеология	Система ценностей, определяющая отношение к здоровью и здоровому образу жизни - способы сохранения здоровья, поддержание его равновесия	Ценностная система	Определение значимых приоритетов личности в отношении к здоровью и здоровьесберегающему поведению

Определенные компоненты позволяют провести комплексный социологический институциональный анализ практик здравоохранения, здоровьесберегающего поведения и здорового образа

жизни. Представим результаты исследования каждого из компонентов.

Система здравоохранения представлена функционированием сформированной системы учреждений (лечебные учреждения, профилактические

учреждения, аптечная сеть, финансирование и др.). Проведенные исследования показали, что учреждения системы здравоохранения существуют, функционируют, но некоторые, важные и необходимые, компоненты функционирования системы здравоохранения, к примеру, система формальных мер по профилактике в области здравоохранения. На законодательном уровне не разработан документ о стратегии профилактики в области здравоохранения, тем не менее, по мнению 75 % экспертов, принявших участие в опросе, совокупность мероприятий по профилактике в области здравоохранения объединена единой стратегией. Если провести анализ квалификации руководителей и медицинских работников системы здравоохранения, которые непосредственно реализуют функции института ЗОЖ, от уровня знаний, умений и навыков которых, то есть профессиональной компетентности будет зависеть качество профессиональной деятельности. Повседневные действия непосредственных агентов института ЗОЖ (руководители и медицинские работники) определяются, в том числе и уровнем профессиональных знаний, умений и навыков. В целом опрошенные нами эксперты склонны достаточно высоко оценивать уровень компетентности в рассматриваемых вопросах.

Повседневные профессиональные действия руководителей и медицинских работников сферы здравоохранения характеризуется также и такими признаками как самообразование и самоактивность. В самообразование так или иначе вовлечено 75% опрошенных экспертов, которые читают общую литературу по профессиональным вопросам. Как выяснилось в ходе опроса, специализированную литературу читает половина экспертов, о методах работы с населением – лишь треть опрошенных.

Консультации по вопросам отказа от вредных привычек также имеют большое значение в профилактике заболеваний и реализации практик ЗОЖ. С одной стороны, существуют Центры здоровья, деятельность которых направлена на выяснение факторов риска здоровью населения. Анализ функционирования деятельности Башкирского центра медицинской профилактики и Уфимского городского центра медицинской профилактики показал, что чаще всего деятельность центров сводится к методическо-издательской деятельности по распространению листовок, брошюр и памяток о здоровом образе жизни. В Центрах здоровья, возможно, получить консультацию по данным вопросам в рамках медицинских осмотров, но профессиональная квалификация работников данных учреждений низка: лишь 15% опрошенных экспертов отметили, что консультируют по вопросам отказа от вредных привычек. Конечно, основой консультаций данного типа должно быть не только понимание медицинского механизма зависимостей, но и социально-экономических условий формирования вредных привычек.

Оценивая такой компонент социального института ЗОЖ как окружающая среда, интересно представить следующие результаты.

Формирование гигиенической культуры населения (выступает в том числе и в качестве осознание работниками системы здравоохранения социальной функции их деятельности) определяется системой повседневных практик бережного отношения и ответственности за здоровье. Осознают данную социальную функцию только 10% опрошенных экспертов. Первые позиции в проблемах, волнующих экспертов и население в Республике Башкортостан занимают здоровье, жилищные условия и материальное положение. Для мужчин-экспертов специфично выделение экологических проблем, которые в рамках исследуемой темы приобретают актуальное значение вследствие их влияния на формирование и поддержание здоровья человека. В разрезе возраста проблемы здоровья волнуют в большей степени взрослое поколение в возрастных границах 45-54 года и старше 65 лет. В меньшей степени они волнуют молодежь в возрасте до 24 лет.

Осознание населением влияния факторов риска является ключевым индикатором ответственного отношения к профилактике здоровья, служит основой формирования паттернов в выборе путей лечения различных заболеваний и также определяет неформальные социальные практики института ЗОЖ и окружающую среду. ВОЗ определяет фактор риска как «какое-либо свойство или особенность человека, или какое-либо воздействие на него, повышающие вероятность развития болезни или травмы» [13]. Оценка населением факторов риска здоровья выявила, что первостепенное значение в негативном воздействии на здоровье играет такой фактор как стресс (29,8 % опрошенных выборки 1) (Диаграмма 4). Следующими по уровню актуальности стали курение (20,1%), алкоголизм (20%) и неправильное питание (18%). Эксперты считают, что наиболее опасными факторами риска здоровья являются курение и алкоголизм (28,9% и 25,1%). Следующие позиции по степени убывания заняли: стресс, повышенное содержание холестерина в крови, низкая физическая активность, неправильное питание, плохая экология.

Основные причины заботы/незаботы о здоровье: «Что имеем, не храним, потерявши плачем...» – так можно охарактеризовать причины заботы о здоровье: 33,3% мужчин и 41,4% женщин (выборка 1), 50% мужчин (выборка 2) заботятся о здоровье только после его ухудшения. Актуальная в рамках данной работы причина заботы о здоровье – воздействие медицинской информации – оказывает влияние только на малую часть женщин обеих выборок. Анализ данных показывает, что эти женщины старше 55 лет. Связываем данное обстоятельство с тем, что пенсия как жизненная стадия, на которой они находятся, высвобождает время и внимание для восприятия медицинской информации. Существует некоторое количество респондентов, которые открыто заявляют, что не заботятся о здоровье. 55,5% мужчин от числа заявивших, считают, что никакие заботы не гарантируют хорошего здоровья, 42,9% опрошенным женщинам не хватает силы воли, и что очень важно – пятая часть. Основным

источником населения для получения информации о здоровье стали поисковые системы в Интернете (36,5%), затем телевидение (35,1%), члены семьи (32,5%), сотрудники медучреждений (31,1%), социальные сети и тематические сайты в Интернете (по 23%), листовки, брошюры (8,1%), социальная реклама (6,8%), а также санбюллетени и мероприятия, посвященные охране и укреплению здоровья (2,7%) и т.д. Школы Здоровья наряду с религиозными организациями практически не использовались респондентами для получения информации. Эксперты, используя административный ресурс, заявляют, что чаще всего в качестве источника информации о здоровье населения используют персонал медицинских учреждений, в частности врачей, а также санбюллетени. Пятая часть опрошенных экспертов используют в качестве источника информации «Школу здоровья», поисковые системы в Интернете, а также листовки, брошюры. Таким образом, можно сказать, что в современном обществе ближайшее социальное окружение человека в меньшей степени транслирует знания о здоровье, информационные технологии определяют качество и скорость получения данной информации.

В ходе исследования был выявлен низкий уровень знаний населения о предупреждении заболеваний. Среди знающих, как предупредить болезни выше доля лиц с высшим образованием. Половина опрошенного населения демонстрирует осведомленность по таким заболеваниям, как ожирение (50,2%), остеохондроз (48,2%), а также сахарный диабет (46,3%). Субъективные оценки смещаются в сторону сомнения о способах предупреждения заболеваний при ответе о таких заболеваниях как аллергия, рак и болезни сердца. Такое незнание представляет наибольшую опасность, поскольку рак и болезни сердца занимают первые места в структуре смертности населения.

Весьма наглядно такой компонент социального института ЗОЖ как социальные практики и неформальное социальное окружения характеризуют меры, которые граждане применяют в отношении своего здоровья. В исследовании проведенного авторами был рассмотрен один из аспектов образа жизни индивида – медицинская активность. Наиболее важным показателем медицинской активности является своевременное обращение за медицинской помощью в случае заболевания.

Стратегия обращения за медицинской помощью различается у мужчин и женщин. Почти половина женщин более склонна обращаться, когда в течение нескольких дней плохо себя чувствует (46,2%), половина опрошенных мужчин обращаются только в случае тяжелой болезни. Это связано с тем, что у мужчин более завышенная самооценка здоровья, чем у женщин.

Важен анализ социальных практик сохранения и укрепления своего здоровья. Так и в нашем опросе были заданы вопросы об основных оздоровительных мероприятиях респондентов. На вопрос "Что Вы делаете для сохранения и укрепления своего здоровья?" каждый второй анкетированный ответил, что не курит; каждый третий - не употребляет

спиртное и следит за своим питанием; каждый четвертый – регулярно занимается физической культурой и спортом и своевременно обращается за медицинской помощью и т.д. Виды деятельности по сохранению и укреплению своего здоровья несколько отличаются среди мужчин и женщин: избегают курения 35,3% мужчин и 47,2% женщин; не употребляют спиртное 28,2% мужчин и 36,2% женщин; правильно питаются соответственно 22,4% и 33,8%. Своевременно обращаются за медицинской помощью больше женщин (26,7%), чем мужчин. За своими эмоциями следят примерно одинаковое количество мужчин (15,9%) и женщин (16,6%). Обращает внимание следующее обстоятельство: 11, 6% населения ничего не делают для профилактики своего здоровья. Было выявлено, что чем выше возраст и уровень образования, тем больше практических мероприятий по профилактике своего здоровья выполняют респонденты.

В авторском исследовании было выявлено, что 57% опрошенных проходили полное диспансерное обследование. Однако мнение респондентов об эффективности диспансеризации неоднозначны. Население склонно оценивать эффективность диспансеризации ниже, чем эксперты. Так, большая часть населения (52,8 %) считают, что диспансеризация не эффективна или скорее не эффективна против 32,9% опрошенных экспертов. Общий уровень удовлетворенности результатами диспансеризации следующий: большинство респондентов (61 %) итоги скорее не устраивают, при этом 21,7 % высказались о пройденной диспансеризации абсолютно негативно. Полностью удовлетворены результатом были всего 13,3 %, скорее удовлетворены 24 %. При этом мужчины больше не удовлетворены результатами обследования, чем женщины. Среди экспертов в целом тоже наблюдается неудовлетворенность результатами диспансеризации. 52,6% опрошенных мужчин и 42,1 опрошенных женщин утверждают, что лечебных и диагностических предписаний врача не было получено.

Каковы общие социальные практики в области охраны здоровья? У мужчин (выборка 1) на первом месте – пример собственных родителей, затем следуют в порядке убывания – распространения социальной рекламы, активное освещение в СМИ людей, ведущих ЗОЖ, воспитательная работа в школах, разъяснительная работа среди родителей о формировании мотивации у детей на здоровый образ жизни, разъяснительная работа медицинского персонала медицинских учреждений. У женщин (выборка 1) на первом месте – введение в школьную программу предмета о здоровье, потом следуют – пример собственных родителей, разъяснительная работа медицинского персонала медицинских учреждений, воспитательная работа в школах. У экспертов высока оценка роли медицинского персонала медицинских учреждений. К анализу социальных практик можно отнести и практики занятия спортом. Регулярно (не реже 2–3 раз в неделю) занимаются физкультурой и спортом всего 16,9%

населения. Эта доля значительно колеблется в зависимости от возраста: в возрастных группах после 30 и особенно после 40 лет наблюдается существенное сокращение доли тех, кто регулярно занимается спортом (35–44 лет – 19,6%, 45–54 лет – 12,4 и 55–65 лет – 10,8%).

Такой важный компонент как ценностный в социальном институте ЗОЖ можно охарактеризовать после анализа современного понятия здоровья, которое уже сейчас носит системный и комплексный характер. Можно говорить о множестве подходов к определению здоровья: – психологическое здоровье (комплекс социально-психологических характеристик, благоприятно влияющих на взаимоотношения человека с окружающими); экономическое здоровье (социально-экономическое благополучие); здоровье с медицинской точки зрения (физическое здоровье); педагогическое здоровье (успешная социализация личности); правовое здоровье (социально-правовая защищенность человека); нравственно-этическое здоровье (соблюдение социальных норм и морально-нравственных требований). Анализ литературы показал что исследователи в основном выделяют следующие характеристики социальной ценности «здоровье»: анализ адекватности восприятия действительности; степень интереса к окружающему миру; соотношение личностных смыслов и отношений личности с другими; система регуляции собственного поведения; способность к адаптации и высокая степень адаптированности в жизни и социуме; степень самоактуализации; степень социальной активности; степень коммуникативности; социально-психологическая атмосфера ближнего окружения; социально-психологической поддержки.

Проведенное исследование позволило раскрыть смыслообразующие конструкты такой ценности как «здоровье» с помощью некоторых характеристик. Среди них такие как: оптимистический взгляд в будущее и высокая самооценка; устойчивость к трудностям жизни и способность их преодолевать; нахождение смысла и цели в собственной деятельности, активность; независимость в принятии решений и способность контролировать происходящее; уверенность в своей компетентности и успешности; полнота жизненных сил. В результате около 81% респондентов (большинство) смогли раскрыть и описать каждую характеристику. Однако подробное и более или менее точное описание дали только 15% респондентов, многие характеристики остались не раскрыты. К примеру, такая характеристика как независимость понятна большинству отвечающим, однако, как это выражается в повседневной жизни многим (56%) не ясно и примеры не были приведены. Не было также связи с пониманием что «Автономность» - это самостоятельность и независимость в принятии решений. Здоровье как социальная ценность не проявлена, размыта и респонденты подробно описывали болезни и способы лечения, не понимая, что здоровье состояние, не связанное с заболеваниями.

Заключение. Таким образом, анализ всех компонентов института ЗОЖ в современном российском обществе можно обобщить, определяя следующий проблемы.

1. Нереализованность формальной задачи со стороны системы здравоохранения – профилактика заболеваний. Этим объясняется низкая профилактическая активность населения и информированность в области здоровья; низкий уровень мотивации к ведению здорового образа жизни; неудовлетворенность населения системой здравоохранения; отсутствие партнерских отношений "врач-пациент"; недостаточные знания и умения работы врачей разных уровней по первичной и вторичной профилактике. Также отметим разобщенность формальных организаций, реализующих управление системой здравоохранения и организаций, ведущих лечебную и профилактическую деятельность. Отсутствует межведомственный подход в плане профилактики заболеваний. Причиной этому служит как сложность нормативно-правовой базы, так отсутствие понимания о необходимости единой стратегии реализации институтов ЗОЖ в российском обществе.

2. Окружающая социальная среда, которая призвана адекватно поддерживать институт ЗОЖ в российском обществе, характеризуется следующим: рост количества платных услуг, и как следствие неравный доступ к медицинским услугам и недостаточное финансирование профилактических мероприятий.

3. Неформальное социальное окружение демонстрирует высокий уровень заболеваемости и инвалидности среди населения; рост алкогольной, табачной и наркотической зависимости населения, особенно молодежи; хронизация заболеваний.

4. Ценностное пространство института ЗОЖ почти не наполнено. Не смотря на постоянное указание в различных опросах здоровья как ценности, это скорее указание на здоровье как проблему. Респонденты ничего не делают для сохранения или поддержания здоровья, однако лечение и заболевание действительно поддерживаются социальными практиками. Можно сделать вывод что болезнь и лечение как система действий (в том числе и экономического характера) выступает действительной ценностью для различных возрастных категорий.

В целом, социальный институт ЗОЖ предполагает, с одной стороны, функционирование формальных инфраструктурных, информационно-образовательных, нормативно-правовых, налоговых и других организаций, позволяющих населению вести здоровый образ жизни, с другой стороны – действующие социальные практики, мотивирование населения к сохранению здоровья и долголетию, формирование ответственности каждого за сохранённое здоровье и здоровье своих близких.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акопян А.С. Здравоохранение в рыночной России // *Общественные науки и современность*. 2004. № 6. – С.58-65.; Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М.: "Омега-Л", 2011. – С. 158-166.
2. Бахрах Д.Н. Административное право России. Екатеринбург: Диамант, 1997. С. 214.
3. Коултер А., Маги Х. «Европейский пациент будущего». Великобритания, 2004.
4. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2006
5. Население : официальная статистика [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : официальный сайт. [цитировано 13 января 2015] . Метод доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat.ru/statistics/population/.
6. Неволлина В.В., Белоновская И.Д., Баранов В.В. Стратегии развития институтов здоровья в студенческой среде оренбуржья // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2017. - №10. – С. 116 – 119
7. Новейший социологический словарь / Сост. А.А.Грицанов, В.Л.Абушенко, Г.М.Евелькин, Г.Н.Соколова, О.В.Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2010. – С.1034.
8. Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения: приказ Министерства здравоохранения РФ от 3 февраля 2015 г. № 36ан // Гарант: информационно-правовой портал. [цитировано 29 апреля 2015]. Метод доступа: http://base.garant.ru/70883132/#block_2#ixzz3bTgvwSPz.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
10. Руководство по социальной гигиене и организации здравоохранения/ Под ред. Ю.П. Лисицына. М., 1987. С.10.
11. Русинова Н.Л., Сафронов В.Л. Социальные неравенства в здоровье и психологические ресурсы личности: проект сравнительного исследования в странах Европы и России // *Телескоп*. – 2018. - №1. – С. 21 – 29
12. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // *Американская социологическая мысль*. М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С.156.
13. Факторы здоровья человека : валеология //Grandars : энциклопедия. [цитировано 22 апреля 2015]. Метод доступа : <http://www.grandars.ru/college/medicina/factory-zdorovya.html>
14. Цикалюк Е.В. Система ценностных ориентаций индивида как показатель социального здоровья // *Система ценностей современного общества*. – 2008. - №2. – С. 122 - 126
15. Чудинова И.Э. Здравоохранение в изменяющемся обществе. 2003. – С. 21-22.
16. Шабайлов В.И. Управление здравоохранением в СССР. М.: Юридическая литература, 1968. – С.12.
17. Шейман И. Подходы к созданию интегрированной системы оказания и финансирования медицинской помощи // *Медицинское страхование*. 2009. Т.12. – С.156-161.

№44/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China)

and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>